

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово на новый годъ. Преосвященнаго <i>Амеросія</i>	1—13
Очеркъ современной умственной жизни. <i>Бюляева</i>	14—46
Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи «Церковь и государство» <i>А. Рождествина</i>	47—60
Открытія Доминиканцевъ въ Іерусалимѣ. <i>А. Н. Дервицкаго</i>	61—76
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодти Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла. Часть первая. (продолженіе). <i>Н. Истомина</i>	1—15
Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	16—34
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Царскій Колоколъ.—Постановленія съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ (продолженіе).—Списокъ лицъ свѣтскаго званія Харьковской епархіи, награжденныхъ за заслуги и пожертвованія по духовному иждомству благословеніемъ Св. Синода. — Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Брюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферантонева и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

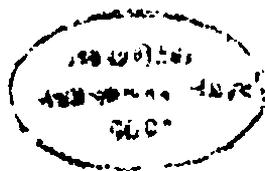
Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Пістєтє вѡоѡмєч,
Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Января 15 дня 1869 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*.

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ

Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго,

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ХРИСТІАНЪ КЪ СВОЕМУ ВѢКУ.

*Молю васъ, братіе, щедротами
Божіими,—не сообразуйтесь отку се-
му, но преобразуйтесь обновленіемъ
ума вашего, во еже искушати вамъ,
что есть воля Божія благая и угод-
ная и совершенная (Рим. 12, 1—2).*

Возьмемъ себѣ въ напутствіе на новый годъ это прекрасное наставленіе св. Апостола Павла, столь близкое къ нашему настоящему положенію относительно нашего вѣка.

« Не отставать отъ вѣка » нынѣ признается правиломъ обязательнымъ для всякаго мыслящаго человѣка. Въ этомъ поставляется и честь, и польза, и преуспѣяніе современныхъ людей и цѣлыхъ народовъ.. Нельзя, говорятъ, отставать отъ вѣка въ дѣлѣ образованія и воспитанія молодыхъ поколѣній, потому что этого требуетъ достоинство человѣка, честь государства и его значеніе въ средѣ другихъ народовъ. Нельзя отставать отъ другихъ народовъ въ увеличеніи армій,

въ изученіи военнаго искусства, въ усовершенствованіи орудій и путей сообщенія, потому что безъ этого можно лишиться своихъ владѣній, потерять свободу и стать рабами другихъ народовъ. Нельзя отставать въ развитіи промышленности, такъ какъ отсталый въ этомъ отношеніи народъ, и при богатствѣ своей страны, можетъ сдѣлаться данникомъ и жертвою корыстолюбія болѣе предприимчивыхъ и дѣятельныхъ народовъ. Нельзя отставать и въ области искусства, въ удобствахъ и украшеніи жизни. такъ какъ просвѣщенному народу несвойственно и противно жить въ условіяхъ, въ какихъ живутъ племена дикія и невѣжественныя. Все это совершенно справедливо и съ христіанскимъ ученіемъ совершенно согласно. Мы признаемъ и открыто выражаемъ это вопреки мнѣніямъ многихъ современныхъ мыслителей. будто христіанство, какъ религія свойственная вѣкамъ прошедшимъ, временамъ младенчества рода человѣческаго, задерживаетъ движеніе нашего вѣка къ такъ называемому *прогрессу*. Если и есть христіанскія исповѣданія, относящіяся враждебно ко многимъ безусловно полезнымъ усовершенствованіямъ нашего времени, то уже никакъ не православное исповѣданіе и не православная Церковь.

Но иное дѣло общіе взгляды, общія начала и цѣли принятая и преслѣдуемая нашимъ вѣкомъ—и иное дѣло развитіе началъ въ подробностяхъ и приложеніе ихъ къ жизни. Безспорна обязанность человѣчества стремиться къ совершенству, но съ чего начинается усовершенствованіе, въ чемъ состоитъ и какими средствами достигается полное и истинное совершенство.—эти вопросы нынѣ рѣшаются до крайности различно. Всѣмъ естественно желать образованія, свободы, независимости, довольства, благосостоянія, но въ опредѣленіи сущности и границъ всѣхъ этихъ искомымъ благъ

современные люди расходятся и противорѣчатъ другъ другу. Въ этомъ разнообразіи воззрѣній, и при искреннемъ желаніи найти вѣрное рѣшеніе столь важныхъ вопросовъ, нынѣ можно совсѣмъ растеряться, а въ жизни и дѣятельности можно сбиться съ прямого пути. Это мы и видимъ въ настоящее время. Противъ многого, что представляетъ намъ настоящій вѣкъ, возмущается христіанская совѣсть. Политическія волненія въ средѣ христіанскихъ народовъ, недоброжелательство ихъ другъ другу, обуявшій всѣхъ духъ корыстолюбія, страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, разстройство семейной жизни, оскудѣніе въ людяхъ честности, безкорыстія и вѣрности,—всѣ эти печальныя явленія, о которыхъ въ настоящій день и говоритъ прискорбно, убѣждаютъ насъ, что нашъ просвѣщенный вѣкъ больше обѣщаетъ, нежели даетъ намъ совершенства и счастья. Отсюда ясно, что мы не можемъ и не должны во всемъ идти за вѣкомъ безъ осторожности и безъ оглядки, закрывши глаза.

Этого именно и требуетъ отъ насъ наставленіе Апостола, такъ настойчиво и съ такою любовію намъ предлагаемое: «умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божиимъ,—не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная».

Христіанину, не утратившему совершенно познаній въ ученіи своей вѣры и не порабощенному противохристіанскими воззрѣніями, при безпристрастномъ размышленіи, не трудно убѣдиться въ божественной истинѣ и благодтворной силѣ этого апостольскаго изреченія.

Но прежде всего, въ избѣжаніе недоразумѣній, нужно имѣть правильное понятіе о томъ, что на языкѣ Священнаго Писанія разумѣется подъ словомъ *вѣкъ сей*.

Точное понятіе о значеніи этого слова преподалъ намъ Самъ Іисусъ Христосъ: «чада *вѣка сего*, говорятъ Онъ, женятся и выходятъ за-мужъ, а сподобившіеся достигнуть *того вѣка* и воскресенія изъ мертвыхъ ни женятся, ни за-мужъ не выходятъ, и умереть уже не могутъ, ибо они равны Ангеламъ». (Лук. 20, 34—36). И такъ, подъ словомъ *вѣкъ сей* разумѣется вообще наша земная жизнь въ ея противоположности жизни вѣчной: *вѣкъ сей* и *вѣкъ тотъ*. По самому этому противоположенію видно, что жизнь *вѣка сего* есть жизнь печальная и несоотвѣтствующая высшимъ стремленіямъ человѣка. Въ томъ вѣкѣ—отсутствіе тѣлесныхъ нуждъ и недостатковъ, безсмертіе, ангельское совершенство знанія и блаженство: здѣсь—тягостныя житейскія нужды, заблужденія, пороки, болѣзни, смерть. Причина этого великаго различія между симъ и тѣмъ вѣкомъ есть грѣхъ царствующій въ мірѣ. Отъ извращенія природы человѣческой грѣхомъ произошли, по ученію Слова Божія, *печаль*, или заботы *вѣка сего* (Мѡ. 13, 22), ложная мудрость *вѣка сего* (1 Кор. 2 6), хитрости и лукавства людей *вѣка сего* (Лук. 16, 8) и вообще всѣ тѣ бѣдствія внѣшнія и внутреннія, отъ которыхъ уврачевать родъ человѣчскій пришелъ на землю Сынъ Божій, отдавшій Себя, по слову Апостола, за грѣхи наши, *да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*. (Гал. 1, 4).

Этотъ длинный вѣкъ, т. е. время земной жизни всего человѣчества и существованіе этого видимаго міра началось съ сотворенія міра и человѣка, и окончится тогда, когда это угодно будетъ Тому, Которымъ *и вѣки сотворены* (Евр. 1, 2). Но люди сами, для опредѣленія времени рожденія и смерти частныхъ лицъ и смѣны поколѣній, возникновенія и исчезновенія съ земли цѣлыхъ народовъ, и совершенія тѣхъ, или другихъ важныхъ событій, раздѣлили этотъ вѣкъ на части

и, главнымъ образомъ, по общепринятому порядку,— на столѣтія. Что же? Это раздѣленіе между столѣтіями, или такъ называемыми *вѣками*, полагаетъ-ли какую нибудь существенную грань, отдѣляющую одинъ вѣкъ отъ другаго въ самой природѣ вещей и самой жизни человѣчества? Нѣтъ; жизнь идетъ непрерывнымъ ходомъ, міровыя явленія смѣняются, люди рождаются и исчезаютъ, не справляясь съ нашимъ счетомъ лѣтъ, и вчерашнее переходитъ въ нынѣшнее, прошлогоднее въ новогоднее и жизнь прошлаго вѣка въ новое столѣтіе по непрерывному теченію событій. И такъ, нашъ новый день, новый годъ и новый вѣкъ суть простыя числа, стоящія въ нашемъ умѣ и памяти, не имѣющія на жизнь викакого вліянія и ничего съ собой неприносящія. Что-же здѣсь существенное, дѣйствительно? Смѣна событій, возникновеніе новыхъ явленій изъ предшествовавшихъ причинъ. И такъ, *нашъ вѣкъ*, породившій такихъ же людей, какіе были и прежде, съ тѣми же силами, свойствами и стремленіями, есть часть того общаго вѣка, которымъ, по слову Спасителя, опредѣляется жизнь всего человѣчества,—и люди девятнадцатаго вѣка ничто иное, какъ сыны *вѣка сего*. Нѣтъ надобности доказывать, что и въ наше время не уменьшаются ни заблужденія, ни пороки, ни бѣдствія сравнительно съ вѣками предшествовавшими, а только видоизмѣняются. Многое поражаетъ насъ своею новостію, какъ и всегда поражали людей неожиданныя событія, появленіе великихъ гениевъ, смѣлые замыслы, неожиданныя открытія, но въ сущности все идетъ по старому. Современныя человѣческія усилія не измѣнили нашей природы, не влили въ нее новыхъ силъ, не искоренили въ насъ склонности къ грѣху, не прекращаютъ бѣдствій удручающихъ человѣчество.

И такъ, наставленіе Апостола, сказанное христіанамъ перваго вѣка, имѣеть силу на всѣ времена, а слѣдовательно и для христіанъ нашего вѣка: «не сообразуйтесь вѣку сему». Это значитъ: не почитайте образцомъ, или первообразомъ для вашихъ воззрѣній и убѣжденій идеи и ученія людей нашего вѣка, кто-бы они ни были, а особенно утратившихъ цѣльность и чистоту вѣры Христовой; не ставьте законами для себя новые обычаи вѣка, противорѣчащіе божественнымъ заповѣдямъ христіанства; не увлекайтесь современными удовольствіями льстящими чувственности. Не стыдитесь мыслить, говорить и дѣйствовать истинно по-христіански. Не бойтесь ни упрековъ, ни порицаній; не гонитесь за вѣкомъ; будьте самостоятельны.

«Но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего». Преобразоваться, обновляться умомъ, — что это значитъ? — Чтобы понять глубокое значеніе этихъ словъ, надобно опять возвратиться къ тому времени, когда они были сказаны. При первоначальномъ распространеніи христіанства въ Іудеѣ господствовали суевѣрія, въ язычествѣ — грубыя заблужденія и пороки. Христіане просвѣщенные ученіемъ Спасителя, озаренные благодатными дарованіями, утверждаемые въ чистой жизни благотворными правилами и учрежденіями, были, по слову Спасителя, *свѣтомъ міра* (Мат. 5, 14). — Но они входили въ Церковь Христову изъ іудеевъ и язычниковъ; въ нихъ могли быть остатки прежнихъ вѣрованій, склонностей и обычаевъ. Міръ, въ которомъ дотолѣ они жили, могъ быть для нихъ и обольстительнымъ и опаснымъ, представляя имъ безчисленные соблазны. Возрожденные благодатию Божіею къ новой жизни, они должны были свободно самодѣятельностію совлекаться ветхаго чело- вѣка и облекаться въ новаго (Кол. 3, 9), преобразоваться во всѣхъ силахъ духа и прежде всего въ умѣ, чтобы

подъ руководствомъ вѣры вмѣсто ума естественнаго приобрѣтаетъ *умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 16). Это дѣлалось, конечно, не вдругъ, а постепенно,—и не разомъ по отношенію ко всѣмъ вопросамъ жизни, а къ каждому отдѣльному случаю и предмету силою собственнаго размышленія и усвоенія возрѣній христіанскихъ. Такимъ образомъ, первые христіане должны были постоянно справляться съ ученіемъ вѣры и въ немъ искать разрѣшенія трудныхъ вопросовъ и недоумѣній. Въ помощь имъ, для этой цѣли учили и писали Апостолы, непрестанно проповѣдывали пастыри Церкви; для этого христіане приглашаемы были къ постоянному и прилежному чтенію божественныхъ писаній «пока не начнетъ разсвѣтать день, и не взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ ихъ» (2 Петр. 1, 19). И такъ какъ ниспаденіе даже съ высоты истиннаго знанія и нравственнаго совершенства всегда возможно, а въ сынахъ вѣка сего,—съ которыми неизбѣжно христіане приходятъ въ соприкосновенія, --образъ мыслей, стремленія и обычаи постоянно измѣняются, и между самими христіанами всегда появляются люди неправомыслящіе и неутвержденные въ жизни: то во всѣ времена, всѣ христіане, желающіе быть вѣрными своему призванію, должны постоянно продолжать этотъ трудъ преобразованія и обновленія своего ума.

Съ этой точки зрѣнія посмотрите на наше положеніе по отношенію къ нашему вѣку. Древніе христіане держали себя по возможности въ строгой отдѣльности и обособленности отъ остальнаго міра въ религіи и образѣ жизни, но и имъ грозили опасности. А нынѣ заблужденія и пороки вторглись въ самыя нѣдра христіанства и овладѣли цѣлыми народами носящими христіанское имя. Нынѣ въ отчужденіи отъ христіанскихъ вѣрованій и правилъ жизни полагается своего рода

свобода. Нашъ вѣкъ, подобно коню сбросившему съ себя узду, несется невѣдомо куда *впередъ*. Ослабленные проповѣдники новыхъ ученій кричатъ во весь голосъ: «не отставайте отъ вѣка!» Христіане, не имѣющіе собственныхъ убѣжденій, какъ бы отуманенные, безъ размышленія, безъ сопротивленія, толкая и поощряя другъ друга, уносятся въ это неизвѣстное *впередъ* неудержимою толпою, съ беззаботностію и даже съ улыбкою самодовольствія. Ясно, что и тѣмъ, которые совсѣмъ измѣнили христіанскимъ убѣжденіямъ, и тѣмъ, которые запутались въ разнообразіи новыхъ ученій и нравственно разслабѣли подъ вліяніемъ противохристіанскихъ обычаевъ, пора преобразоваться умами и *обновиться*. И живая вода, которая можетъ освѣжить и обновить умы наши, какъ обновляла древнихъ христіанъ, всегда готова для насъ въ неистекающемъ источникѣ божественнаго откровенія. Въ усердное изученіе его должны погружаться христіане, если хотятъ остаться вѣрными своему призванію. Но великое наше несчастіе состоитъ въ томъ, что простой народъ нашъ его не знаетъ и подражаетъ во всемъ людямъ, такъ называемымъ, просвѣщеннымъ; а эти послѣдніе ни божественнаго откровенія, ни духовныхъ писаній его изъясняющихъ, — большею частію, — и знать не хотятъ.

Чтобы при самомъ изученіи божественнаго откровенія выдти на прямой и вѣрный путь къ обновленію ума нашего, нужно не удовлетвореніе только нашей любознательности, но паче всего — познаніе воли Божіей: «преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы познавать вамъ, что есть воля Божія, — благая, угодная и совершенная». Величайшія усилія самыхъ высокихъ умовъ человѣческихъ доказали, что все ихъ познанія о человѣкѣ неполны, все построенія о человѣческомъ совершенствѣ гадательны; отъ того и правила жизни,

какъ средства для достиженія совершенства, не вѣрны, не тверды и противорѣчивы. Только Тотъ, Кто создалъ человѣка, знаетъ что онъ есть и чѣмъ долженъ быть. Только Его воля можетъ направить человѣка къ тому первообразу совершенства, какой Онъ имѣлъ въ умѣ Своемъ, когда сказалъ: *сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). И эта воля и этотъ идеаль совершенства, могутъ быть нами узнаны только отъ Него Самого. Ни природа, ни изученіе человѣка, ни исторія человечества не приведутъ насъ къ этому познанію. Его сообщаетъ намъ во всей полнотѣ одно божественное откровеніе. Въ немъ Богъ благоволилъ открыть намъ и Свой божественный образъ, по которому мы созданы, и то, что Ему отъ насъ угодно, и какими Онъ желаетъ насъ видѣть. Созерпая Его образъ и совершенства, сколько это для насъ доступно, и сличая съ Нимъ тѣ черты, которыхъ Онъ отъ насъ требуетъ, мы ясно видимъ, что можемъ совершенствоваться только по образу Создавшаго насъ. И чтобы по нашей ограниченности и поврежденности нашей природы грѣхомъ сдѣлать доступнымъ для нашего созерцанія и уподобленія невидимое Существо Божіе, Богъ послалъ къ намъ, на нашу грѣшную землю Сына Своего Единороднаго, *Иже есть образъ Бога невидимаго* (2 Кор. 4, 4) въ видимомъ образѣ Богочеловѣка, съ нами жившаго, къ намъ приблизившагося и даровавшаго намъ всѣ силы и средства для дѣятельнаго единенія съ Нимъ и богоуподобленія. Вотъ воля Божія о насъ, по слову Апостола, *благая, угодная и совершенная*. *Благая*, потому, что въ ней заключена и ею выражается безконечная любовь Божія къ намъ; *угодная*, т. е. желательная, потому что человѣкъ, идущій по ея указаніямъ съ каждымъ шагомъ, чувствуетъ себя сильнѣе, довольнѣе, счастливѣе; *совершенная*, потому,

что объемлетъ весь міръ и все человѣчество во всей широтѣ и полнотѣ ихъ свойствъ, цѣлей, обязанностей, взаимныхъ отношеній, состояній, возрастовъ, ихъ настоящаго и будущаго.

Осуществленіемъ воли Божіей въ жизни каждаго истиннаго христіанина оправдывается то различіе, которое указалъ Господь между своими послѣдователями и остальными людьми, назвавъ первыхъ *сынами свѣта*, а послѣднихъ *сынами вѣка сего* (Лук. 16. 8). Первые, по слову Псалмопѣвца, *ходятъ во свѣтъ лица Божія* (Пс. 88, 16), т. е. устремленіемъ ума и сердца ко всесовершенному образу Божію и къ святымъ заповѣдямъ Божіимъ, они стараются о нравственномъ самоисправленіи; вторые, не имѣя въ своемъ сознаніи этого Образа, и не сличая, не провѣряя съ заповѣдями Божіими своихъ дѣйствій, ходятъ по волѣ своихъ помысловъ и, неотразимо дѣйствующихъ въ поврежденномъ человѣкѣ, чувственныхъ вожделѣній и страстей. Первые всѣ свои дѣйствія подчиняютъ господствующей въ нихъ мысли и заботѣ о вѣкѣ грядущемъ; послѣдніе все бытіе свое, все счастье и надежды сосредоточиваютъ въ этой жизни. Первые, по выраженію Апостола, имѣютъ «чувства навывкомъ обученныя къ различенію добра и зла» (Евр. 5, 14); послѣдніе, тупѣя въ своей совѣсти и грубѣя въ своемъ сердцѣ, теряютъ это тонкое чувство. Этотъ духовный вкусъ къ различенію во всемъ присутствія добра и примѣси зла.

Вотъ гдѣ ученіемъ Слова Божія со всею точностію опредѣляются для христіанъ отношенія ихъ къ своему вѣку, разумѣется для тѣхъ, которые сами не смѣшались съ людьми этого вѣка и не огрубѣли нравственно вмѣстѣ съ ними. Вѣрные правиламъ своей жизни добрые христіане легко различаютъ, что въ движеніяхъ нашего вѣка есть истинно достойнаго, по-

лезнаго и заслуживающаго усвоенія и подражанія, и что ложно, вредно и опасно. Представимъ примѣры. Самый строгій православный христіанинъ, смотрящій на все безъ предубѣжденій. увѣренъ, что для человѣчества необходимы науки и образованіе, такъ какъ само христіанство есть высшее просвѣщеніе; но онъ не можетъ не страдать, когда въ его время просвѣщеніе изъ христіанскаго превращается въ языческое. и когда современное ему человѣчество, послѣ многихъ предшествовавшихъ христіанскихъ вѣковъ, ознаменованныхъ истинными успѣхами, — отодвигается въ рѣшеніи самыхъ главныхъ вопросовъ человѣческой жизни назадъ къ темнымъ временамъ языческой древности. Христіанинъ по существу своему есть поборникъ и защитникъ всякаго стремленія къ усовершенствованію, но ему страшно становится, когда съ забвеніемъ усовершенствованія нравственнаго. всѣ успѣхи вѣка полагаются въ однихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, направленныхъ единственно къ цѣлямъ земной жизни, погребая духъ подъ тяжестью заботъ фабричныхъ, торговыхъ и промышленныхъ. Христіанинъ знаетъ, что самая сущность христіанства состоитъ въ освобожденіи людей отъ грѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ препятствій къ дѣланію добра подъ покровительствомъ власти и закона, въ чемъ онъ и полагаетъ истинную свободу; а сыны вѣка сего требуютъ неограниченной воли и простора, чтобы ходить *въ похотяхъ сердецъ ихъ* (Рим. 1. 24) и думаютъ проложить путь къ совершенству и благополучію чрезъ ниспроверженіе общественнаго порядка и уничтоженія власти. Христіанину, обладающему чистымъ вкусомъ, свойственна чистота, опрятность и благоприличіе въ жизни, но ему противна безцѣльная роскошь, изнѣженность и прихотливость. Христіанинъ знаетъ, что ученіе Христова освободило женщину отъ

порабощенія и указало ей высокое нравственное призваніе, *въ которомъ нѣтъ мужескій полъ, ни женскій.* (Гал. 3, 28),—но онъ не можетъ безъ сердечнаго страданія смотрѣть на эти порывы современной женщины къ неограниченной свободѣ, доходящей до обезличенія половъ, которая уноситъ ее за границы ея природы, гдѣ она расточаетъ истинныя свои достоинства,—цѣломудріе, скромность, стыдливость, кротость.—Христіанинъ знаетъ, что неизбѣжна война, что необходимо защищать Богомъ данную намъ страну, но онъ не можетъ не скорбѣть о томъ, какъ далеко уклонился нашъ вѣкъ отъ цѣлей христіанскихъ, вооружая просвѣщенные народы другъ противъ друга, и хвалясь новоизобрѣтаемыми орудіями и успѣхами въ искусствѣ истребленія рода человѣческаго.

Не во власти человѣческой измѣнить направленіе вѣка; это можетъ дѣлать только Господь тайными путями Своего премудраго промысленія, или тяжкими потрясеніями и переворотами въ жизни человѣчества, направляемыми грозною десницею Его правосудія. Наша обязанность, помня свое призваніе и обновляясь внутренно, силою здравыхъ мыслей и добрыхъ примѣровъ, дѣйствовать на среду, въ которой мы поставлены. Легко распространяются заблужденія, трудно прививается истина; но ложь сама себя разрушаетъ, обнаруживаясь разстройствомъ и бѣдствіями въ жизни. а зиждительная сила христіанской истины медленно, но рѣшительно даетъ себя чувствовать въ обновленіи человѣческихъ обществъ. Позаботимся о расширеніи круга людей христіански мыслящихъ, сплотимся въ единомысліи и единопущіи, вооружимся мужествомъ и терпѣніемъ,—и не только мы сами почувствуемъ силу христіанскаго здравомыслія, но и другіе христіанскіе народы, уносимые бурными движеніями

вѣка, оцѣнять не только чистоту нашей вѣры и воззрѣній, но и крѣпость нашихъ жизненныхъ началъ.

Господи, во свѣтъ лица Твоего поидемъ и о имени Твоемъ возрадуемъ! (Пс. 88, 16). Аминь.

ОЧЕРКЪ

СОВРЕМЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Прошедшее даетъ уроки настоящему; настоящее приготовляетъ и предуказываетъ путь будущему. Если справедливо, что исторія есть учительница людей, то исторія просвѣщенія и въ особенности оцѣнка его состоянія въ ближайшее къ намъ время есть учительница ученыхъ. Не повторять прежнихъ ошибокъ, избѣгать крайностей и увлеченій, умѣть отличать прямой путь отъ окольныхъ, существенное отъ случайнаго и маловажнаго, пользоваться данными научными средствами для достиженія наилучшихъ результатовъ, не отставать отъ современнаго умственнаго движенія и въ тоже время уклоняться отъ воздѣйствія дурныхъ сторонъ его и сохранять самостоятельность, правильно оцѣнивать существующія міросозерцанія и пролагать или по крайней мѣрѣ готовить новые пути для мысли—значительную помощь во всемъ этомъ могутъ оказывать изученіе прошедшихъ судебъ просвѣщенія и безпристрастная оцѣнка современнаго состоянія науки, литературы, искусствъ.

Мы не беремъ на себя задачи прослѣдить судьбы просвѣщенія эпохи и бросимъ только мимолетный взглядъ на состояніе наукъ въ прежнія времена въ его отношеніи къ современной наукѣ: Мы рѣшаемся сдѣлать опытъ оцѣнки только современнаго умственнаго движенія, въ главныхъ его видахъ и проявленіяхъ. Но такъ какъ современная умственная жизнь чрезвычайно сложна и разнообразна, то характеристику ея

нельзя не признать дѣломъ труднымъ и сложнымъ. Поэтому мы не будемъ вдаваться въ частности и сдѣлаемъ только самую общую оцѣнку этой жизни. Предупреждаемъ, что мы пишемъ не всестороннее ученое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ, а излагаемъ свои наблюденія и впечатлѣнія, дѣлаемъ замѣтки. Всесторонняя и строго ученая обработка этого предмета теперь еще и не возможна: для нея не настало время, потому что современное умственное движеніе находится еще въ процессѣ своего развитія и для исполнѣ научной оцѣнки его не сдѣланы даже и подготовительныя работы.

Но на сколько этотъ предметъ труденъ, на столько же онъ занимателенъ. Круговороть современной умственной жизни такъ сложенъ и кнучъ, такъ разнообразны и разнородны происходящія въ немъ движенія! Безконечно разнообразны краски этого быстро вращающагося калейдоскопа, мелькая предъ глазами зрителя, вызываютъ въ душѣ его то сочувствіе, то отвращеніе; то приводятъ его въ уныніе, то вливаютъ въ его сердце бодрость; то внушаютъ ему страхъ, то исполняютъ его надеждой; онъ то радуется, то мучается, страдает. Онъ самъ живетъ и дѣйствуетъ въ этомъ круговоротѣ, связанъ съ нимъ безчисленными нитями; не только ближайшія, но, благодаря особымъ условіямъ современной жизни, самыя отдаленныя волны этого постоянно движущагося моря задѣваютъ и сотрясаютъ то тѣ, то другія струны его сердца.

Особый интересъ наблюденію и изученію современной умственной жизни сообщаетъ оригинальность этой послѣдней. Просвѣщеніе, и преимущественно собственно научное движеніе новаго времени имѣютъ столько характерныхъ особенностей, что онѣ кладутъ рѣзкую печать на весь строй жизни теперешнихъ образованныхъ народовъ и дѣлаютъ нашу эпоху не похожей на всѣ прежнія. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей возникли и стали постепенно развиваться еще со времени изобрѣтенія книгопечатанія, но съ особенной силой выступили онѣ только въ текущемъ столѣтїи, которое, по характеру и объему умственнаго движенія рѣзко отличается отъ всѣхъ прежнихъ вѣковъ, — разумѣемъ послѣднія 50 лѣтъ нашего столѣтія.

Эти характерныя особенности современной умственной жизни слѣдующія: распространеніе грамотности и усиленіе потребности просвѣщенія въ массахъ; облегченіе условій и улучшение средствъ для распространенія просвѣщенія и пріобрѣтенія познаній, общедоступность образованія и широкое распространеніе просвѣщенія, отсюда—умноженіе людей съ поверхностнымъ многознаціемъ; чрезвычайное накопленіе въ наукахъ фактическаго малообработаннаго матеріала, недостатокъ организаціи его и потребныхъ для этого дѣла великихъ идей: господство реализма въ наукѣ, натурализма въ искусствахъ и литературѣ, преобладаніе опытныхъ (эмпирическихъ) наукъ и упадокъ умозрительныхъ; чрезмѣрное пристрастіе къ опытному методу, до крайности широкое примѣненіе его, какъ единственнаго будто бы научнаго и плодотворнаго пріема, и преувеличенныя надежды на него, а съ другой стороны, и въ связи съ этимъ, ненормальное и тоже преувеличенное недоувѣріе къ умозрѣнію, нерасположеніе къ обобщеніямъ, антипатія къ философіи и другимъ умозрительнымъ наукамъ; расширеніе научнаго горизонта и открытіе многихъ новыхъ областей для человѣческой любознательности; умноженіе числа наукъ и чрезмѣрное развѣтвленіе ихъ или дробленіе на «спеціальности»; быстрый, по-истинѣ исполинскій, ростъ наукъ, литературы и искусствъ въ количественномъ отношеніи, а съ другой стороны, не высокое качественное состояніе и даже пониженіе многихъ сторонъ умственной жизни; умноженіе числа ученыхъ, такъ называемыхъ «спеціалистовъ», а съ другой стороны, отсутствіе гениевъ и великихъ талантовъ на поприщахъ науки, искусствъ и литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе нравственныхъ, интеллектуальныхъ и художественныхъ идеаловъ.

Объ этихъ характерныхъ проявленіяхъ и свойствахъ умственнаго движенія нашего времени мы и выскажемъ свои замѣчанія, причемъ не будемъ строго держаться того порядка, въ какомъ мы сейчасъ поставили главные пункты нашей статьи.

Такова была наша первоначальная задача. Но въ то время, какъ мы писали свои замѣтки, В. Соловьевъ напечаталъ въ

Вѣстникъ Европы (февраль и апрѣль 1888 г.) статью, въ которой силится доказать, что въ Россіи философія, наука, литература и искусства находятся въ самомъ незавидномъ положеніи и нѣтъ надежды, что онѣ когда нибудь будутъ процвѣтать въ ней; при этомъ онъ подразумеваетъ, что на Западѣ всѣ эти отрасли умственной дѣятельности и прежде и теперь стояли и стоятъ на высокихъ, недосыгаемыхъ для насъ, русскихъ, ступеняхъ развитія и совершенства.

Мы согласны съ мнѣніемъ автора статьи, что теперешнія: наука, литература и искусства не отличаются высокимъ качествомъ. Но между тѣмъ какъ онъ упадокъ всѣхъ этихъ сторонъ духовной жизни находитъ только въ Россіи, мы замѣчаемъ его повсюду; еще меньше сочувствуемъ мы взгляду его, будто упадокъ духовной производительности въ Россіи есть окончательный и непоправимый, будто Россія никогда не была и не будетъ способна къ самобытной культурѣ, будто она находится теперь въ состояніи старческаго изнеможенія и никогда не создастъ даже и такихъ, относительно великихъ, произведеній въ наукѣ, литературѣ и искусствахъ, которыя появлялись въ ней въ доселѣшнее время. Во всякомъ случаѣ нѣкоторое сходство въ предметѣ рѣчи и коренное различіе въ основномъ взглядѣ на него побуждаютъ насъ присоединить къ нашимъ замѣткамъ оцѣнку основной идеи статьи г. Соловьева; это будетъ служить дополненіемъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ мыслей нашего очерка. Наконецъ, мы считаемъ долгомъ высказаться противъ порицаній г. Соловьевымъ всего русскаго потому, что онъ вслѣдъ за упомянутой статьей издалъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ брошюру, подъ заглавіемъ *L'idée russe*, въ которой опять таки бранить Россію. Это уже значитъ «соръ выносить изъ избы», — дѣло въ данномъ разѣ тѣмъ болѣе не патріотичное и неблагоразумное, что иностранцы и безъ того, частію по незнанію Россіи, частію по недоброжелательству къ ней, цѣнятъ все русское гораздо ниже дѣйствительной цѣны.

Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашего времени состоитъ въ томъ, что въ новое время были изобре-

пы, умножены и усовершенствованы способы для сохраненія и распространенія знаній. Книгопечатаніе, особенно усилившееся въ послѣднее столѣтіе, даетъ возможность сохранять, распространять и увѣковѣчивать самыя маловажныя свѣдѣнія, которыя безъ посредства печати были бы достояніемъ ограниченаго кружка людей и скоро были-бы забыты. Силы пара и электричества разносятъ съ невѣроятной быстротой по всей землѣ слова и мысли человѣка, такъ что опъ чрезъ свою мысль и слово дѣлается какъ бы вездѣсущимъ. Никогда не писали и не печатали столько, какъ въ настоящее время. Не только древніе, но и люди прошлаго столѣтія не повѣрили бы, если-бы мы сказали имъ, какія огромныя горы печатной бумаги ежедневно выходятъ изъ типографій и литографій на всей землѣ. На разныхъ языкахъ ежегодно печатаются сотни тысячъ книгъ. Періодическія изданія: листки, газеты, сборники, журналы, выходятъ легіонами и, при помощи пара и электричества, сообщаютъ безчисленнымъ читателямъ ложь и истину, трубятъ имъ о событіяхъ и фактахъ важныхъ и неважныхъ, и даже совсѣмъ ничтожныхъ. Случившееся въ Америкѣ и въ Австраліи очень скоро дѣлается извѣстнымъ въ Европѣ, а объ европейскихъ событіяхъ, научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, судебныхъ процессахъ, политическихъ движеніяхъ и т. п., читаютъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Теперь книги и даже газеты стали проникать не только въ дома бѣдныхъ горожанъ, но и въ избы крестьянъ. Одну и ту же книгу или газету въ одно и то же время читаютъ богачъ и бѣднякъ, вельможа и ремесленникъ, или крестьянинъ, царь и послѣдній подданный.

Но если много пишутъ и печатаютъ, то значить, много есть читающихъ: количество произведеній печати всегда прямо пропорціонально запросу на чтеніе. Дѣйствительно, потребность чтенія, грамотности, просвѣщенія никогда не имѣла такой силы и не удовлетворялась въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ настоящее время. Этому благопріятствовали многія обстоятельства, каковы: облегченіе способовъ сохраненія и распространенія знаній, усовершенствованіе методовъ преподаванія и улучшеніе школьнаго дѣла вообще,

открытие доступа къ образованію для всѣхъ сословій, распространеніе убѣжденія въ пользѣ и необходимости образованія и предоставленіе людямъ съ познаніями со стороны правительствъ, общества и частныхъ лицъ важныхъ преимуществъ и выгодъ, матеріальныхъ и духовныхъ, открытіе многихъ новыхъ предметовъ, новыхъ путей и даже цѣлыхъ областей знанія, что постоянно возбуждаетъ и поддерживаетъ ученую любознательность; наконецъ, сдѣланныя за послѣднее столѣтіе великія открытія и изобрѣтенія въ области механики, химіи, физики, технологіи, произведшія въ жизни человѣчества болѣе существенный переворотъ, нежели революціи, всемірныя завоеванія и смѣны царствующихъ династій, пересоздавнія весь строй народной и общественной жизни, воочію всѣмъ и каждому показали, что знаніе есть великая сила, что наука можетъ творить почти чудеса, а это окончательно подорвало вѣковые предрасудки противъ знанія, внушило довѣріе и уваженіе къ наукѣ и возвысило почтеніе къ ученымъ; сторонники невѣжества оказались зарѣзанными безъ ножа, и движеніе къ просвѣщенію пошло еще болѣе быстрой и могучей волной. Развившаяся при такихъ благоприятныхъ условіяхъ потребность въ просвѣщеніи въ свою очередь сама сдѣлалась могущественнымъ двигателемъ просвѣщенія. Явилось много людей, жаждущихъ свѣта науки, умножилось число ученыхъ и образованныхъ. Но, съ другой стороны, мода на образованіе, усиленный запросъ на людей ученыхъ и преимуществъ, которыми ихъ стали награждать, заставили учиться и такихъ людей, которые не питаютъ любви къ наукѣ и не обладаютъ энергіей и талантами для серьезнаго усвоенія учености и образованія. Очень многіе стали черпать познанія или изъ празднаго любопытства, или для удовлетворенія тщеславія и честолюбія, или изъ подражанія другимъ, а то, и большею частію,—изъ за куска хлѣба, ради карьеры и для удовлетворенія все умножающихся потребностей. Наукой и литературой стали заниматься люди совершенно неспособные къ наукѣ, не призванные. Нарядившись для отвода глазъ въ ученую одежду, они, съ мѣщанскою развязностію, сами себя пригласили на пиръ науки. Правда, правительство, Церковь,

общество, зовуть на этотъ пиръ всѣхъ. Но это не значитъ, чтобы имъ было желательно присутствіе на немъ людей, не приглашенныхъ самой природой. Приглашаются всѣ потому, что не возможно приглашать каждого поодиночкѣ. Приглашать же только извѣстныя сословія или состоянія по выбору, какъ это было въ старину, значитъ дѣлать несправедливость, значитъ не распутывать, а разсѣкать узелъ: такая мѣра, помимо вызываемаго ею недовольства, не только не уменьшитъ числа непризванныхъ къ наукѣ и образованію полуобразованныхъ дѣятелей, но можетъ даже увеличить его, а съ другой стороны, она многихъ лишитъ возможности развернуть свои способности на благо общества. Впрочемъ, вопросъ о регулированіи образованія такъ важенъ и труденъ, и кромѣ того въ настоящее время онъ получилъ такое жгучее значеніе, что мы, опасаясь отвлечься въ сторону, оставимъ его: онъ достоинъ особой разработки.

Не замедлили обнаружиться и плачевные результаты наплыва на сцену науки, литературы и образованности людей къ тому не призванныхъ природой, или же злоупотребляющихъ дарами природы и плодами просвѣщенія. Результаты эти: умноженіе людей, нахватавшихъ верхи наукъ, многознаекъ, которые во многихъ отношеніяхъ не лучше, если не хуже, совершенныхъ невѣждъ; умноженіе бездарныхъ и несчастныхъ ищакъ, «сочинителей» въ худшемъ смыслѣ этого слова, въ области литературы, и ученыхъ, выдающихъ чужую ученость за свою,—въ области науки; чрезмѣрное развитіе литературы, количественное и замѣтное пониженіе ея, качественное распространеніе легкомыслія, нравственнаго и религіознаго индифферентизма, измельчаніе характеровъ и постепенное исчезновеніе типа людей съ твердыми убѣжденіями; забвеніе правила, имѣвшаго въ прежнее время силу, что каждое нечестное слово должно быть правдиво, свято; помраченіе въ обществѣ и даже въ самихъ просвѣтителяхъ его сознанія, что наука, литература и искусство должны служить исключительно высшимъ идеаламъ жизни: карать пороки.

1) Въ самое послѣднее время наше правительство стало принимать мѣры къ ограниченію числа ищущихъ образованія.

разоблачать ложь, безстрашно проповѣдывать истину, безпристрастно обсуждать текущія событія и дѣла, очищать и возвышать нравственные и эстетическіе вкусы общества, пробуждать въ обществѣ сознаніе высшихъ цѣлей жизни, быть для него и яркимъ маякомъ, и надежнымъ лоцманомъ, и вмѣстѣ съ забвеніемъ этихъ священныхъ для каждаго печатнаго слова обязанностей водвореніе въ послѣднемъ завѣдомой лжи, потачки низменнымъ инстинктамъ общества, продажности и владычественной въ наши дни рекламы.

Мода на образованіе вмѣстѣ съ облегченными способами и вообще благоприятными условіями для пріобрѣтенія познаній расплодила многознаекъ, людей съ поверхностнымъ образованіемъ или, лучше сказать, полуобразованныхъ на-показъ, таковыя знаютъ все, но хорошо не знаютъ ничего; могутъ написать взглядъ и нѣчто, но правильно обсудить не могутъ самаго простаго дѣла. Начинивши свою голову разрозненными и мало-осмысленными познаніями, они чрезъ то самое утратили простой и здравый взглядъ на вещи,—и, что хуже всего, утратили навсегда, потому что самоувѣніе и упорство, составляющія неизбѣжную принадлежность многознаекъ, преграждаютъ имъ путь къ исправленію. Въ настоящее время опасность сдѣлаться многознакой грозитъ какъ многимъ изъ тѣхъ, которые пытались пройти или даже и прошли школу систематическаго образованія, такъ и людямъ, идущимъ къ просвѣщенію путемъ самообразованія и разносторонняго чтенія.

Нынѣ прошедшіе курсъ средне-учебныхъ заведеній знаютъ больше, чѣмъ древніе мудрецы. Но хорошо ли они понимаютъ то, что знаютъ,—этотъ вопросъ въ большинствѣ случаевъ долженъ получить отрицательный отвѣтъ. Изучается такая масса матеріала, требуютъ затвердить такое огромное количество разнообразныхъ фактовъ, что даже и способные не имѣютъ времени для размысленія хотя бы надъ нѣкоторою долею затверженнаго, а посредственные и слабые, подавляемые массой непосильной для ихъ ума работы, не успѣваютъ усвоить предлагаемый имъ учебный матеріалъ даже и механическимъ образомъ и не доканчиваютъ курса. Или же наиболѣе усердные изъ таковыхъ надрываютъ свои силы, физи-

ческія и духовныя, наживаютъ близорукость, первое разстройство и другіе тяжкіе недуги, и этимъ ставятъ себѣ непреодолимую преграду для дальнѣйшаго умственнаго развитія и полезной дѣятельности. Правда, современной педагогіей твердо установлено, и никѣмъ не оспаривается правило, что лучше прочитать и знать мало, да хорошо, нежели много, да какъ нибудь; но, къ сожалѣнію, на практикѣ это правило примѣняется вовсе не такъ часто, какъ бы слѣдовало. При такомъ положеніи школьнаго дѣла очень многіе совсѣмъ не доканчиваютъ курса средне-учебныхъ заведеній и умножаютъ въ обществѣ число недоучекъ. Это люди большею частію недовольные своей участью и потому нравственно надломленные: а нпые изъ нихъ заявляютъ излишнюю претензію на ученость, что ставитъ ихъ нерѣдко въ смѣшное положеніе и дѣлаетъ ихъ несимпатичными. Но дурные результаты поглощенія слишкомъ большаго количества учебнаго матеріала обнаруживается и въ тѣхъ, которые кончаютъ курсъ средне-учебнаго заведенія и поступаютъ въ высшее, какъ-то: физическое утомленіе и дряблость, неохота къ самодѣятельности въ мышленіи, склонность пріобрѣтать готовые знанія и нерасположеніе къ самостоятельной переработкѣ ихъ, однимъ словомъ, преобладаніе пассивнаго мышленія надъ активнымъ, а въ худшемъ разѣ—неохота къ ученымъ занятіямъ и отбываніе обязанностей курса изъ подъ палки, ради полученія диплома.

Что касается до самообразованія посредствомъ разносторонняго чтенія книгъ, то, повидному, никогда не было для этого дѣла условій, болѣе благоприятныхъ, нежели въ настоящее время. Нынѣ есть книги даже и въ захолустьяхъ, не говоримъ уже о центрахъ; добывать ихъ стало легче, чѣмъ прежде, и, между тѣмъ какъ съ теченіемъ времени почти все дорожало, книги дешевѣли. Эти слова отчасти приложимы и къ Россіи, а къ западнымъ государствамъ и подавно. Но въ избыткѣ книгъ заключаются и не выгодныя стороны. Встарину дѣло самообразованія затруднялось недостаткомъ книгъ, теперь оно встрѣчаетъ препятствія въ изобиліи ихъ и въ недоброкачественности многихъ изъ нихъ. Человѣка, занятаго дѣломъ самообразованія, ничто не неволитъ читать книги

безъ числа и мѣры. Но, при настоящемъ состояніи литературы и книжнаго дѣла, онъ не можетъ устоять противъ соблазна читать гораздо больше, чѣмъ сколько можетъ переварить его голова. Кромѣ того, онъ почти не можетъ не употреблять значительнаго количества времени на чтеніе развлекающее и чрезъ то отнимаетъ у себя время для чтенія образовательнаго, нагружаетъ свою голову ненужнымъ балластомъ, незаметно отучаетъ ее отъ серьезной вдумчивости и привыкаетъ къ легкомыслію. При необычайной сложности и разнообразіи современной умственной жизни и при быстротѣ смѣны ея явленій и распространенія знаній, когда одна новинка смѣняетъ другую, чтеніе пріобрѣло небывалую прежде завлекательность. Встарину отъ чтенія сторонились, какъ отъ занятія самаго скучнаго; на него смотрѣли, какъ на дѣло, своего рода подвигъ, которому отдавались только самые серьезные, или угрюмые люди. Теперь чтеніе во многихъ случаяхъ стало пріятнымъ бездѣльемъ, развлеченіемъ, препровожденіемъ времени. Охота къ чтенію усилилась; но достоинство взгляда на его значеніе и цѣль повизилась, упала доброкачественность и плодовъ его. Быстро перенося вниманіе читателей съ одного предмета на другой, современное чтеніе препятствуетъ сосредоточенію мыслей на немногихъ важныхъ предметахъ и развиваетъ легкомысліе. Платонъ сказалъ, что изобрѣтеніе письменности послужило къ ослабленію памяти: не будетъ абсурдомъ сказать, что изъ отдаленнѣйшихъ результатовъ изобрѣтенія книгопечатанія было ослабленіе разсудка. Теперь легко нагрузить голову самыми новыми и разнообразными познаніями, но сдѣлаться чрезъ чтеніе истинно образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ нынѣ не легче, чѣмъ прежде. Впрочемъ, можно было бы примириться съ тою невыгодной стороною въ характерѣ современнаго чтенія, о которой мы сейчасъ сказали, если бы къ ней не присоединялась другая, еще болѣе неблагоприятная дѣлу самообразованія. Книгъ стало много—это хорошо; но дурно то, что расплодилось много книгъ и изданій кошлыхъ, тенденціозныхъ, мнимо ученыхъ; еще хуже то, что благодаря рекламѣ, плохія книги, журналы и листки назойливо вездѣ и всегда лѣзутъ вамъ въ глаза, а хорошія гниютъ

въ складахъ, потому что ихъ авторы, какъ люди честные, гнушаются рекламой; еще хуже то, что при искусствѣ поддѣлокъ, при спутанности понятій и продажности писательскаго пера даже и образованные люди не всегда сразу могутъ отличить дурную книгу отъ хорошей, тѣмъ труднѣе это для людей, которые только еще стремятся къ образованію. Мимоходомъ не можемъ не заявить удовольствія по поводу того, что у насъ въ Россіи злонамѣренная тенденціозность, ложь и реклама въ печати пока еще не имѣютъ большой силы, не успѣли еще развиться; но за границей, особенно въ Америкѣ, онѣ царствуютъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ надежды, что потокъ этого зла не разольется съ теченіемъ времени и у насъ. Въ настоящее время, желающій просвѣтиться чрезъ разностороннее чтеніе, если онъ не хочетъ испортить своего дѣла, долженъ употреблять всевозможныя старанія на то, чтобы избавиться отъ чтенія бесполезныхъ книгъ; и все-таки нельзя быть увѣреннымъ, что его старанія увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Чѣмъ больше книгъ, тѣмъ труднѣе опредѣлить, что читать нужно, что читать бесполезно и что читать вредно. Если такой человѣкъ сосредоточитъ все вниманіе на какую нибудь отрасль человѣческихъ знаній, то онъ рискуетъ сдѣлаться послѣдователемъ какого-либо самаго крайняго ученія въ этой области; если же онъ займется многими отдѣлами науки или литературы, то при трудности разобраться въ хаосѣ книгъ и правильно оцѣнить разныя направленія мысли, ему грозитъ опасность сдѣлаться попугаемъ, поверхностнымъ диллетантомъ, человѣкомъ безъ опредѣленныхъ взглядовъ и убѣжденій. И дѣйствительно, теперь не мало такихъ людей. Кромѣ умственныхъ недостатковъ, о которыхъ мы упоминали характерныя особенности этихъ людей суть: индифферентизмъ, отсутствіе горячихъ и твердыхъ убѣжденій и захватывающихъ душу интересовъ, безхарактерность, способность одинаково убѣжденно говорить за и противъ, все огульно порицать или со всѣми и во всемъ соглашаться и т. п.

«Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:
Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь-бы доказано было умно

.
Книги не шутка: укажутъ онѣ
Все педостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко . . . »

Къ сожалѣнію, и указать злое могутъ только хорошія книги, а нынѣ приходится отыскивать ихъ въ грудѣ печатнаго хлама и въ этихъ поискахъ обременять умъ этимъ хламомъ.

Въ связи съ развитіемъ потребности чтенія, въ особенности чтенія легкой и эфемерной литературы, стоитъ упадокъ достоинства самой литературы, вызываемый еще и другими обстоятельствами. Много стало читателей и притомъ такихъ, которые постоянно требуютъ чего-нибудь новенькаго: естественно и пишущихъ стало много. Въ этомъ не было ничего дурнаго, если бы природа соотвѣтственно усилившейся потребности чтенія производила большее количество талантовъ; но на самомъ дѣлѣ она этого не дѣлаетъ. Нынѣ людей образованныхъ, знающихъ и ученыхъ стало больше, чѣмъ когда-бы то ни было; но больше ли стало умныхъ людей, этого не замѣтно. Не удивительно, что за писательское перо взялись такіе люди, которые принесли бы больше пользы обществу, если-бы они посвятили себя другой дѣятельности. Бездарности стали наводнять своими произведеніями періодическія изданія, литературу, прокрались они и въ возвышенныя сферы искусствъ и науки.

Размноженію «жалкихъ писаекъ», какъ обозвалъ ихъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, способствуетъ чрезвычайное развитіе въ наши дни періодической печати. Сочинять книгу подобный писака не станетъ, такъ какъ у него не достанетъ на это ни таланта, ни знанія, ни рѣшимости, ни, — это главное, — средствъ на ея изданіе, хотя попытки такого рода все-таки встрѣчаются. Но онъ ничего не теряетъ и положительно выигрываетъ, когда онъ пишетъ статейку, замѣтку или стихотвореніе и помѣщаетъ въ журналъ, газетъ, иллюстраціи. А редакторы очень многихъ періодическихъ изданій не могутъ не удѣлять въ нихъ нѣкотораго мѣста подобнымъ про-

произведеніямъ; потому что хорошія статьи, особенно принадлежащія перу вѣстныхъ писателей, оплачиваются дорого, и издателямъ пришлось бы надѣлать долговъ, или-же прекратить свое дѣло, если бы они наполняли журналы статьями только хорошими. Да и пегдѣ взять такого количества хорошихъ статей, чтобы ими можно было наполнить всѣ страницы всѣхъ многочисленныхъ періодическихъ изданій: не говоря о выдающихся талантахъ, даже просто хорошихъ писателей у насъ вовсе не много.

Широкое въ количественномъ отношеніи развитіе журналистики косвенно портитъ даже и хорошихъ писателей, ставитъ препятствія для правильнаго развитія талантовъ и для созданія классическихъ по достоинству произведеній. Съ перваго раза это можетъ показаться несообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не журналы ли служатъ ареной, на которой начинающіе писатели пробуютъ свои силы, получаютъ добрые совѣты отъ старшихъ и болѣе опытныхъ собратьевъ, добываютъ матеріальныя средства и нравственную поддержку, безъ чего большинство ихъ принуждено было бы отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій литературой и т. п. Все это правда; тѣмъ не менѣе мы не отказываемся отъ своей мысли, что во многихъ случаяхъ чрезмѣрное развитіе журналистики понижаетъ достоинство литературы, препятствуетъ талантамъ достигнуть высшей степени развитія, не даетъ времени для обработки ихъ произведеній, превращаетъ писателя въ ремесленника.

Въ настоящее время журналовъ и газетъ выходитъ много, и публика читаетъ ихъ съ охотой, охотнѣе нежели книги, которыя по этой причинѣ отступаютъ на задній планъ. Такъ какъ публика при подпискѣ можетъ дѣлать выборъ изъ значительнаго числа періодическихъ изданій, то каждое изъ нихъ естественно, старается заманить подписчиковъ. Одной изъ лучшихъ приманокъ является участіе въ изданіи одного, двухъ или даже нѣсколькихъ писателей, пріобрѣвшихъ известность болѣе или менѣе талантливыхъ. Такъ какъ періодическихъ изданій много, а талантливыхъ писателей сравнительно мало, то не удивительно, что чуть не каждый изъ нихъ пишетъ для двухъ, трехъ, даже четырехъ изданій, а даетъ обѣщаніе

писать для шести—семи. Въ результатѣ выходитъ спѣшная, срочная, и потому въ большинствѣ случаевъ не высокаго качества работа. Нарушается свобода творчества. Есть ли охота писать, или нѣтъ, найдены-ли подходящіе сюжеты, или нѣтъ, литераторъ, связанный даннымъ словомъ, побуждаемый кромѣ того матеріальнымъ расчетомъ, долженъ писать, и при томъ писать къ сроку. Онъ не имѣетъ часто времени ни обдумать и выносить планъ работы, ни заняться обработкой частностей. Написавши и напечатавши начало, онъ иногда не знаетъ, о чемъ онъ будетъ говорить въ продолженіи и въ окончаніи, а между тѣмъ не рѣдко заключительныя страницы даютъ указаніе, какъ должна быть написана первая глава. Даже такое крупное во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе изящной литературы послѣдняго времени, какъ романъ Л. Н. Толстаго «Анна Каренина», говорятъ, былъ написанъ такимъ способомъ. Но если не принимать во вниманіе подобныхъ исключительныхъ твореній, то будетъ справедливымъ сказать, что журнальная дѣятельность не располагаетъ писателей избирать обширныя и серьезныя темы и трудиться надъ разработкой одного предмета много лѣтъ, она толкаетъ его на работы легкія, такъ сказать, мѣсячныя, побуждаетъ его избирать темы изъ интересовъ дня. Вслѣдствіе этого въ послѣднее время даже и крупные таланты стали растрачиваться на мелочи. Охваченные быстрымъ токомъ современной жизни, они охотно пишутъ наброски, очерки, этюды, рисуя мимолетныя явленія текущей жизни; пишутъ торопливо и потому небрежно. Поспѣшности въ работѣ требуютъ не только журнальныя обязательства, но и слишкомъ быстрая смѣна интересовъ въ обществѣ: чѣмъ интересуется общество нынѣ, на то оно не обратитъ никакого вниманія чрезъ годъ. При такомъ состояніи современной жизни и отражающей ее, подобно зеркалу, журналистикѣ произведенія писателей забываются также легко и скоро, какъ ступшевываются тѣ событія и минутные интересы, которыми они были вызваны. Предметы трудныя, важныя и имѣющіе не мимолетный интересъ писатели теперь рѣдко разрабатываютъ, а если и берутся за нихъ, то большею частію оказываются ниже своей задачи. Пишущихъ много, а классическія

истинно-великія произведенія появляются все рѣже и рѣже. Торопливая и располагающая къ тенденціозности журнальная работа въ особенности можетъ оказывать вредное вліяніе на писателей начинающихъ. Они большую часть времени должны бы посвящать на изученіе великихъ твореній человѣческаго генія, на расширеніе познаній, на трудъ развитія всѣхъ силъ своего духа, а удобно ли это при журнальной дѣятельности? Если кому, такъ именно имъ нужно помнить правило Горация: пересматривать свое произведеніе до девяти разъ, а развѣ это правило исполнимо при срочной журнальной работѣ, особенно если писатель набираетъ ея слишкомъ много? Только при такой строгой школѣ писатель можетъ въ концѣ жизни сказать, что на данные ему десять талантовъ онъ пріобрѣлъ другіе десять талантовъ; только при такой школѣ онъ никогда не напечатаетъ того, что его не достойно. И такой-то трудной, но необходимой для всесторонняго и нормальнаго развитія талантовъ, школѣ полагается препятствіе въ изобильномъ писаніи журнальныхъ статей, а такое многописаніе—самое обыкновенное явленіе въ настоящее время.

Ни въ чемъ такъ очевидно не обнаруживается упадокъ современной литературы, какъ въ языкѣ. Повидимому, мы неизмѣримо далеко ушли впередъ отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: наука, промышленность, техническія искусства, грамотность, образованіе, развились съ тѣхъ поръ до такихъ широкихъ размѣровъ, что кажется, будто отъ того времени насъ отдѣляетъ не полвѣка, а два вѣка. И однако, какъ это ни странно, нашъ литературный языкъ съ тѣхъ поръ сдѣлалъ значительный шагъ назадъ. Упадокъ языка—это признакъ пониженія всей духовной жизни. Языкъ—это сама мысль, сама душа въ воплощеніи, въ осязательной формѣ. Онъ—органъ и орудіе науки и литературы и вмѣстѣ зеркало, въ которомъ ярко отображаются всѣ ихъ достоинства и недостатки, всѣ свойства духовной жизни народа и его лучшихъ представителей. Поэтому, какъ бы ни были очевидны другіе признаки движенія впередъ, упадокъ языка, если только онъ дѣйствительно есть, свидѣтельствуетъ, что это прогрессивное движеніе или продолжается по инерціи, или оно есть только на-

ружное и скоро прекратится и что въ глубокихъ родникахъ жизни началось уже попятное движеніе. А что въ настоящее время, говоря вообще, пишутъ хуже, чѣмъ какъ писали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, то, быть можетъ, многіе не согласятся съ этимъ, но мы думаемъ такъ. Доказать это, по самому существу дѣла, не легко. Сошлемся, впрочемъ, на одинъ примѣръ, который, какъ и всякій вообще примѣръ, мы не считаемъ сильнымъ доказательствомъ. Недавно намъ пришлось заглянуть въ сочиненія Бѣлинскаго. Мы читаемъ книги каждый день, но намъ показалось, что мы уже давно-давно не читали ничего подобнаго; почудилось, будто отъ пошлой прозы мы перенеслись въ очаровательный міръ поэзіи. Говоримъ не о содержаніи прочитаннаго, а о строфѣ рѣчи. Мы были изумлены и увлечены необычайной плавностію ея теченія, строгостію и вмѣстѣ изяществомъ стиля, захватывающей силой воодушевленія, пламеннымъ краснорѣчіемъ. Въ настоящее время Л. Н. Толстого признаютъ первымъ художникомъ слова не только среди нашихъ, но и среди европейскихъ современныхъ писателей; однако, по нашему мнѣнію, его рѣчь блѣднѣетъ предъ языкомъ Бѣлинскаго. Простота и прозрачная ясность, изящество и художественная образность, составляютъ высокія достоинства сочиненій графа Толстого. Но въ его слогѣ нѣтъ той стальной силы и сжатости, а въ его рѣчи—того огня и увлекающаго воодушевленія, нѣтъ той могучей силы, которыя такъ неотразимо дѣйствуютъ на читателей сочиненій Бѣлинскаго. Такимъ образомъ сравненіе по языку свѣтила художественной литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ свѣтяломъ современнымъ оказывается не въ пользу послѣдняго.

Намъ напомнить, что Бѣлинскій писалъ въ журналахъ, и журнальная дѣятельность не понизила достоинства его произведеній. Но мы порицаемъ писателей не за то, что они пишутъ въ журналахъ, а за то, что нѣкоторые изъ нихъ пишутъ слишкомъ много, пишутъ въ ущербъ развитію своихъ талантовъ и доброкачественности своихъ работъ. Бѣлинскій болѣе всякаго другаго писателя дорожилъ достоинствомъ своего пера: онъ имѣлъ самый идеальный и возвышенный взглядъ

на призваніе писателя. Онъ писать, что не предосудительно получать вознагражденіе за сочиненія; но писать съ тою цѣлю, чтобы получать за это деньги, постыдно. Нынѣ, болѣе чѣмъ когда-бы то ни было, не слѣдуетъ забывать это разумное правило. Изъ теперешнихъ писателей особенною строгостію къ своимъ произведеніямъ отличается Гончаровъ. Но вѣдь онъ принадлежитъ къ славной плеядѣ старыхъ русскихъ литераторовъ, руководствуется преданіями старой школы; а имѣтели это достоинство кто-либо изъ новыхъ писателей—что-то не слышать.

Нѣтъ проку въ бумагомараніи бездарностей; не похвальны безпечность талантливыхъ писателей въ дѣлѣ развитія ихъ даровъ и небрежное отношеніе къ обработкѣ ихъ произведеній: дурно и то, когда талантъ портится отъ тенденціозности и извращеннаго направленія: во всѣхъ этихъ случаяхъ, отъ неспособности ли писателя, или отъ его нерадѣнія, или отъ недостаточнаго уваженія къ истинѣ и печатному слову, читателю дается пища частію не питательная и скудная, частію и положительно вредная. Но несравненно хуже положеніе читателя и вреднѣе дѣятельность писателя, если послѣдній современную потребность чтенія эксплуатируетъ своекорыстнымъ образомъ. Самая обычная цѣль въ такомъ случаѣ есть нажива на счетъ легковѣрія, испорченныхъ вкусовъ и пошлости общества; другіе добиваются незаслуженной славы хотябы на часъ, когда нѣтъ надежды пріобрѣсть славу прочную. Иные, не имѣя возможности, по своему скудоумію, писать дѣльно и серьезно, мало объ этомъ и печалются, потому что знаютъ, что слово легкомыслія и лжи, лишь бы оно было высказано заманчиво, распространится шире, нежели серьезная рѣчь правды; а это имъ нужно, потому что выгодно. Не мимолетныя только сообщенія, о чемъ рѣчь сейчасъ будетъ ниже, но цѣлыя книги и даже періодическія изданія надѣваютъ маску серьезной учености, новизны, завлекательнаго изящества, и этой маской прикрываютъ пошлость содержанія, подтасовываютъ факты, выдаютъ чужое за свое, проводятъ завѣдомо ложные взгляды, поддѣлываются подъ испорченные вкусы публики, разжигаютъ чувственность и т. п. Порожденія умствен-

наго убожества и безнравственнаго торгашества, они становятся очагами для распространенія заразы легкомыслія, обмана и безнравственности въ массѣ. Могучимъ орудіемъ для распространенія бесполезныхъ и вредныхъ книгъ, листовъ, періодическихъ изданій и т. п., и вмѣстѣ средствомъ для обогащенія сочинителей и издателей служитъ реклама. Мы разумѣемъ не одни безграмотныя изданія книжной толкучки Никольской улицы: это только одинъ изъ видовъ безсовѣстной эксплуатаціи печатнаго слова и благородной потребности людей, какова любовь къ чтенію. Есть другіе, болѣе утонченные, виды эксплуатаціи человѣческаго довѣрія и злоупотребленія печатью.

Даже въ превыспреннія области науки стали проникать личный произволь, пристрастіе, почти продажность.

Въ 1877 году на съѣздѣ натуралистовъ въ Мюнхенѣ извѣстный нѣмецкій дарвинистъ Геккель предлагалъ ввести гипотезу Дарвина въ систему школьнаго преподаванія. Вирховъ въ блестящей рѣчи горячо возсталъ противъ этого предложенія. Будучи поборникомъ свободы въ научныхъ изслѣдованіяхъ, Вирховъ сказалъ своимъ слушателямъ, что «намъ грозитъ въ будущемъ опасность потерять теперешнюю свободу вслѣдствіе слишкомъ широкаго ея употребленія», и добавилъ: «я желаю предостеречь васъ противъ продолженія *самоволія личной фантазіи, царствующаго теперь во многихъ наукахъ*».

Приведемъ для разъясненія еще одинъ примѣръ.

Недавно одинъ медикъ жаловался въ печати ¹⁾, что теперь въ медицинѣ властно царятъ такъ называемыя «скороспѣлыя сообщенія», которыя, поданныя сегодня, чуть не послѣ завтра теряютъ всякую цѣнность, такъ какъ являются плодомъ поспѣшныхъ и недостаточныхъ наблюденій, преждевременныхъ выводовъ и ложнаго сопоставленія фактовъ. Такъ, напр., онъ говоритъ, что года два тому назадъ большого шума надѣлало извѣстіе доктора профессора Рокитанскаго изъ Граца о натрійной соли бензойной кислоты, якобы успѣшно дѣйствующей противъ чахотки; между тѣмъ болѣе внимательныя на-

¹⁾ Статья доктора Ходецаго въ Живописномъ Обзорѣнн 1887 г. № 38.

блюденія и точные опыты другихъ врачей открыли, что пресловутая натрійная соль нисколько не дѣйствуетъ противъ главныхъ проявленій чахотки легкихъ, что открытіе доктора Рокитанскаго есть самообольщеніе, и радость чахоточныхъ была преждевременна.

И хорошо еще, скажемъ мы, если это было только легкомысленное самообольщеніе, а не гнусная реклама, рассчитанная на то, чтобы протрубить о себѣ и завлечь побольше пациентовъ. Кто бы зналъ, что существуетъ въ Грацѣ какой-то докторъ Рокитанскій (это, очевидно, не знаменитый Рокитанскій, профессоръ Вѣнскаго университета, а или однофамилецъ его, или недостойный его родственникъ), если бы не этотъ фокусъ?

Что въ настоящее время злоупотребляютъ наукой, литературой, искусствами и въ особенности періодической печатью съ цѣлью наживы, что многіе пользуются ими для распространенія лжи и безнравственности, для оправданія преступленій, для проведенія идей и цѣльныхъ проектовъ, вредныхъ обществу и государству, но выгодныхъ частнымъ лицамъ, кружкамъ и партіямъ, что ради меркантильныхъ расчетовъ или по другимъ недостойнымъ побужденіямъ не только не дѣлаютъ общественнаго слова проводникомъ высокихъ идеаловъ, которымъ оно должно служить, но замаскированно подрываютъ ихъ сплу и т. п.,—съ этимъ едва ли кто не согласится. Въ самомъ дѣлѣ, кто станетъ отрицать, что въ настоящее время значительная часть политической печати находится на откупѣ, и органы ея служатъ интересамъ тѣхъ, отъ кого получаютъ субсидіи? Одинъ князь Бисмаркъ имѣетъ въ Германіи и другихъ странахъ цѣлую дюжину такихъ газетъ, которымъ онъ платитъ изъ секретныхъ государственныхъ фондовъ Германской имперіи. Вѣдь обращался же онъ, по словамъ настоящей редакціи Московскихъ Вѣдомостей, къ покойному редактору ихъ съ предложеніемъ сдѣлать свой органъ оффиціозомъ Германскаго правительства, иначе говоря, за золото проводить идеи, согласныя съ интересами Германіи, хотя бы онѣ заключали въ себѣ ложь и измѣну своему отечеству. А сколько соряетъ денегъ на фабрикацію и распространеніе лживыхъ извѣстій

биржевые тузы? Имъ и книги въ руки. Было бы наивностію упрекать ихъ за это, когда биржевая игра въ томъ и состоитъ, чтобы переливать золото изъ чужихъ кармановъ въ свои, не пренебрегая для достиженія этой цѣли никакими средствами. Кто сумѣетъ лучше, чище и больше обобрать другихъ, менѣе опытныхъ игроковъ, тому и хвала въ этомъ царствѣ золотого кумира. Какое ему дѣло до того, что отъ подобныхъ лояльных хищеній страдаетъ благосостояніе тысячъ людей, совершенно не причастныхъ биржевой игрѣ? Къ счастью, въ болѣе возвышенныя и болѣе удаленныя отъ дразгъ жизни области науки, изящной литературы и искусствъ продажность проникла сравнительно мало. Однако и здѣсь не рѣдкость встрѣтить подлаживаніе подъ испорченные или недоразвитые вкусы публики, уже и здѣсь реклама,—эта вывѣска продажности,—благодаря той же періодической печати, стала крупной силой, которая сбиваетъ съ толку общественное мнѣніе, толкаетъ на ложный путь начинающихъ дѣятелей, выдвигаетъ на видъ людей малоспособныхъ, но честолюбивыхъ или своекорыстныхъ, а дѣйствительно способныхъ, по скромныхъ затмѣваетъ, однимъ словомъ, выворачиваетъ изнанку на лицо, лицо на изнанку. Приведемъ для ясности аналогичные факты изъ другихъ сферъ жизни. Въ послѣднее время стали поддѣлывать товары мануфактурные, колоніальные, съѣстные припасы, пищу и питье и т. п. Цѣль опять таки одна и та же—легкая нажива безъ разбора средствъ. Зло это возникло недавно, а между тѣмъ оно приняло крайне широкіе и опасные размѣры. Оно грозитъ подорвать честное производство, смести съ рынка и разорить добросовѣстныя фирмы, оно подкапываетъ здоровье милліоновъ потребителей, отравляя ихъ вредными, даже ядовитыми веществами. Это зло гнѣздится пока въ городахъ, особенно большихъ; но понемногу и незамѣтно оно распространяется изъ этихъ очаговъ и въ деревни. Это зло имѣетъ государственное и общепародное значеніе. На борьбу противъ него должны выступить соединенныя силы правительства, общества и науки; да и то не извѣстно, удастся-ли имъ поборотъ его. По крайней мѣрѣ, пессимисты уже сейчасъ говорятъ, что теперь искусная поддѣлка побиваетъ натуру; но дѣло

дойдетъ до того, что грубая, явная для всѣхъ, поддѣлка придушитъ поддѣлку искусную. Какъ ни мало вѣроятно это страшное прорицаніе, но если дѣло дойдетъ до того, что на рынкѣ искусныхъ поддѣлокъ будетъ гораздо больше, чѣмъ натуральныхъ предметовъ,—то оно исполнится. Грубая поддѣлка въ такомъ случаѣ будетъ имѣть два преимущества предъ искусной: дешевизну и въ своемъ родѣ безобманность. «Мы продаемъ вамъ, скажетъ купецъ покупателю, или фабрикантъ купцу, вещь поддѣланную, это точно; но за то мы васъ и не обманываемъ на счетъ поддѣлки и продаемъ дешево; а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ вамъ будутъ предлагать вещи яко-бы натуральныя, вы въ восьми случаяхъ изъ десяти купите искусную поддѣлку, т. е. будете обмануты, да и цѣну заплатите дорогую». Всякій согласится, что только специалистъ дѣла, вполне знакомый съ фабрикаціей натуральной вещи и всѣхъ поддѣлокъ ея, откажется отъ покупки аляповатой поддѣлки. Но и специалисты ошибаются. Говорятъ, шерстяныя матеріи уже и теперь поддѣлываются такъ искусно, что даже знатоки не всегда могутъ отличить ихъ отъ настоящихъ шерстяныхъ тканей. Стали поддѣлывать даже такіе предметы, которые приносятся въ жертву Богу,—разумѣемъ восковыя свѣчи и деревянное масло.

Поддѣлки, вредныя примѣси есть теперь и въ духовной пицѣ, которую готовятъ ученые, корреспонденты и редакторы, литераторы и художники. Да иначе и быть не можетъ: духъ времени проникаетъ всѣ стороны жизни, съ тѣмъ только различіемъ, что въ одной области жизни онъ проявляется больше и сильнѣе, въ другой—слабѣе, или не такъ замѣтно. Главная движущая пружина—духъ продажности; конечная цѣль—нажива; фальсификація и реклама—главныя средства: вся эта нравственная зараза коснулась всего процесса современной жизни, гдѣ больше, гдѣ меньше.

Главными дѣятелями возникновенія и распространенія этой заразы были и продолжаютъ быть евреи. Болѣе всѣхъ другихъ людей способные къ эксплуатаціи, они въ нынѣшнее время къ прежнимъ видамъ ея присоединили еще новый,—эксплуатацію просвѣщенія. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому

назадъ, когда у насъ много толковали по вопросу о представленіи евреямъ правъ, одинаковыхъ съ прочими иновѣрцами гражданами, многіе настаивали особенно на томъ, чтобы евреямъ былъ данъ свободный доступъ къ образованію въ надеждѣ этимъ способомъ переродить ихъ, подорвать ихъ національную обособленность, ослабить ихъ склонность къ эксплуатаціи, евреевъ сдѣлать русскими. Опытъ показалъ призрачность этихъ надеждъ. Ученые евреи, дѣйствительно, перестаютъ быть фанатиками-талмудистами, иные даже съ презрѣніемъ относятся къ своей религіи; но въ такомъ случаѣ они вообще не признаютъ никакой религіи, становятся если не безбожниками, то полными индифферентистами въ религіи и нравственности, во всякомъ случаѣ не дѣлаются ни русскими, ни христіанами; другія же дурныя свойства еврейскаго племени у нихъ остаются, и въ частности остается склонность и способность къ гешефтамъ. Есть, конечно, между ними и честные, но таковыя есть и въ средѣ евреевъ необразованныхъ. Но еврей-эксплуататоры образованные гораздо вреднѣе необразованныхъ, потому что гораздо сильнѣе послѣднихъ. Они не только воспользовались наукой и образованіемъ, какъ могущественной силой, для расширенія своихъ гешефтовъ, но и самую науку и образованіе заразили зловоніемъ еврейства: духъ наживы и продажность, составлявшіе прежде неотъемлемую собственность коммерціи, суда и администраціи; они внесли въ чистую дотолѣ область науки и просвѣщенія, прибавили еще новоизобрѣтенную машину—рекламу, которая за-разъ служитъ и сѣялкой лжи, и жатвеннымъ орудіемъ для лавровъ, и лопатой для собиранія денегъ. Въ Германіи и Австріи чуть не половина печати находится въ рукахъ евреевъ и пропитана меркантильнымъ духомъ. Нѣтъ теперь ни одного значительнаго государства, въ которомъ бы совсѣмъ не было органа печати съ еврейскимъ духомъ. Въ Россіи въ самое короткое время евреи наводнили гимназіи, реальныя училища, университеты и разныя профессиональныя школы, такъ что наше правительство, опасаясь деморализаціи школъ, образованія, науки и всей общественной жизни, отъ такого чрезмѣрнаго наплыва въ учебныя заведенія еврейства, огра-

ничло пріемъ въ нихъ евреевъ извѣстнымъ процентомъ сравнительно со всѣмъ количествомъ учащихъ. Есть также у насъ и органы печати, то явно, то скрытно — еврейскіе. И какъ въ торговлѣ евреи были у насъ главными дѣятелями въ пониженіи достоинства товаровъ и продуктовъ, въ распростра-неніи всякаго рода обмана, въ развитіи рекламы, принявшей видъ яркоцвѣтныхъ вывѣсокъ, газетныхъ объявленій, мнимой распродажи товаровъ въ короткій срокъ за половинную цѣну и т. п.,—такъ они же вносятъ духъ торгашества въ науку, литературу и въ періодическую печать.

Ужаснѣе всего, что не смотря на то, что въ это святилище духовной жизни человѣка меркательность проникла недавно, она успѣла уже занять въ немъ господствующее положеніе, усиливается съ каждымъ годомъ, и нѣтъ пока никакихъ признаковъ возможности ослабленія ея въ будущемъ. Будемъ надѣяться развѣ на то, что всякое зло само для себя выкапываетъ бездну, въ которую оно и низвергается въ то время, когда доходитъ до крайняго предѣла своего развитія. Дѣйствительно, напр., рекламѣ уже и теперь опытные люди не довѣряютъ, но только такихъ мало, а попадающихъ на ея удочку много; но по мѣрѣ расширенія царства рекламы, число обманутыхъ ею будетъ такъ велико, что довѣріе къ ней будетъ упадать больше и больше, а она и держится единственно на легковѣрїи общества. Теперь одни вѣрятъ рекламѣ, одни по легкомыслію, другіе по неопытности и незнанію, такъ какъ не были еще обмануты рекламой и не имѣютъ о ней понятія, третьи вводятся въ заблужденіе хитрыми приемами, на которые такъ изобрѣтательны рекламисты. Понятно, что всегда будутъ и легковѣрные, и неопытные, или незнающіе, и поддающіеся, не смотря на опытность, обману; но если число такихъ съ теченіемъ времени умалится, благодаря упадку репутаціи рекламы въ обществѣ, то можетъ случиться, что расходы на рекламу не будутъ окупаться доходами отъ нея. Тогда она падетъ сама собой. Будемъ надѣяться.

Русскій человѣкъ можетъ утѣшить себя еще тѣмъ, что реклама и вообще торгашество заразили русское общественное слово гораздо меньше, нежели печать западно-европей-

скую и сѣверо-американскую. Западъ опередилъ насъ и по этой части. Однако, мало надежды на то, что мы не будемъ стараться догнать его въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ.

Кромѣ меркательности, изменность полета, мелочность и неспособность къ вдохновенію высшими идеалами обнаруживаются въ эмпиризмѣ и натурализмѣ, которыми теперь проникнуты литература, искусства и наука. Эмпиризмъ и натурализмъ, составляя отчасти результатъ утомленія духа и неспособности его овладѣть мелочами и возвыситься до болѣе широкихъ созерцаній, въ свою очередь способствовали пониженію достоинства произведеній современнаго искусства и литературы; въ то же время эмпиризмъ и натурализмъ оказались, повидимому, плохой школой для воспитанія и развитія талантовъ.

И въ изящной литературѣ, и въ искусствахъ въ настоящее время замѣтны упадокъ творчества и вдохновенія, отсутствіе великихъ идей, выдающихся талантовъ и бессмертныхъ твореній. Писателей и художниковъ теперь много множество,— больше, чѣмъ когда бы то ни было. Но какое изъ ихъ безчисленныхъ произведеній мы рѣшились бы назвать бессмертнымъ? Какое созданіе ихъ пера, рѣзца, или кисти приковывало бы сердца всѣхъ, заставляло бы умолкнуть голосъ зависти и клеветы и невольно вырвало бы, какъ бы изъ груди одного человѣка, единогласный кликъ изумленія и восторга: «это созданія генія!» Повсюду, и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ царитъ золотая посредственность, безличность; много талантовъ, не мало и кропотливаго труда, а генія нѣтъ. И не безъ основанія упадокъ творчества, скудость идей и отсутствіе великихъ созданій объясняютъ крайнимъ эмпиризмомъ въ наукѣ и крайнимъ натурализмомъ въ литературѣ и въ искусствахъ. Господство натурализма въ литературѣ и въ искусствѣ за-разъ убило и величіе замысловъ, и красоту формъ.

Взгляните на сцены нашихъ театровъ! Каждый сезонъ появляются на нихъ чуть не десятки новыхъ драмъ и комедій,— являются затѣмъ, чтобы---чрезъ одинъ—два мѣсяца уступить свое мѣсто другимъ такимъ же мертворожденнымъ недоно-

скамъ теперешней драматургіи. Сегодня смотрятъ ихъ на сценѣ, или читаютъ въ журналѣ, а завтра забываютъ, и они, эти безхарактерныя и ничтожныя поддѣлки, навсегда погребаются въ огромной кучѣ современнаго печатнаго хлама. Это знакъ, что даже художественный и интеллектуальный вкусъ массы, уровень котораго мы, во всякомъ случаѣ, не можемъ признать высокимъ, стоитъ выше щедро предлагаемой ей нашими драматургами пищи ¹⁾. Выходитъ нѣчто странное и почти невѣроятное: уже не литература просвѣщаетъ общество, не она облагораживаетъ и возвышаетъ вкусы его, какъ бы слѣдовало быть, а напротивъ, общество, относясь къ ней съ законнымъ полупренебреженіемъ, свидѣтельствуешь о ничтожествѣ ея. До такой степени потускнѣли свѣточа художественнаго творчества, понизились вершины мысли, погасъ священный огонь!

Напрашивается другой примѣръ изъ области другого искусства. Три раза возобновлялся конкурсъ проектовъ памятника Императору Александру II, и каждый разъ безуспѣшно. Моделей памятниковъ въ три раза было представлено очень много, сколько нибудь удовлетворительнаго не оказалось ни одного. Въ составленіи проектовъ участвовали лучшіе наши архитекторы и скульпторы, въ выработкѣ нѣкоторыхъ проектовъ замѣтна усидчивая работа. Но именно обиліе деталей, сложность и вычурность многихъ моделей памятниковъ свидѣлствуютъ о слабости замысла, объ отсутствіи ярко выраженной, могучей идеи. Безсильная мысль, неспособная об-

¹⁾ Совершенно обратное отношеніе между публикой и представителями драматическаго искусства было въ прежнее, недавнее время. «Театры Московскіе», писалъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ одинъ изъ современниковъ, «весьма посредственны, и имѣють то общее съ Петербургскими, что французскій—дразнить вниманіе зрителей не совѣмъ пристойными фарсами, а русскій, гдѣ, кромѣ Щепкина, есть дарованія замѣчательныя, подавленъ требованіями мало образованныхъ зрителей и потому рѣдко серьезно изучаетъ пьесу и часто впадаетъ въ грубость. Если прійдетъ Эльсверъ или Самойловъ—восхищеніемъ нѣтъ конца. Цвѣты, обфиды, браслеты, стихи, отпряжка лошадей—словомъ, всё преувеличаваніи людей, мало видящихъ замѣчательнаго». Русскій Архивъ 1888 г. № 3. Москва въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія. Изъ записокъ сенатора Кастора Пикифоровича Лебедева. 487 стр.

нять цѣлаго, дробится, расходуется на мелочи, и ослабѣваетъ еще больше. Накопленіемъ деталей стремятся полнѣе и всестороннѣе обнять великое царствованіе и рельефнѣе выразить крупныя событія его; но такъ какъ частности не проникнуты одной всеобъемлющей идеей, свѣтъ которой дѣлалъ бы значеніе ихъ яснымъ и выразительнымъ, то накопленіемъ деталей достигается совершенно обратное: памятникъ перестаетъ быть общепонятнымъ, выразительнымъ, яркимъ; не согрѣтая идеей сложность дѣлаетъ его безцвѣтнымъ, безхарактернымъ, холоднымъ. Великая мысль всегда воплощается въ простой, общепонятной и въ то же время могучей по силѣ и выразительности формѣ. Геніальная мысль однимъ словомъ, однимъ взмахомъ кисти, или рѣзца говоритъ больше и сильнѣй, нежели дряблая мысль — цѣлымъ томомъ описаній. Вѣдь сумѣлъ же творецъ памятника Минину и Пожарскому, который поставленъ на Красной площади въ Москвѣ, однимъ жестомъ руки, указывающей на Кремль, выразить сущность смутной эпохи, — указать сердце, въ которомъ жизнь Россіи замирала, но изъ котораго она могла и воскреснуть!..

По поводу годичнаго акта въ Императорской Академіи Художествъ въ 1888 г. М. Соловьевъ писалъ: «Художественное образованіе въ Петербургѣ привлекаетъ массу ученицъ. Школа Поощренія Искусствъ и Штиглицевское Училище Техническаго Рисованія переполнены ими. Но нужно сознаться, что выдающихся талантовъ, за крайне малымъ исключеніемъ, между ними не замѣчается. Продолжительный упорный трудъ ихъ по большей части разрушительно дѣйствуетъ на природныя способности. Нерѣдко приходится замѣчать и слышать, что художница, подававшая надежды, заучилась, т. е. утратила драгоцѣнное условіе творчества — самостоятельность фантазіи, способность къ инициативѣ». «Моск. Вѣдом.» 1888 г. № 317.

Намъ скажутъ, что и въ настоящее время въ искусствахъ и въ изящной литературѣ появляются произведенія, отмѣченныя печатью геніальности. Намъ укажутъ на Айвазовскаго, который, по необычайной легкости творчества, по изумительной плодовитости его и по высокому достоинству его картинъ,

безспорно можетъ быть причисленъ къ великимъ мастерамъ живописи, стать на ряду съ гениальными художниками; изъ писателей укажутъ на графа Л. Н. Толстого, котораго теперь прославляютъ не только въ Россіи, но и за границей, и многія произведенія котораго отличаются высокимъ художественнымъ творчествомъ; иные сошлутся и на Щедрина и скажутъ, что наиболѣе удачныя изъ его многочисленныхъ сочиненій даютъ ему право стоять въ ряду великихъ сатириковъ всѣхъ временъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что и въ чужихъ земляхъ найдутся литераторы и художники, равные сей-часъ упомянутымъ и даже превосходнѣйшіе. Мы этого не отрицаемъ. Но если мы примемъ во вниманіе, какъ сильна нынѣ потребность грамотности и образованія, какъ широко онѣ распространены, какъ велико нынѣ число ученыхъ, писателей, художниковъ, то нельзя не согласиться, что процентъ великихъ талантовъ ничтоженъ, что, повидимому, ростъ научнаго, литературнаго и художественнаго творчества въ широту ослабляетъ подъемъ его вверхъ, что съ умноженіемъ числа ученыхъ, литераторовъ и художниковъ не только нѣтъ соответственнаго увеличенія числа истинно великихъ дѣятелей въ этихъ трехъ областяхъ духовной жизни, а скорѣе даже замѣтно уменьшеніе ихъ. Какъ будто бы природа отпускаетъ на весь родъ человѣческій опредѣленное количество силъ, энергій и творчества, и чѣмъ болѣе возрастаетъ число талантовъ, тѣмъ менѣе шансовъ для сосредоточенія чрезвычайныхъ дарованій въ немногихъ лицахъ. Рѣдкіе проблески гения, не многія, истинно-великія, произведенія литературы и искусствъ теряютъ и тонутъ въ подавляющей ихъ массѣ ремесленныхъ издѣлій и пачкотни. «У васъ, обращался недавно одинъ изъ государственныхъ дѣятелей и писателей Франціи къ своимъ соотечественникамъ, есть искусство, которое не согрѣваетъ и не возвышаетъ, литература, которая занята только тѣмъ, чтобы забавлять васъ и возбуждать ваши дурные инстинкты; сами философы ваши считаютъ за честь сомнѣваться во всемъ и научать скептицизму подростковъ». («Москов. Вѣдомости» 1888 г. № 294). Нельзя выразиться сильнѣе и, къ сожалѣнію, правдивѣе. Къ несчастію, съ этими словами можно обратить-

ся не къ однимъ французамъ, но и къ нѣмцамъ, и къ англичанамъ, не говоря уже о другихъ, второстепенныхъ европейскихъ народахъ, потому что въ настоящее время литература и искусство стоятъ во Франціи не ниже, а скорѣе даже выше, нежели у прочихъ образованныхъ народовъ. Вообще же упадокъ литературы и искусства въ настоящее время настолько замѣтенъ, что едва ли многіе станутъ оспаривать наше убѣжденіе въ этомъ.

Но если мы скажемъ, что наша эпоха не богата и великими учеными, то эти слова могутъ принять за шутку. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, никогда развитіе науки не было такъ высоко и уваженіе къ ней такъ велико, какъ въ наше время. Съ другой стороны, никогда не было такого множества ученыхъ, какъ въ послѣдніе три вѣка, и самое огромное число ихъ приходится на текущее столѣтіе. Теперь даже и наукъ не перечислить: во сколько-же разъ больше ученыхъ, разрабатывающихъ науки? И не смотря на это, мы опять повторимъ, что настоящихъ ученыхъ, т. е. такихъ, которые бы полноту и разнообразность познаній соединяли съ философскою основательностію и глубиной мысли, точныя спеціальныя свѣдѣнія совмѣщали съ широтой кругозора,—теперь встрѣтить рѣдко.

Нынѣшніе ученые совсѣмъ особаго рода, не похожіе на ученыхъ прежнихъ вѣковъ. Въ древности были мудрецы, т. е. такіе люди, которые знали тогдашнюю науку и жизнь и съ этимъ, полнымъ для ихъ времени, знаніемъ соединяли цѣлостность міросозерцанія, непосредственность чувства, силу и свѣжесть ума, оригинальность взглядовъ, духовное творчество, и свое міросозерцаніе осуществляли въ своей жизни и дѣятельности; однимъ словомъ, это были необыкновенно цѣльные люди, у которыхъ слово и ученіе рѣдко расходилось съ жизнью и дѣятельностію, разсудительность воплощалась въ добродѣтеляхъ. Теперь мудрецовъ нѣтъ, такъ что даже и самое слово мудрость давно вышло изъ употребленія. Знать теперешнюю многосложную жизнь и еще болѣе многосложную науку и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать здравымъ смысломъ, живымъ чувствомъ, силой духовнаго творчества и цѣльнымъ міросозерцаніемъ, имѣть съ широкимъ умомъ и сильный харак-

теръ и жить сообразно съ своими нравственными правилами—соединеніе всего этого въ одномъ лицѣ въ настоящее время просто немислимо, невозможно; даже и половины этихъ достоинствъ не найдешь у самыхъ знаменитыхъ ученыхъ новѣйшаго времени.

Въ послѣдующія за классическою древностію времена мудрецовъ тоже не было. Но все-таки тогда среди ученыхъ и мыслителей было относительно больше людей съ цѣльной натурой, съ послѣдовательнымъ и законченнымъ міросозерцаніемъ, съ глубокими убѣжденіями, съ сильнымъ характеромъ, съ самобытными воззрѣніями, нежели теперь; они не имѣли мелкихъ свѣдѣній, но за то мыслили крѣпче, чувствовали сильнѣе, учили и дѣйствовали убѣжденнѣе, менѣе порывали связи съ жизнью и болѣе осуществляли на дѣлѣ свои воззрѣнія, нежели теперешніе ученые.

Что нынѣшніе ученые носятъ совсѣмъ особый отпечатокъ и не похожи ни на библейскихъ и классическихъ мудрецовъ, ни на ученыхъ послѣдующихъ вѣковъ, это ясно и характерно сказывается въ самомъ названіи ихъ. Теперь не такъ часто называютъ ихъ учеными, какъ «спеціалистами». Это слово совсѣмъ новое и чрезвычайно характерное. Прежніе ученые такъ не назывались, и не могли быть называемы, да и самого слова этого тогда не было: теперь, напротивъ, ученые иначе почти и не называются, какъ спеціалистами. «Онъ спеціалистъ» — это, по теперешнему словоупотребленію, значитъ: онъ настоящій ученый. «Вы не спеціалистъ, по этой части», говоритъ вамъ антагонистъ въ спорѣ, и такой аргументъ противъ вашей компетентности въ сужденіи о предметѣ рѣчи всѣ признаютъ самымъ сильнымъ; если вамъ врача не назовутъ спеціалистомъ, то значитъ—онъ врачъ заурядный. Вообще, теперь и въ ученыхъ и даже въ житейскихъ разговорахъ часто слышишь слова: «спеціалистъ», «спеціальность», «спеціальное изученіе или знаніе» и т. п. Эти названія показываютъ, что современные ученые имѣютъ особый типъ, и что главной мѣркой для оцѣнки учености принимается спеціализація этой послѣдней, значитъ, и существеннымъ въ учености признаютъ спеціальность его познаній. Спеціалистъ—это знатокъ одной

какой-либо науки (спеціальности), или, чаще, одной отрасли науки, даже одной части этой отрасли, маленькаго уголка науки; онъ изучаетъ и знаетъ только этотъ узкій уголокъ одной изъ неисчислимаго множества наукъ, но за то обязанъ знать его точно, во всѣхъ подробностяхъ. Имѣетъ ли г. спеціалистъ хотя бы элементарныя свѣдѣнія изъ другихъ, важныхъ, но далекихъ отъ его спеціальности, наукъ, объ этомъ не спрашиваютъ. Не ставятъ въ особую вину, если онъ не знаетъ даже и сродныхъ съ его спеціальностію наукъ. Иногда преклоненіе предъ спеціализаціей ученыхъ занятій доходитъ до крайности, до абсурда; напр., полагаютъ, что чѣмъ уже кругъ ученыхъ занятій человѣка, тѣмъ большіе результаты онъ можетъ достигнуть, а ученаго, пишущаго не по одной своей спеціальности, готовы упрекать за то, что онъ разбросался, не вѣренъ своему призванію, напророчать, что онъ не успѣетъ создать ничего важнаго и крупнаго въ своей спеціальности и т. п. Духъ времени не благопріятствуетъ энциклопедическому образованію, оно недостаточно цѣнится и не поощряется; не благопріятствуютъ ему и задачи, преслѣдуемая большинствомъ теперешнихъ ученыхъ въ научныхъ работахъ, и самый строй современной науки. Почти всѣ ученые набросились на изученіе частныхъ, заняты микроскопической работой, собираютъ и изслѣдуютъ отдѣльные явленія и факты. Организація ихъ, научное творчество, стремленіе къ обобщеніямъ, построеніе теорій—все это отставлено на второй планъ, или даже совсѣмъ игнорируется и не существуетъ. Науки превратились въ груды матеріала, столь огромныя и столь мало упорядоченныя, что даже и при блестящихъ способностяхъ и настойчивомъ трудѣ невозможно овладѣть ими. Понятно, что теперь не стало людей, многосторонне образованныхъ съ энциклопедическою ученостію. Нынѣ крайняя спеціализація ученаго труда въ такой модѣ, что почти совсѣмъ забываютъ о дурныхъ сторонахъ ея, считаютъ ее явленіемъ нормальнымъ и почти желательнымъ, полагаютъ, что для успѣха въ научныхъ работахъ нужно раздѣленіе труда, иначе ничего не успѣешь сдѣлать. Между тѣмъ правильный взглядъ, по нашему мнѣнію, тотъ, что спеціализація нежелательна, но при настоящемъ со-

стояніи наукъ она неизбѣжна. Въ особенности не желатель-
но, чтобы спеціализацію доводили до крайности: пусть будутъ
спеціалисты, но пусть не будетъ спеціалистовъ слишкомъ
узкихъ. Честь и слава и благодарность отъ современниковъ
и потомства кропотливымъ труженикамъ, посвящающимъ много
годы на изученіе неизслѣдованныхъ еще фактовъ по своей
спеціальности; но если они хотятъ сдѣлать для науки что-
либо прочное и крупное и не желаютъ, чтобы ихъ сердце
очерствѣло, мысль измельчала и уровень жизни и духа пони-
зился, то пусть они на дверяхъ кабинета крупными буквами
напишутъ: «буква убиваетъ, духъ животворитъ»; пусть чаще
обращаютъ свой взглядъ на основныя начала того круга наукъ,
къ которому относится ихъ спеціальность, и освѣжаютъ свой
духъ чтеніемъ бессмертныхъ твореній генія, къ какой бы
наукѣ они ни относились. Пирогову занятіе педагогикой и
обсужденіе вопросовъ общественной жизни не помѣшало при-
обрѣсть европейскую извѣстность въ его спеціальности—хи-
рургіи. Если намъ скажутъ, что не всякій ученый спеціальность
имѣетъ такіе таланты, какъ Пироговъ, то мы отвѣтимъ, что
лучше сдѣлать половину посильной для ученаго работы по
его спеціальности, чѣмъ перестать питать свой духъ велики-
ми идеями. А бездарности пусть и не берутся за специаль-
но—ученую работу, потому что какъ бы ни была ограничен-
на область ихъ спеціальныхъ занятій, они не принесутъ су-
щественной пользы для той наукѣ, въ которой они мнятъ
себя быть спеціалистами: они нагружаютъ ее только лишнимъ
балластомъ. Но, къ сожалѣнію, мода на спеціализацію ученаго
труда именно и служитъ лазейкой, сквозь которую въ кру-
жокъ ученыхъ прокрадываются такіе люди, у которыхъ ни въ
образованіи, ни въ талантахъ, ни въ энергіи нѣтъ фюнда для
того, чтобы сдѣлаться ученымъ. Съ другой стороны, та же
мода и талантливыхъ ученыхъ замыкаетъ въ узкія границы
избранной ими спеціальности, хотя они могли бы расширить
ихъ. Явленіе—ненормальное, и, какъ всякая ненормальность,
оно обнаруживается въ дурныхъ результатахъ.

Мы не отрицаемъ, что спеціальность имѣетъ больше време-
ни изучить свою спеціальность, нежели ученый работающій

въ двухъ областяхъ науки, имѣеть возможность отлично узнать свою науку во всѣхъ подробностяхъ, имѣеть больше шансовъ сдѣлать въ ней даже открытія. Это хорошая сторона спеціализаціи. Но зарываясь въ спеціальныхъ мелочахъ, какъ бы погребая всего себя въ небольшомъ уголкѣ наукъ, который притомъ иногда слишкомъ далекъ отъ жизни, спеціалистъ становится не чувствителенъ къ разнообразію жизни, теряетъ воспримчивость къ общечеловѣческимъ интересамъ и вниманіе къ великимъ идеямъ, которыя облагораживаютъ жизнь и возвышаютъ науку; мало по-малу развивается односторонность въ понятіяхъ и рутина въ сужденіяхъ, которая тѣмъ опаснѣе, что спеціалистъ слишкомъ привыкаетъ къ усвоеннымъ имъ понятіямъ, не можетъ замѣтить недостатка ихъ, пока остается въ кругѣ своихъ обычныхъ занятій, мало по-малу пріобрѣтаетъ безразсудную увѣренность въ томъ, что онъ самъ есть наилучшій судья своихъ мнѣній и выводовъ, являются нетерпимость и недостатокъ уваженія къ чужимъ мнѣніямъ, кругозоръ суживается, мысль, пресмыкаясь во прахѣ частностей, мельчаетъ и теряетъ способность къ широкую полету; о творческомъ вдохновеніи, посѣщающемъ чело-вѣка только при созерцаніи великихъ идей, здѣсь не можетъ быть и рѣчи, спеціальныя занятія становятся какимъ-то ремесломъ, пріобрѣтаютъ характеръ машинности, ученое творчество дѣлается невозможнымъ.

Современная дѣйствительность оправдываетъ эти слова. Ны-нѣ рѣже и рѣже стали появляться великія созданія въ области науки и философіи, литературы и искусства. Правда, упадокъ творчества нѣкоторые объясняютъ физическою дряб-лостію людей нашего такъ называемаго нервнаго вѣка. Не споримъ; но вѣдь главная причина нервности нынѣшнихъ людей лежитъ въ чрезмѣрномъ утомленіи мозга и нервовъ умственной дѣятельностію, а мозгъ гораздо сильнѣе утомляется при однообразіи умственнаго труда, тогда какъ разнообразіе послѣдняго дѣйствуетъ на него столь же благотворно, какъ разнообразіе физическаго труда—на укрѣпленіе различныхъ органовъ нашего тѣла. Физиологія говоритъ, что разные виды умственнаго труда вызываютъ на работу и утомляютъ различ-

ныя части мозга; отсюда смѣна труда даетъ отдыхъ работавшей и утомленной части мозга и вызываетъ на работу еще не утомленные части его, а при однообразномъ трудѣ, если онъ тянется долго, одна часть мозга до чрезмѣрности утомляется, начинаетъ страдать и своимъ разстройствомъ вызываетъ болѣзненность всей нервной системы, тогда какъ другія части мозга непродолжительно бездѣйствуютъ и чрезъ недостатокъ упражненія въ нихъ ослабѣваетъ способность къ работѣ. Гигиенически распредѣляя умственную дѣятельность, здоровый человекъ большую часть дня можетъ работать безъ утомленія; но при однообразномъ трудѣ здравая гигиена умственной дѣятельности не возможна, а такой трудъ пменно и свойственъ завязтымъ и узкимъ специалистамъ. Специалисты забываютъ, что десятичасовой умственный трудъ, если онъ разнообразенъ, меньше утомитъ нервы и благотворнѣе подѣйствуетъ на душу и тѣло, нежели семичасовой трудъ, если онъ машинно-однообразенъ; подобно тому, какъ семичасовая однообразная ручная работа доставитъ больше утомленія, физическаго и душевнаго, нежели десятичасовой физической трудъ, если онъ разнообразенъ. И такъ, спеціализація знаній уменьшила количество и понизила качество духовнаго творчества между прочимъ и тѣмъ, что она способствовала первому истощенію, столь распространенному теперь въ образованномъ классѣ.

Сказавши о результатахъ чрезмѣрной спеціализаціи наукъ, мы укажемъ теперь причины ея.

Въляевъ.

(Продолженіе будетъ).

Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“¹⁾.

Христіанинъ не можетъ просто перестать быть христіаниномъ и на томъ и покончить; онъ то и дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самомъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ начала, которымъ какъ воздухомъ проникнуто все его существо и все бытіе современныхъ историческихъ обществъ; бунтовать непремѣнно озлобленно, вездѣ и всюду — поирать въ силу логической послѣдовательности все, что этимъ началомъ освѣщалось въ мѣрѣ, что такъ или иначе припыкаетъ къ этому началу. (Ив. С. Аксаковъ).

Архимандритъ Михайлъ (потомъ епископъ), опровергая въ одномъ изъ своихъ сочиненій²⁾ то воззрѣніе нѣкоторыхъ богослововъ, что будто знакомство съ антихристіанскими произведеніями вредно для людей, интересующихся религіозными

¹⁾ Остапавляваться долго на вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли разбираемое нами сочиненіе «Церковь и государство» принадлежитъ Льву Толстому, — въ чемъ одно время нѣкоторые выражали сомнѣніе, — мы не считаемъ пужнымъ. Внѣшніе и внутренніе признаки этого произведенія ясно доказываютъ, что оно написано самимъ Львомъ Толстымъ. Языкъ послѣдняго, какъ извѣстно, въ высшей степени оригинальный. Трудно предположить, чтобы ктонибудь могъ такъ хорошо усвоить эту оригинальность, которая есть не что иное, какъ выраженіе извѣстнаго душевнаго склада Толстого.

Затѣмъ, идеи, проводимыя въ сочиненіи «Церковь и государство», суть идеи Льва Толстого, развиваемыя имъ и въ другихъ его послѣднихъ произведеніяхъ. «Церковь и государство» въ данномъ случаѣ не представляетъ изъ себя ничего новаго. Въ немъ Толстой подробно развиваетъ такіе пункты своего ученія, на которые въ другихъ своихъ сочиненіяхъ дѣлалъ только намеки. Таково его ученіе охристіанскихъ догматахъ, о религіозныхъ обрядахъ (впрочемъ объ этомъ

вопросами, говорить между прочимъ слѣдующее: «Едва ли ошибемся, если скажемъ, что нѣкоторое сочувствіе къ отрицательнымъ направленіямъ основывается на неполномъ, одностороннемъ и отрывочномъ знакомствѣ съ ними и недостаткѣ изученія ихъ въ историческомъ и теоретическомъ ихъ развитіи. Все плѣнительное, кромѣ истины, болѣе плѣнительно издали, на извѣстномъ разстояніи, при извѣстномъ освѣщеніи, при неполномъ, отрывочномъ знакомствѣ съ нимъ; а подойти къ нему поближе, всмотрѣться попристальнѣе, вникнуть въ него, такъ сказать въ домашнемъ быту,—и красота его, какъ мнимая, теряетъ свою обаятельность и становится человѣкъ въ должное отношеніе къ нему безъ увлеченія. Тоже самое и съ этими идеями, теоріями и воззрѣніями; если уже нельзя не знать ихъ, то прямое отношеніе къ нимъ—лучшее средство противъ увлеченія ими и какими бы то ни было популярными ихъ изложеніями.... До тѣхъ же поръ, пока у насъ не будутъ прямо серьезно разбираемы и обсуживаемы эти самыя идеи, теоріи и воззрѣнія въ ихъ сущности и историческомъ развитіи, всякая книга, подобная Ренановой, всякое популярное изложеніе ихъ неизбѣжно будетъ волновать общество нетвердыхъ и неискusstныхъ болѣе, чѣмъ при отчетливомъ знакомствѣ съ ними, особенно если подобныя книги будутъ прикрываться красивою наружностію, которая такъ часто соблазняетъ и увлекаетъ многихъ даже изъ проникательныхъ... До тѣхъ поръ всякій, кому неслучайно, или случайно попалась такого рода книга, или кто наслышался о подобныхъ

онъ весьма подробно говоритъ и въ «Ma religion»), объ ученіи апостоловъ, о государственной власти, о войнѣ, объ отношеніи государственной власти къ Церкви и т. д. Поэтому-то, если-бы мы даже сдѣлали уступку, что сочиненіе «Церковь и государство» написано не Львомъ Толстымъ, а кѣмъ нибудь другимъ, то мы все-таки должны были-бы разсматривать излагаемое въ немъ ученіе, какъ ученіе Льва Толстого.

Считаемъ также своимъ долгомъ сказать, что подъ руками у насъ былъ гектографированный списокъ разбираемаго нами сочиненія Толстого, озаглавленный такъ: «Церковь и государство. Льва Толстого. 1886 года». Въ сочиненіи этомъ встрѣчаются нѣрѣдко неясности. Отъ кого онѣ зависятъ, не знаемъ,—отъ самаго ли Льва Толстого, или отъ гектографа. Мы съ своей стороны въ точности передавали то, что написано въ сочиненіи.

²⁾ «О Евангеліи и Евангельской исторіи».

книгахъ, узнать о нихъ и изъ нихъ кое-что, также можетъ волновать и увлекать». Эти слова почтеннаго ученаго, по нашему мнѣнію, полны глубокой правды. Истина ихъ какъ нельзя лучше подтвердилась въ нашемъ отечествѣ въ послѣднее время, когда стали выходить богословскія (если такъ можно назвать ихъ) сочиненія извѣстнаго нашего писателя — беллетриста г. Л. Толстого. До тѣхъ поръ пока не появился критическія статьи объ этихъ сочиненіяхъ, большая часть нашего общества знакомилась съ содержаніемъ ихъ по наслышкѣ. Намъ неоднократно приходилось встрѣчаться съ лицами, которыя разсуждали о религіозныхъ воззрѣніяхъ Толстого, не прочтя ни одного изъ его послѣднихъ произведеній. Результатомъ такого знакомства съ quasi богословскими сочиненіями нашего талантливаго писателя беллетриста явилось то, что многіе на эти сочиненія стали смотрѣть какъ на нѣчто великое, имѣющее въ будущемъ произвести переворотъ во всей нашей Церкви. Въ «Новомъ евангеліи» его видѣли истинное Евангеліе; въ «Ma religion» — здравое понятіе о христіанской нравственности; въ «Церкви и государствѣ» — истинный взглядъ на православіе и іерархію. Самое запрещеніе цензурою сочиненій Толстого объясняли боязнію іерархіи потерять авторитетъ въ народѣ, такъ какъ де сочиненія Толстого разсѣиваютъ тѣ заблужденія, которыя поддерживаются въ народѣ нашимъ духовенствомъ. Понятно, люди, хорошо знакомые съ ученіемъ православной Церкви, слыша разсужденія о религіозныхъ воззрѣніяхъ Толстого, хорошо понимали всю ихъ несостоятельность. Но такихъ людей въ нашей православной Руси весьма немного. Большая часть нашего общества знакома съ христіанскою религіей въ высшей степени поверхностно. Мы не говоримъ уже о глубокомъ пониманіи догматической стороны христіанской религіи (оно отсутствуетъ часто у лицъ получившихъ даже богословское образованіе); даже и нравственное ученіе христіанства понимается весьма слабо, а часто даже и превратно ¹⁾. Спросите свѣтскаго интеллигент-

¹⁾ Впрочемъ, безъ глубокаго пониманія догматовъ христіанской религіи, трудно усвоить и ея нравственное ученіе.

наго человѣка, въ чемъ состоитъ существенная сторона христіанской нравственности, и вы услышите отъ него, что вся сущность послѣдней состоитъ въ любви къ ближнему, — любви, выраженной въ дѣланіи добра ¹⁾. На ваше возраженіе, что это только одно изъ средствъ къ достиженію высшей конечной цѣли, онъ отвѣтитъ только недоумѣніемъ ²⁾. Мы далеки отъ того, чтобы слагать въ данномъ случаѣ всю вину на интеллигентное общество. Религіозное невѣжество послѣдняго зависитъ много отъ постановки преподаванія Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ чемъ состоитъ ненормальность этого преподаванія мы не будемъ говорить. Объ этомъ слишкомъ много писалось въ нашихъ духовныхъ журналахъ. Мы съ своей стороны искренно убѣждены, что до тѣхъ поръ, пока преподаваніе Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ носить характеръ чисто казенный, наше интеллигентное общество не выйдетъ изъ своего религіознаго невѣжества, Евангеліе не переста-

1) Спустя довольно продолжительное время послѣ того какъ были написаны эти строки, намъ пришлось прочитать въ одной казанской газетѣ («Биржевой Листокъ» 1888 г. № 158) слѣдующія разсужденія вѣскога Ивановича въ его замѣткѣ «Этическія недоразумѣнія». «Какъ-бы различно не выражали моралисты свою мысль о нравственномъ идеалѣ, они неизмѣнно повторяютъ основной законъ христіанской морали: «любите другъ друга». Это — «послѣднее слово» общечеловѣческой нравственности. Другаго идеала нравственности нѣтъ, какъ-бы ни было различно міросозерцаніе проповѣдниковъ». А вотъ разсужденіе автора этическихъ недоразумѣній «о рабствѣ»: «вникая въ сущность дѣла съ цѣлію опредѣлить, отъ какихъ причинъ зависятъ измѣненія въ понятіяхъ о нравственности, мы замѣтимъ тѣсную зависимость этихъ понятій отъ организаціи общества, отъ его экономическихъ отношеній. Въ древнихъ государствахъ, краеугольнымъ камнемъ которыхъ было рабство, покорность рабовъ возводилась въ степень добродѣтели. Христіанство, появившееся тоже во время рабства, не смотря на свой идеалъ равенства людей «во Христѣ», — все-таки санкціонировало рабство на землѣ: «рабы господамъ своимъ да повинуются». Вотъ какое сужденіе о христіанской морали высказываетъ человѣкъ, претендующій даже на разрѣшеніе современныхъ этическихъ недоразумѣній....

Примѣч. Мы сдѣлали выдержку изъ вышеупомянутой замѣтки не потому, что придаемъ ей какое-нибудь научное значеніе, а потому, что въ ней выражается взглядъ на христіанскую нравственность человѣка, получившаго по всѣмъ признакамъ высшее образованіе.

2) Конечно, и между свѣтскими интеллигентными лицами есть люди, понимающіе духъ христіанской религіи; но подобныхъ людей немного, на нихъ нужно смотрѣть, какъ на счастливыя исключенія.

нетъ казаться для него книгою скучною ¹⁾ и притомъ излишнею послѣ заученія наизусть священной исторіи и «начатковъ христіанскаго вѣроученія» Филарета.

Само собою понятно, когда стали распространяться религіозныя воззрѣнія Толстого, наше интеллигентное общество, при своемъ скудномъ познаніи христіанской религіи, не въ состояніи было оцѣнить достоинство ихъ. Привыкнувъ смотрѣть на Толстого, какъ на человѣка въ высшей степени даровитаго, всесторонне образованнаго, а къ тому же и искренняго, какимъ онъ заявилъ себя въ своей «Исповѣди», наше интеллигентное общество конечно не могло предположить, чтобы этотъ человѣкъ излагалъ ученіе православной Церкви ошибочно. Оно вѣрило ему вполне... И эта вѣра не могла не убѣдить его (общество) въ истинности православной вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, это ли истинная и возвышенная религія, которая навязываетъ Христу то, чего Онъ не говорилъ? ²⁾ Такъ Христось, говоритъ Толстой, не училъ о личномъ Богѣ. «Отнынѣ, говорится въ Евангеліи Іоанна, Богъ уже не будетъ особенный отъ людей» ³⁾, а попы навязали Христу ученіе о Богѣ, какъ существѣ отдѣльномъ отъ міра и человѣка. Христось училъ о томъ, что, Богъ, пока, люди живутъ, не вступается въ ихъ жизнь», ⁴⁾, а богословы трактуютъ о промыслѣ Божіемъ. Христось разумѣлъ подъ «Духомъ Святымъ» истинное ученіе, ⁵⁾ а «святодуховскіе сектанты» (такъ Толстой

¹⁾ Такой взглядъ на Евангеліе составляетъ вполне естественно. Заучиваніе наизусть—часто безъ всякаго пониманія—катихизиса невольно поселяетъ въ душѣ ученика нерасположеніе ко всякой книгѣ, трактующей о религіи.

²⁾ Въ своемъ предисловіи къ «Новому евангелію» Толстой говоритъ: «Источникъ христіанскаго ученія—Евангеліи, и въ Евангеліяхъ я находилъ объясненіе того смысла, который руководилъ жизнью всѣхъ людей. Но рядомъ съ этимъ источникомъ чистой воды жизни, я нашелъ незаконно соединенную съ нимъ грязь и типъ, которая одна заслоняла для меня его чистоту. Рядомъ съ высокимъ христіанскимъ ученіемъ я нашелъ, связанное съ нимъ, чуждое ему безобразное ученіе еврейское и церковное. Я находился въ положеніи человѣка, который бы получилъ мѣшокъ вонючей грязи, и только послѣ долгой борьбы и труда, нашелъ бы, что въ этомъ мѣшкѣ, дѣйствительно, лежитъ, заваленная грязью, безцѣнная жемчужина».

³⁾ «Новое евангеліе».

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

называетъ православныхъ пастырей) стали, на основаніи этихъ словъ Христа, учить о Духѣ Святомъ, какъ третьемъ лицѣ Св. Троицы. Христосъ называлъ Богомъ разумѣніе жизни (λογος), а попы это названіе (λογος) перенесли на самого Христа, и стали почитать Его за Бога ¹⁾. Затѣмъ богами стали считать какъ всѣхъ порочныхъ лицъ (напр. Константина), которые въ точности исполняли измышленную попами безправственную вѣру ²⁾; такъ и самихъ поповъ, потому что де въ нихъ сидитъ Духъ Святой ³⁾. Христосъ не училъ ни о какихъ личныхъ безплотныхъ духахъ (ангелахъ), а если и употреблялъ названіе «ангелъ Божій», то разумѣлъ подъ этимъ силу безконечнаго начала (Бога); богословы же стали толковать слова Христа по-своему и подъ словомъ «ангелы» стали подразумѣвать личныхъ духовныхъ существъ, отличныхъ отъ Бога ⁴⁾. Христосъ не творилъ чудесъ, а богословы, кромѣ того, что навязали Ему множество чудесъ, стали еще обращаться въ чудеса простое ученіе Его ⁵⁾. Христосъ не прида-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Церковь и государство.

³⁾ Церковь и государство.

⁴⁾ «Въ чемъ моя вѣра».

⁵⁾ Большую часть чудесъ Толстой отвергаетъ, какъ позднѣйшія наслоенія; но нѣкоторые изъ чудесъ онъ старается объяснить естественнымъ путемъ; такъ напр. исцѣленіе скорченной представляется у него дѣйствіемъ обыкновеннаго врачеванія. Слепой, чудесно прозрѣвшій, является въ толкованіи Толстого глухимъ, который все понялъ, какъ скоро узналъ отъ Иисуса, что, онъ, глухой, сынъ Бога-Духа. Вотъ какъ между прочимъ передаетъ Толстой это евангельское сказаніе: «По дорогѣ увидѣлъ Иисусъ челоѣка, глупаго отъ рожденія. И спросили ученики, кто виноватъ въ томъ, что челоѣкъ этотъ отъ рожденія глупъ; онъ или родители его? И сказалъ Иисусъ: не виноваты ни родители его, ни онъ самъ, но въ томъ дѣло Божіе, чтобъ былъ свѣтъ тамъ, гдѣ была тьма. И Иисусъ открылъ глупому ученіе о томъ, что онъ, глухой, сынъ Бога-Духа, и, познавъ это ученіе, глупый позналъ свѣтъ. Призвали этого челоѣка къ православнымъ учителямъ, и спрашивали его православные, какъ онъ сталъ понимать все, когда прежде былъ глупъ. Онъ сказалъ: не знаю какъ, но знаю, что теперь все понимаю и т. д.»

Примѣч. Православными учителями Толстой называетъ фарисеевъ. Саддукеи у него называются—раскольниками, мытари—невѣрными, начальникъ синагоги православнымъ старостомъ церковнымъ. Эти приемы въ своемъ толкованіи Толстой допускаетъ съ цѣлю приблизить «новое евангеліе» къ пониманію деревенскаго люда. Съ этой же цѣлю нѣкоторые евангельскіе рассказы излагаются народнымъ языкомъ. Такъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ богатый выражается такъ: «Ав-

валъ своей смерти никакого значенія, а попы, не желая вести борьбу со страстями и желая спастись болѣе легкимъ способомъ, придали смерти Христа искупительное значеніе и стали говорить, что Христосъ, сынъ Бога, затѣмъ только и приходилъ, чтобы всѣхъ искупить, что послѣ Его смерти христіанинъ можетъ жить, какъ хочетъ, потому что Христосъ своей ¹⁾ смертью освободилъ людей отъ грѣховъ. Христосъ училъ о возстановленіи (торжествѣ) сына человѣческаго, и разумѣлъ подъ сыномъ человѣческимъ свѣтъ присущій душѣ каждаго человѣка ²⁾, а попы замѣнили слово «возстановленіе» словомъ «воскресеніе», назвали сыномъ человѣческимъ самого Христа и увѣрили народъ, что Христосъ училъ о своемъ личномъ воскресеніи ³⁾. Христосъ учитъ о возстановленіи жизни и полагаетъ это возстановленіе въ томъ, что человѣкъ жизнь свою переноситъ въ Бога, то есть живетъ разумно, а богословы, замѣнивъ по обыкновенію слово «возстановленіе» словомъ «воскресеніе», навязали Христу ученіе о личномъ плотскомъ воскресеніи ⁴⁾. Христосъ полагалъ сущность жизни каждаго человѣка въ борьбѣ между стремленіемъ къ жизни животной и жизни разумной, а попы, назвавъ эту борьбу «прелестью или гордостью», стали полагать сущность жизни въ размысленіи о томъ, какое естество у какого изъ лицъ Троицы, какія таинства надо и не надо совершать, на какомъ хлѣбѣ—квасномъ или прѣсномъ надо совершать Евхаристію, какъ надо слагать персты и проч. и проч. ⁵⁾ Христосъ прямо говоритъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы, а богословы навязываютъ Ему ученіе о множествѣ

раамъ, батюшка, вопль съ тобою Лазарь восторовый сидитъ; онъ у меня валялся подъ заборомъ». (Лк. XVI, 24). Краткая притча о закваскѣ передается слѣдующими словами: «какъ баба пуститъ въ дежу закваску и смѣшаетъ съ мукой, она ужъ не ворочаетъ ее и ждетъ, чтобы она сама закисла и поднялась: такъ Богъ: пока люди живутъ, не вступается въ ихъ жизнь».

1) «Въ чемъ моя вѣра» «Нов. евангеліе». «Церковь и государство».

2) «Новое евангеліе». «Въ чемъ моя вѣра».

3) «Въ чемъ моя вѣра».

4) Idid.

5) «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

догматовъ 1), и людей, которые не признають измышленныхъ ими догматовъ, они рѣжутъ, жгутъ и притѣсняютъ 2). Христось отвергъ всѣ обряды, а попы считаютъ обряды сущностью христіанской религіи и полагаютъ спасеніе человѣка въ нихъ только однихъ 3). Христось училъ: 1) не обижать никого и дѣлать такъ, чтобы ни въ комъ не возбудить ропота; 2) не любезничать съ женщинами, чтобы не оставлять той жебы, съ какой сошелся; 3) ни въ чемъ не клясться; 4) не противиться злему; 5) не дѣлать различія между своимъ отечествомъ и чужимъ. А попы не только не учатъ этому народъ, а говорятъ желающему сдѣлаться христіаниномъ: «ты хочешь сдѣлаться христіаниномъ и продолжать быть атамаломъ разбойниковъ, бить, жечь, блудить, воевать, казнить, роскошествовать? Можно» 4). Христось запретилъ учительство, а его преемники не только не исполнили этой заповѣди, а даже насильственно навязываютъ людямъ христіанскую (въ искаженномъ видѣ) вѣру 5). Христось своимъ ученіемъ разрушилъ весь государственный строй, уничтожилъ всѣ власти, а попы, послѣ принятія христіанской вѣры Константиномъ, объявили, что всѣ власти отъ Бога, и не только власти, но и порочныя дѣйствія властителей земли отъ Бога 6). Христось своимъ ученіемъ хотѣлъ утвердить Царство Божіе на землѣ, а попы, придумавъ свое ученіе, при которомъ братство между людьми немислимо, стали говорить, что Христось училъ о царствѣ небесномъ, а не земномъ 7). Христось и не думалъ учреждать никакой церкви, а попы, мало того, что навязали Христу это ученіе, а стали говорить даже, что безъ церкви немислимо спасеніе 8). Христось не установилъ ни одного таинства, а попы приписываютъ ему установленіе семи таинствъ и говорятъ, что въ таинствахъ то и заключается вся суть

1) «Церковь и государство».

2) «Церковь и государство». «Въ чемъ моя вѣра».

3) «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

4) «Церковь и государство».

5) Ibid.

6) «Въ чемъ моя вѣра».

7) «Церковь и государство».

8) «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

христіанства»¹⁾. Исказивъ такимъ образомъ ученіе Христа, и навязавъ Ему множество своихъ фантастическихъ бредней, богословы, по Толстому, придумали множество еще другихъ нелѣпостей, которымъ учать народъ и которыми доставляютъ себѣ доходъ. Къ числу такихъ нелѣпностей Толстой относитъ почитаніе чудотворныхъ иконъ и мощей; причемъ, вмѣсто мощей, по утверженію Толстого, Кіевскіе митрополиты показываютъ народу набитые соломой мѣшки²⁾. Вотъ какова въ изложеніи Толстого православная вѣра³⁾. Что же могли подумать о ней лица, которымъ она, до появленія quasi богословскихъ сочиненій Толстого была также мало извѣстна, какъ самому Толстому? А вѣдь Толстой долженъ представляться намъ болѣе знакомымъ съ православной религіей, чѣмъ кто либо другой: онъ читалъ всѣ ветхозавѣтныя книги, всѣ четыре Евангелія, посланія Апостоловъ, творенія св. отецъ и даже православное догматическое богословіе. Другіе же наши, такъ называемые интеллигентные люди не только не читали священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, посланій апостольскихъ и твореній святыхъ отцовъ, но ни разу не имѣли въ рукахъ даже Евангелія. Вы часто можете встрѣтить у интеллигентныхъ людей большія библіотеки, въ которыхъ находятся книги по различнымъ отраслямъ знанія, но между этими книгами вы напрасно стали бы искать Евангеліе⁴⁾. его нѣтъ въ библіотекѣ... Разумѣется, такія лица, которыхъ, повторимъ, въ нашемъ отечествѣ очень и очень много, познакомившись съ сущностью православной вѣры по изложенію ея такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Л. Толстой⁵⁾, не могли не воз-

1) «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

2) «Церковь и государство».

3) Мы выставили всѣ существенные пункты вѣроученія и правоученія Толстого для того, чтобы яснѣе показать читателямъ знакомство Толстого съ православной вѣрой.

4) Мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ большинство, а не всю нашу интеллигенцію; какъ увидимъ ниже, и между свѣтскими интеллигентными лицами есть лица, не подходящія подъ уровень большинства. Такиа лица, если не имѣютъ широкихъ богословскихъ познаній, то по крайней мѣрѣ не питаютъ ненависти къ нимъ и не считаютъ всякое богословское сочиненіе вздоромъ.

5) Насколько въ нашемъ обществѣ велико уваженіе къ авторитету выдающихся писателей и въ частности къ Л. Толстому, это знаетъ самъ Толстой. Въ

мутиться въ душѣ противъ обмана поповъ. Начали составляться цѣлыя общества, поставлявшія себѣ задачей «открывать глаза такъ долго бывшимъ жертвою обмана русскимъ людямъ». Лица, прежде индифферентныя къ религіи, приняли горячее участіе въ распространеніи идей Толстого. И вотъ послѣднія, благодаря такой усердной пропагандѣ, стали проникать даже въ сознание нашихъ крестьянъ ¹⁾.

Конечно, если вникнуть въ сочиненія Толстого, то въ ложности его взглядовъ на православіе можно легко убѣдиться и человѣку мало знакомому съ православной вѣрой; такъ какъ въ сочиненіяхъ его заключается масса противорѣчій; по для этого нужно во-первыхъ прочитатъ со вниманіемъ всѣ сочиненія Толстого, которыя достать очень трудно ²⁾, а затѣмъ нужно имѣть способность къ философской критикѣ, на которую далеко не всѣ способны. Религіозныя воззрѣнія Толстого болѣе и болѣе приобрѣтали въ нашемъ обществѣ сочувствіе...

одномъ изъ померовъ газеты «Казанскій Биржевой Листокъ» за 1888 годъ былъ разсказанъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Толстого. (Эпизодъ, по утверженію газеты, разсказалъ самимъ Толстымъ). Однажды Толстой отослалъ въ редакцію одного журнала какое-то свое произведеніе, не обозначивъ при этомъ имени автора. Редакція отказалась приять это произведеніе, какъ слабое, и не заслуживающее вниманія. Когда-же открылось, что авторъ отвергнутаго редакціей произведенія—Л. Толстой, то редакторъ усердно сталъ умолять Толстого, чтобы онъ уступилъ свое произведеніе. «Мы не знали, говорилъ редакторъ, что это произведеніе ваше». Тоже самое случилось и съ Щедринымъ (Салтыковымъ).

1) См. «Моск. Церк. Вѣд.» 1887 г. № 3. Сообщение священника Сергія Богословскаго, (изъ Дмитровскаго уѣзда).

2) Что антихристіанскія сочиненія не всегда производятъ на читателей вредное вліяніе, лучшимъ доказательствомъ этому служить слѣдующее обстоятельство. Когда вышла книга Ренана «Жизнь Іисуса», то наше интеллигентное общество также не осталось равнодушнымъ къ этой книгѣ; послѣдняя расходилась во множествѣ экземпляровъ. Но на нѣкоторыхъ «Жизнь Іисуса» произвела какъ разъ обратное дѣйствіе, чѣмъ какого ожидалъ авторъ. Извѣстный профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій († 14 февраля 1878 г.), относившійся ко всѣмъ общественнымъ и церковнымъ вопросамъ съ живымъ участіемъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ (17 окт. 1863 г.) къ брату, Платону—епископу Костромскому—писалъ между прочимъ слѣдующее: «Говорить, нѣкоторые изъ невѣрія пришли къ христіанству, прочитавъ книгу Ренана, говоря: если Іисусъ Христосъ дѣйствительно такой человѣкъ, какимъ изображаетъ его Ренанъ, то Онъ былъ Богъ». «Справ. Обзор.» 1883 г. Іюль. «Недавнее прошлое по письмамъ современника» стр. 518.

Къ счастью наша богословская литература не осталась равнодушною къ подобному явленію. Рядомъ статей о послѣднихъ произведеніяхъ Толстого она открыла глаза обольщеннымъ «поклопникамъ» новаго богослова; разъяснила имъ, что сочиненія послѣдняго вовсе не такъ глубокомысленны и научны, какъ ихъ представляютъ, что они не только не открываютъ истиннаго смысла христіанской религіи, а напротивъ до невозможности искажаютъ его; и что выдаваемая за христіанскую вѣру вѣра Толстого есть его собственное измышленіе. Намъ нѣсколько разъ приходилось сталкиваться съ лицами, на которыхъ богословскія статьи о сочиненіяхъ Толстого произвели должное дѣйствіе. «Изъ нихъ (статей), говорили эти лица, мы ясно убѣдились до какой степени ничтожны и шатки воззрѣнія Толстого» ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ сочиненія Толстого: «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра» и «Новое евангеліе», о которыхъ уже достаточно было писано ²⁾, мы постараемся по возможности полнѣе

¹⁾ На основаніи съ одной стороны своего личнаго опыта, а съ другой—на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ замѣтокъ мы не можемъ согласиться съ часто встрѣчаемымъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ мнѣніемъ, будто статьи, печатающіяся въ духовныхъ журналахъ, совсѣмъ не читаются свѣтскимъ обществомъ. Правда, процентъ свѣтскихъ лицъ, интересующихся богословскими сочиненіями, очень ограниченъ; тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать его совсѣмъ. И пужно замѣтить, что подобныя лица не отсутствовали въ нашемъ отечествѣ и въ 60-хъ годахъ, когда раціоналистическое направленіе считалось особенно моднымъ. Упомянутый уже нами профессоръ П. С. Казанскій въ одномъ изъ своихъ писемъ (1864 г. 6 янв.) къ брату Платону писалъ между прочимъ слѣдующее: «Московскій высшій кругъ занимаетъ Ренанъ. Но выходящія вмѣстѣ съ тѣмъ опроверженія на него, выписанныя изъ-заграницы, показываютъ, что охотно выслушивается и противный голосъ.» «Прав. Обзорѣніе» 1883 г. Іюль. «Недалнее прошлое въ письмахъ современника», стр. 522.

²⁾ Лучшія критическія статьи о послѣднихъ произведеніяхъ Толстого, по нашему мнѣнію, слѣдующія:

1) «Наша новыя философы и богословы.» Графъ Л. Н. Толстой. Остроумова. «Вѣра и Разумъ.» 1885 г. Октябрь и Декабрь.

2) «Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новал вѣра.» А. Гусева.—«Правосл. Обзор.» 1886 г. Января и даѣе.

3) «Объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови Христовыхъ въ св. Евхаристіи» (противъ Л. Толстого). Архіеп. Никанора.—«Странникъ.» 1886 г. № 5.

4) «Бесѣда о томъ, что нельзя отдѣлять Господа нашего Иисуса Христа, Главу церкви отъ тѣла Церкви и въ частности отъ св. пророковъ и апостоловъ.» (Противъ графа Л. Толстого). Архіеп. Никанора.—«Странникъ» 1886 № 10 и дал.

разобрать его сочиненіе «Церковь и государство», которое по своей лживости, поверхностности и злобѣ едва ли не превосходитъ всѣ вышепоименованныя произведенія, и о которомъ къ сожалѣнію за исключеніемъ бесѣды архіеп. Никанора ¹⁾ и краткой статьи Орфано ²⁾ еще не было писано въ нашихъ духовныхъ журналахъ ³⁾.

Цѣль своего сочиненія мы полагаемъ не въ томъ, чтобы направить самого Толстого на путь истинный. Эта цѣль была бы совершенно излишней претензіей съ нашей стороны. Міросозерцаніе Толстого не есть міросозерцаніе только начинающаго свободно мыслить юноши. Составилось оно подъ вліяніемъ не одной только головы, разсудочной рефлексіи, а строя его души и сердца, подъ вліяніемъ извѣстныхъ внутреннихъ влеченій и потребностей. Такихъ людей не разубѣждаютъ никакіе логическіе резоны, какъ бы ясны, сильны, основательны они ни были. Объ этомъ явленіи говоритъ извѣстная грече-

5) «Въ чемъ должна состоять истинная вѣра каждаго человѣка» (по поводу «Исповѣди» и «Евангелія» Толстого А. Орфано. «Чтеніе въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія». 1886 г. Іюль—Августъ и дал. и 1887 г. Январь и дал.

6) Л. Н. Толстой въ русской и отчасти иностранной критикѣ. А. Волкова.—«Прав. Собесѣдникъ». 1886 г. Май и дал.

7) «О новомъ евангеліи гр. Толстого». свящ. Н. Клеопскаго.—«Чтенія въ обществѣ любит. дух. просвѣщ.». 1887 г. Январь.

8) Объясненіе МѠ. V, 22, 38—42; VII, 1. Лк. VI, 37 у графа Толстого Соллертинскаго.—«Христ. Чтеніе». 1887 г. Мартъ—Апрѣль.

Недавно членъ французскаго института Леруа-Болье издалъ обширный этюдъ подъ заглавіемъ «La religion en Russie Les reformateurs. Le comte Léon Tolstoï, ses précurseurs et ses émules». Главная мысль книги та, что ученіе русскаго писателя можно объяснить средою, въ которой онъ живетъ и изъ котораго оно возникло. Въ ученіи этомъ нѣтъ ничего новаго, что не проповѣдывалось бы раньше графа Толстого русскими сектантами. Онъ только развилъ, оформилъ и комментировалъ идеи духоборцевъ и молоканъ». Отзывъ о книгѣ Леруа-Болье см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1888 г. № 12.

1) Церк. Вѣдомости. 1888 г.

2) Статья Орфано. «Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человѣка»—длинна и весьма обстоятельна; но авторъ ея имѣлъ цѣлю разсмотрѣть главнымъ образомъ «Въ чемъ моя вѣра» и «Новое евангеліе», Толстого. Сочиненія же Толстого «Церковь и государство» авторъ касается только пастелью, насколько оно имѣетъ связь съ первыми двумя сочиненіями.

3) А. Ѡ. Гусевъ, поставившій своей задачей выдѣлнить вопросъ о связи нравственности съ религіей, разбираетъ только тѣ мѣста изъ соч. Толстого «Церковь и государство», которыя направлены противъ догматовъ.

ская пословица: οὐ μὴ πείσῃς, κ' ἂν με πείσῃς. Онъ отлично понимаетъ вашу аргументацію, хорошо сознаетъ силу вашихъ доводовъ, не въ состояніи ничего возразить противъ нихъ, и все-таки остается при своемъ. Фундаментъ убѣжденія остается нисколько не поколебленнымъ, потому что онъ не въ головѣ, не въ мышленіи, а въ самой душѣ и сердцѣ и чтобы разубѣдить такого человѣка, нужно передѣлать весь строй его души, дать иное направленіе его желаніямъ и влеченіямъ, чувствамъ и потребностямъ, его симпатіямъ и антипатіямъ. Сдѣлать это такъ трудно, что почти невозможно ¹⁾).

Не ставимъ мы себѣ цѣлю и того, чтобы разсѣять заблужденія слѣпыхъ поклонниковъ Толстого, которые, принявъ симпатичное для нихъ міросозерцаніе послѣдняго, не хотятъ знать ничего, несогласнаго съ этимъ міросозерцаніемъ ²⁾. Задача нашего сочиненія—дать сильную оцѣнку возрѣній Толстого для тѣхъ, которые, познакомившись съ его сочиненіями, не вѣрятъ ему на слово, а желаютъ знать (мы разумѣемъ лицъ не получившихъ богословскаго образованія) сужденія и другихъ лицъ, изучавшихъ христіанскую религію. Какъ мы замѣтили уже выше, такіа лица есть въ нашемъ отечествѣ. Оказать помощь имъ, при ихъ стремленіи познать истину, составляетъ прямую обязанность каждаго богослова.

При разборѣ сочиненія Толстого «Церковь и государство», мы будемъ оцѣнивать и выяснять не отдѣльные только пункты, а всѣ, какіе только нашъ новый богословъ выставляетъ противъ православной Церкви. При этомъ содержаніе этихъ пунктовъ будемъ передавать не своими словами, а словами

¹⁾ «Необходимость, возможность и методъ научнаго оправданія христіанства» Р. Л.—«Прав. Обозр.» 1881 г. Юнь—Іюль.

²⁾ Лица, не терпящіа ничего несогласнаго съ ихъ припитымъ на вѣру возрѣніемъ, къ сожалѣнію, весьма часто встрѣчаются и между православно-вѣрующими богословами. Преосвящ. Никаноръ въ предисловіи къ 3-му вышедшему въ текущемъ году тому своей «Позитивной философіи» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Теперь принято не только у представителей философіи, или такъ называемой науки, но и у церковныхъ проповѣдниковъ и у богослововъ относить всю систему вѣры, не только въ ея развѣтвленіи, но и въ основаніяхъ и въ самомъ корнѣ исключительно въ область вѣры. Явленіе не отрадное. Оно свидѣтельствуетъ не только о недостаткѣ глубокаго всесторонняго знанія, но и объ ослабленіи вѣры.

самого автора ¹⁾). Поступать такъ мы намѣрены съ той цѣлю, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе лицъ, слишкомъ недовѣрчиво относящихся къ тѣмъ критическимъ статьямъ, въ которыхъ остаются безъ разбора тѣ или другіе пункты. Такія лица всегда могутъ заподозрить критика въ безсиліи опровергнуть всѣ тезисы разбираемаго сочиненія. У нихъ всегда можетъ явиться мысль, что въ критической статьѣ опровергнуты только болѣе слабыя мѣста сочиненія, а болѣе основательныя опущены ²⁾).

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ разбору самого сочиненія Толстого.

А. Рождественскъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Впрочемъ, выраженія слишкомъ рѣзкія и оскорбительныя для религіозно-нравственнаго чувства христіанина мы будемъ передавать своими словами.

²⁾ Въ этомъ недовѣрчивомъ отношеніи къ критическимъ статьямъ мы не видимъ ничего дурнаго. Дѣйствительно, нерѣдко можно встрѣтить критическія статьи, страдающія вышеупомянутымъ нами недостаткомъ.

ОТКРЫТІЯ ДОМИНИКАНЦЕВЪ

ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Быть можетъ, никогда ряды той рати, которая дѣлаетъ свои завоеванія въ области научныхъ изслѣдованій, не были такъ многочисленны и густы, какъ теперь, и ужъ навѣрное никогда самый кругъ научныхъ наблюденій не былъ такъ общимъ и не распространялся на такое множество разнороднѣйшихъ предметовъ. Неутомимыя усилія скромныхъ тружениковъ науки мало по-малу снимаютъ покровы съ самыхъ завѣтныхъ тайнъ природы и исторіи, и въ послѣднія немногія десятилѣтія намъ пришлось пережить цѣлый рядъ блистательныхъ триумфовъ человѣческаго генія. Особенно же неожиданны и смѣлы были открытія, дѣланныя въ предѣлахъ историческаго знанія. На темныя дебри той глубокой древности, въ которой мы доселѣ едва лишь различали человѣческія племена, беспорядочно сталкивавшіяся и тѣснившія другъ друга въ круговоротѣ всеобщаго броженія, современная наука пролила яркіе лучи свѣта. Она раздвинула хронологическія рамки начальной исторіи человѣчества на цѣлыя тысячелѣтія, и въ тѣхъ областяхъ, которыя еще недавно были полнымъ и, казалось, неотъемлемымъ достояніемъ міаа, успѣла открыть и установить рядъ не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ.

Если-бы древній поэтъ, удивлявшійся дерзости людей «железнаго поколѣнія», которые осмѣлились проникнуть въ нѣдра земли и извлекли оттуда губительные металлы, могъ прозрѣть въ даль грядущихъ временъ, то онъ изумился бы еще болѣе:

уступая человѣческой пытливости, земля въ наши дни отдаетъ міру и другое свое достояніе,—она возвращаетъ намъ десятки поглощенныхъ ею городовъ, сотни давно утраченныхъ произведеній древняго искусства, тысячи разнородныхъ предметовъ промышленнаго производства, надписей, манускриптовъ и иныхъ памятниковъ далекой старины. Πολλὰ τὰ δεῖνὰ, κοῦδὲν ἀνθρώπου δευότερον πέλει ¹⁾).

Мы врядь ли ошибемся, если скажемъ, что погоня за новыми предметами изслѣдованія, за новымъ научнымъ матеріаломъ,—архивнымъ и археологическимъ,—составляетъ одно изъ характерныхъ отличій новѣйшей исторіографіи. По большей части совершенно чуждаясь философской работы и оставляя теоретическія сужденія людямъ будущаго, историки нашего времени словно боятся оторваться отъ почвы дѣйствительности и ищутъ только фактовъ и фактовъ. Отсюда масса издаваемыхъ нынѣ памятниковъ,—дипломатическихъ, эпиграфическихъ, эпистолографическихъ, археологическихъ и проч., и проч. Всѣ мало-мальски значительныя бібліотеки и собранія старыхъ рукописей усипленно посѣщаются и пересматриваются въ чаяніи новыхъ открытій. Повсюду, въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, неутомимо производятся методическія раскопки. Полузасыпанная пескомъ пустыня, груды развалинъ въ Египтѣ и въ Азій, заросшіе степною травой курганы южной Россіи, затянутые вѣковымъ иломъ и залитые водою остатки доисторическихъ свайныхъ построекъ, древне-мексиканскія гробницы, мрачныя подземныя сооруженія первыхъ христіанъ, могильныя насыпи древнихъ Кельтовъ (такъ наз. barrows),—все прввлекаетъ вооруженнаго заступомъ и фонаремъ изслѣдователя, котораго не страшатъ ни неудобства бивуачной жизни, ни грозныя земляные обвалы. Существуютъ спеціальныя журналы и газеты, въ которыхъ помѣщаются обстоятельныя сообщенія объ этой подземной дѣятельности ученыхъ, и такъ велика сила привычки, что мы теперь перестали

¹⁾ Т. е. «много чудеснаго, но нѣтъ ничего чудеснѣе чловѣка». Soph. Antig. v. 332.

даже удивляться самымъ поразительнымъ археологическимъ находкамъ, самымъ неожиданнымъ открытіямъ.

Къ числу такихъ неожиданныхъ и важныхъ открытій, обходимыхъ по большей части въ прессѣ молчаніемъ, относятся между прочимъ и тѣ, которымъ авторъ настоящей замѣтки намѣренъ посвятить нѣсколько строкъ, пользуясь подробною реляціею о нихъ барона де-Вд, помѣщенной недавно на страницахъ французскаго журнала «Revue archéologique» (1888, juill et août, p. 32—60). Они сдѣланы на почвѣ Святой Земли, въ іерусалимскихъ владѣніяхъ доминиканцевъ, и это обстоятельство безъ сомнѣнія сообщаетъ имъ двойной интересъ.

Какъ знаютъ, вѣроятно, многіе читатели, Іерусалимъ расположенъ на плоской возвышенности, которая на югѣ упирается въ дугу соединенія двухъ глубокихъ долинъ,—Гинномъ и Кедронской или Иосафатовой, а съ сѣвера прилегаетъ къ отрогамъ палестинской горной цѣпи. Городъ обнесенъ высокою стѣною и сообщается съ окрестностью четырьмя выходами. Это, во-первыхъ, *яффскія* (иначе *виелеемскія* или *хеbronскія*) ворота—на западѣ, *сіонскія*—на югѣ, *стефановы* (въ древности «овчія») —на востокѣ и *дамасскія*—на сѣверѣ. Последнія превосходятъ своимъ великолѣпіемъ всѣ другія и останавливаютъ на себѣ вниманіе паломниковъ колоссальными руинами двухъ древнихъ башенъ, относимыхъ изслѣдователями ко временамъ Ирода Агриппы. Здѣсь то именно, неподалеку отъ дамасскихъ воротъ, и произведены были доминиканцами ихъ плодотворныя археологическія изысканія.

Какъ почти всегда, ученые изслѣдователи пошли по дорогѣ, открытой и указанной случаемъ. Въ концѣ 1881 года одинъ бѣдный греческій сапожникъ пріобрѣлъ въ названномъ мѣстѣ небольшой участокъ земли. Встрѣтивъ здѣсь нечаянно на незначительной глубинѣ разные остатки древности, онъ вздумалъ вскопать всю поверхность пріобрѣтеннаго участка, и результаты этого предпріятія, если и не вполне, быть можетъ, соотвѣтствовали ожиданіямъ самого вчинателя, скоро обратили на себя серьезное вниманіе со стороны лицъ компетентныхъ. Уже въ концѣ слѣдующаго 1882 г. доминиканецъ Матье Леконтъ (Mathieu Lecomte) вошелъ при посредствѣ француз-

скаго консула Ланглэ (Langlais) въ переговоры съ владѣльцемъ мѣста и успѣлъ склонить этого послѣдняго къ его продажѣ. Затѣмъ съ 27 декабря 1882, когда былъ формально заключенъ актъ купли, по июль 1884 г. доминиканцами были послѣдовательно приобрѣтены и другіе мелкіе участки, примыкавшіе съ разныхъ сторонъ къ первому, такъ что владѣнія ихъ значительно округлились и можно было безпрепятственно приступить къ раскопкамъ. Вопросъ былъ лишь въ денежныхъ средствахъ, недостатокъ которыхъ часто замедлялъ работу и не позволялъ придать разрытіямъ желательные размѣры ¹⁾.

Подъ лопатами рабочихъ прежде всего обнаружались на глубинѣ шести метровъ весьма обширные остатки сводчатыхъ сооруженій.—повидимому, довольно поздняго происхожденія. Ихъ стѣны складены изъ камней, превосходно обтесанныхъ и скрѣпленныхъ цементомъ. Невдалекѣ отъ нихъ были открыты далѣе руины небольшой часовни съ древнимъ помостомъ и со слѣдами стѣнъ. Это, вѣроятно, не что иное, какъ капелла (<moustier>) крестносцевъ. Передъ входомъ въ нее лежалъ надгробный камень, сплошь покрытый длинною надписью. Къ сожалѣнію, интересный камень этотъ, прежде чѣмъ успѣли разобрать на немъ письма и снять копію, былъ внезапно похищенъ,—къмъ и съ какою цѣлью, неизвѣстно. Впрочемъ случаи подобнаго неожиданнаго исчезновенія только что добытыхъ археологическихъ матеріаловъ не представляютъ ничего необычнаго; вспомнимъ напр. исторію открытія римскихъ катакомбъ и судьбу того древне-христіанскаго кладбища, которое въ 1578 году было обнаружено подъ *via Salafia* близъ Рима, вспомнимъ участь многихъ памятниковъ, найденныхъ въ Геркуланѣ и Помпеѣ, или хотя-бы чрезвычайныя усилія Шлиманна и его жены спасти отъ расхищенія такъ называемыя <пріамовы сокровища> въ Троядѣ. Остается только поспѣтовать на то, что въ пылу радостнаго увлеченія своимъ успѣхомъ археологъ по большей части склоненъ забывать объ опасностяхъ, которымъ всечасно угрожаютъ ему три страш-

¹⁾ Въ началѣ 1886 г. расходы достигли уже почтенной цифры 150000 франковъ. См. *Revue archéol.* 1886. juin. p. 371.

ные врага, — невѣжество, зависть и корыстолюбіе. Правда, вскорѣ по сосѣдству съ названною капеллою былъ отысканъ и другой камень съ надгробною надписью на греческомъ языкѣ, но содержаніе ея не заключаетъ въ себѣ ничего занимательнаго и ни въ какомъ случаѣ не можетъ возмѣстить нанесенную утрату.

Всѣ описанныя находки были сдѣланы въ сѣверо-западной сторонѣ приобрѣтенной доминиканцами земли, — близъ дороги въ Наплузъ; по дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что было открыто въ самой почти срединѣ доминиканскихъ владѣній. Здѣсь, приблизительно на той же глубинѣ въ 6 метровъ, раскопки прежде всего обнаружили великолѣпный мозаиковый полъ, отлично сохранившійся и занимавшій весьма большое протяженіе ($34^m \times 19^m$); по сторонамъ находились многочисленные обломки колоссальныхъ колоннъ около одного метра въ поперечникѣ, что при той строгой соразмѣрности частей, какая господствовала въ античныхъ сооруженіяхъ, позволяетъ предположить для всего зданія высоту въ 10 метровъ отъ стилобата до антаблемента. Кромѣ того среди руинъ найдена одна маленькая колонка, метра въ три высоты, изготовленная изъ сѣраго мрамора и дошедшая до насъ въ двухъ кускахъ, — найдены далѣе остатки рельефовъ на мраморѣ, обломки большой капители римскаго ордена (композитъ) и проч. Повсюду видны слѣды стѣпъ, еще не освобожденныхъ отъ мусора, части позднѣйшихъ архитектурныхъ сооруженій, обширные водоемы, заваленные землею и камнями, а ближе къ дорогѣ, въ сѣверо-западномъ направленіи, множество каменныхъ корытъ, очевидно служившихъ для водопоя скота.

Въ сѣверной сторонѣ мѣста раскопокъ встрѣченъ другой мозаиковый полъ того-же стила, что и первый, и по всей вѣроятности съ такою-же обширною площадью; до сихъ поръ обнаженъ лишь одинъ его уголь. Въ трехъ мѣстахъ есть знаки прежнихъ пороговъ, которые помогутъ, быть можетъ, опредѣлить первоначальный планъ зданія и облегчатъ его реконструкцію. Кромѣ того, съ востока прилегаютъ къ помосту двѣ ступеньки изъ краснаго мрамора, — ясное указаніе на то, что въ восточной части сооруженія полъ представлялъ небольшое

возвышеніе, какъ-то обыкновенно бываетъ въ христіанскихъ храмахъ.

Какъ пзвѣстно, мозаичныя произведенія состояются изъ мелкихъ каменныхъ или стеклянныхъ кубиковъ (такъ называемые «смалоты»), которые укрѣпляются въ цементѣ или какой-нибудь вязкой и прочной мастикѣ. Смалоты мозаики, найденной доминиканцами, имѣютъ величину въ одинъ кубическій сантиметръ и отличаются различными оттѣнками. Среди которыхъ господствующее мѣсто принадлежитъ цвѣтамъ бѣлому, черному и красному. Рисунокъ выбранъ весьма удачно: все поле, окаймленное простою, узкою рамою, покрываетъ свѣтъ скрещивающихся гирляндъ изъ гранитовыхъ плодовъ (граната—эмблема мученичества); внутри каждого ромба, образуемаго этими гирляндами, помѣщенъ красивый орнаментъ геометрическаго стиля. Общій видъ напоминаетъ по словамъ де-Вд мозаику церкви св. Креста (близъ Іерусалима), но эта послѣдняя уступаетъ по его мнѣнію вновь найденной и въ качествѣ работы, и въ разнообразіи красокъ.

Спрашивается, какое же значеніе имѣютъ всѣ эти остатки старины, столь внезапно появившіеся изъ темныхъ нѣдръ земли подъ случайнымъ ударомъ заступа? О какой исторической эпохѣ, о какихъ событіяхъ, временахъ и лицахъ вѣщаютъ они намъ? Кто былъ строителемъ тѣхъ нѣкогда великолѣпныхъ сооруженій, которыя предстали нынѣ передъ нами въ состояніи полного запустѣнія, въ видѣ жалкой и безобразной руины, и что за зданіе красовалось въ былые дни на мѣстѣ производимыхъ теперь изысканій?

Уже въ самомъ началѣ раскопокъ было высказано предположеніе, что доминиканцамъ удалось напасть на развалины древней христіанской базилики, сооруженной въ V стол. императрицею Евдокіею во имя св. первомученика Стефана. Въ настоящее время это предположеніе подкрѣплено столь очевидными доказательствами, что его можно считать почти не подлежащимъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли найдутся руины, болѣе соответствующія нашему представленію объ этой базиликѣ, нежели тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы знаемъ напр., что это былъ обширнѣйшій изъ іерусалимскихъ хра-

мовъ, служившій поэтому мѣстомъ засѣданій собора, созваннаго въ 518 г. іерусалимскимъ патриархомъ Іоанномъ для осужденія лжеученій Несторія и Манихея, — и дѣйствительно, какъ видно изъ предыдущаго, размѣры открытаго нынѣ зданія должны были быть громадны. Массивныя стѣны, остатки которыхъ тамъ и сямъ виднѣются изъ подъ мусора, принадлежали по всему вѣроятію монастырю, воздвигнутому по свидѣтельству церковныхъ писателей тою же Евдокією при базиликѣ св. Стефана. Надписи, обнаруженныя раскопками, въ свою очередь скорѣе подкрѣпляютъ, нежели опровергаютъ гипотезу. Такъ напр. одна изъ нихъ, хотя и въ крайней степени испорченная временемъ, все же допускаетъ возможность слѣдующаго чтенія, предложеннаго Жерме-Дюраномъ (Germer-Durand): «...φερούσα πενθηρη στεφανου διακονου του Χριστου σωτηρος λιθοβολετα αναπαυσεως τοπος + A — Q» (т. е.: «...хранящая скорбные останки Стефана, діакона Христа Спасителя, побитнаго камнями. Мѣсто упокоенія + A — Q»). На трехъ мраморныхъ обломкахъ, составлявшихъ повидимому часть престола, уцѣлѣли слова: τῶν ξύλων φύλαξ, хранитель столовъ. Можно думать, что это остатки престола, находившагося въ абсидѣ базилики, такъ какъ титулъ «хранителя столовъ» скорѣе всего подобалъ діаконамъ, надзиравшимъ за трапезою вѣрныхъ и за раздачею подаенія неимущимъ. Другія надписи свидѣлствуютъ о томъ, что на мѣстѣ раскопокъ находилось нѣсколько замѣчательныхъ усыпальницъ, какъ это и дѣйствительно было въ базиликѣ св. Стефана, гдѣ кромѣ мощей самого первомученика покоились останки Гавріила Кампадокійскаго и прахъ самой императрицы Евдокіи, погребенной въ воздвигнутомъ ею храмѣ ¹⁾.

Обращаясь отъ этихъ вещественныхъ свидѣтельствъ къ памятникамъ древне-христіанской письменности, мы усматриваемъ также полное согласіе между ихъ топографическимъ

¹⁾ Рядомъ съ Евдокією была погребена также и ея внучка, дочь императора Валентиніана III и Евдокіи, бывшая замужемъ за Гуннерихомъ, а послѣ его смерти бѣжавшая изъ Карфагена сперва въ Константинополь, потомъ въ Іерусалимъ.

показаніями, касающимися нашей базилики, и мѣстонахожденіемъ открытыхъ доминиканцами руинъ. Церковные писатели VI-го стол. сообщаютъ, что она возвышалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ св. Стефанъ былъ побитъ камнями,—неподалеку отъ галилейскихъ (нынѣ дамаскихъ) воротъ, у той дороги, которая ведетъ въ Лидду. Въ VII стол. она уже была разрушена Персами или Арабами, а вслѣдъ затѣмъ мало по-малу затерялась и самая память о томъ, гдѣ совершилась казнь надъ первомученикомъ и гдѣ почивали потомъ его мощи. То и другое было непонятнымъ образомъ приурочено къ восточной части города, гдѣ находились въ древности овчія врата, неправильно переименованныя на этомъ основаніи въ Стефановы.

Исторія построенія базилики отличается весьма интересными, даже романтическими подробностями. Да не посѣтуетъ на насъ читатель, если мы здѣсь на нихъ остановимся.

Въ Аѳинахъ, все еще продолжавшихъ служить центромъ языческой образованности, какъ и въ былыя времена, въ началѣ V стол. христіанской эры проживалъ софистъ, именовемъ Леонтій, имѣвшій двухъ сыновей, Валеріана и Гесія, и красавицу дочь Аѳинаиду. Послѣдняя отличалась необыкновенными природными дарованіями и безпредѣльною любовью къ серьезнымъ занятіямъ, такъ что подъ руководствомъ отца своего успѣла скоро пріобрѣсти обширныя познанія въ греческой литературѣ, философіи, математикѣ и музыкѣ. Твердо полагаясь на таланты дочери и ея счастливую звѣзду, Леонтій, умирая, не завѣщалъ ей ничего и все состояніе свое оставилъ сыновьямъ. Но Аѳинаида не была расположена безпрекословно подчиниться послѣдней волѣ родителя. Она затѣяла съ братьями процессъ и даже рѣшилась лично отправиться въ Константинополь, чтобы повергнуть свою жалобу на нихъ къ ногамъ Пульхеріи, сестры молодого императора Θεодосія II, а съ 414 г. и его соправительницы. Рѣшеніе это повело однако къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ: очарованная умомъ, образованіемъ и красотой ловкой аѳинянки, Пульхерія остановилась на мысли сдѣлать ее супругою своего юнаго брата и съ этою цѣлью тотчасъ же приблизила дѣвушку къ себѣ. Она поселила ее въ дворцовыхъ покояхъ и поручила

тогдашнему константинопольскому патриарху Атики, челоѡку рѡдкой учености, наставить ее въ истинахъ христіанской религіи.

Среда, въ которую понала Аѡинаида, составляла полную противоположность всему тому, съ чѡмъ сжилась и сроднилась она въ своихъ языческихъ Аѡинахъ, гдѣ, не смотря на строгій эдиктъ Θεодосія Великаго (380 г.), христіанство привалось и распространялось туго и медленно. Императорскій дворець въ Константинополѣ былъ напротивъ въ ту пору, о которой мы говоримъ, совершеннымъ подобіемъ монастыря: съ утра до вечера слышалось здѣсь пѣніе священныхъ гимновъ; непрестанная работа, въ которой юныя принцессы, сестры императора, принимали дѣятельное участіе наряду со своими статсъ-дамами, прерывалась лишь урочными часами молитвы. Въ такой обстановкѣ, безъ сомнѣнія производившей глубокое впечатлѣніе на воспріимчивую натуру Аѡинаиды, дѣло ея обращенія должно было идти усиленно и скоро. Въ 420 г. патриархъ Атикъ совершилъ въ церкви св. Стефана надъ своею ученицею таинство крещенія, а въ слѣдующемъ году произошло и обрученіе повокрещенной Элїи Евдокіи съ императоромъ Θεодосіемъ.

Нечего и говорить, что Евдокія сумѣла стать на высоту своего новаго положенія и, какъ и подобало истинной христіанкѣ и могущественной государынѣ, взыскала мнлостями братьевъ, съ которыми недавно враждовала. Любовь Пульхеріи она, благодаря прирожденному такту, успѣла сохранить надолго и втеченіе почти двадцати лѣтъ наслаждалась безмятежнымъ счастьемъ, пользуясь широкимъ вліяніемъ на своего слабохарактернаго супруга и сторонясь отъ интригъ, сплетень и козней двора, въ которомъ искони первенствующее значеніе имѣли женщины и свнухи. Въ 437 г. она благословила свою единственную дочь на бракъ съ сыномъ римскаго императора Гонорія (впослѣдствіи Валентиніанъ III) и вскорѣ затѣмъ, повинувшись желанію Θεодосія II и неодолимому влеченію сердца, пренсполненнаго горячимъ рвеніемъ къ новой вѣрѣ, съ большою свптою, какъ того требовалъ византійскій этикетъ, отправилась на поклоненіе ко святымъ мѣстамъ. Та-

кимъ образомъ, послѣ св. Елены Евдокія была первою императрицею, вступившею на священную почву Палестины.

Поселившись въ обители св. Меланіи, съ которою познакомилась еще въ Константинополѣ, она провела цѣлый годъ въ изученіи святынь Іерусалима и его окрестностей и, быть можетъ, тогда уже начала нѣкоторыя изъ тѣхъ сооруженій, которыми въ послѣдствіи украсила этотъ городъ. Епископъ Ювеналій былъ ея наставникомъ и путеводителемъ; онъ же поднесъ императрицѣ и тѣ драгоценныя дары, съ которыми она возвратилась въ столицу византійскаго государства. Это были вериги св. апостола Петра, мощи св. Стефана и икона Пресв. Дѣвы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою ¹⁾.

А между тѣмъ при дворѣ Θεодосія II въ непродолжительное отсутствіе Евдокіи произошла перемѣна, имѣвшая на дальнѣйшую судьбу ея роковое вліяніе. Красивый евнухъ Хрисафій, по прозванію Таюма, успѣлъ войти въ милость къ императору и поселить раздоръ и несогласіе въ его семьѣ. Воспользовавшись дружескимъ расположеніемъ Евдокіи къ старому товарищу ея мужа Павлину, занимавшему въ то время высокій постъ министра двора (*magister officiorum*), онъ успѣлъ набросать тѣнь на репутацію императрицы сперва въ глазахъ строгой Пульхеріи, а потомъ и въ глазахъ самого Θεодосія, который заподозрилъ жену въ невѣрности и въ порывѣ гнѣва казнилъ всѣхъ, кто былъ ей преданъ, а ее самое осудилъ на ссылку. Съ тѣмъ величіемъ духа, которое было счастливымъ удѣломъ благородной элинки, Евдокія твердо вынесла жестокой ударъ судьбы, столь же неожиданный, какъ было внезапно и ея возвышеніе, и молила государя лишь объ одной милости,—о дозволеніи провести остатокъ дней въ Іерусалимѣ. Въ этомъ полномъ священныхъ воспоминаній городѣ

1) Одну изъ веригъ св. Петра Евдокія пожертвовала въ константинопольскій храмъ св. Апостоловъ, а другую отдала своей дочери Евдоксін, которая и воздвигла по этому случаю въ Римѣ базилику *Sancti Petri ad Vincula*, гдѣ святыня хранится доселѣ. Что касается мощей св. Стефана, то неизвѣстно, были ли онѣ вывезены императрицею изъ Палестины полностью, или же только частью. Мы знаемъ лишь, что онѣ почивали первоначально въ Кафаръ-Гамала, затѣмъ были перенесены на Сіонскую гору, а съ 444 г. помѣщены въ воздвигнутой во имя первомученика въ Іерусалимѣ базиликѣ.

несчастная эксъ-императрица, находясь подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ, окруженная шпионами и сторожимая клеветою, въ дѣлахъ благочестія и серьезныхъ занятіяхъ науками искала утѣшенія и успокоенія отъ тревогъ и бурь мятежной придворной жизни. Θεодосій, а послѣ его смерти Пульхерія и Марціанъ предоставили въ распоряженіе изгнанницы весьма значительныя денежныя средства, позволявшія ей жить съ тѣмъ комфортомъ, къ которому она привыкла въ Константинополѣ, и украшать мѣсто своей ссылки великолѣпными памятниками зодчества. Къ этой то именно порѣ восходить и построеніе открытой нынѣ доминиканцами базилики.

Іерусалимъ, носившій въ то время названіе Эліи Капитолины (Aelia Capitolina), имѣлъ весьма пустынный и жалкій видъ. Еще при Гадріанѣ евреи лишены были здѣсь права осѣдлости, и потому немногочисленное населеніе города состояло лишь изъ сирійцевъ, арамейцевъ, финиціанъ и грековъ. По большей части это все были христіане, но между ними находилось не мало и язычниковъ, такъ какъ древніе передне-азіатскіе культы Астарты и Митры утвердились въ Сиріи съ такою силою, что всякая борьба христіанскаго правительства съ ними не вела ни къ чему кромѣ жестокихъ возстаній и кровопролитной рѣзни. Разумѣется, на правахъ іерусалимскихъ христіанъ столь близкое сопрیکосновеніе съ приверженцами чувственнаго культа сирійской богини должно было отзываться весьма ощутительно, и въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, древняя столица Іудеи не могла похвалиться своею репутаціею. По словамъ Григорія Нисскаго, бывшаго лишь на одно поколѣніе старше Евдокіи, городъ этотъ кишѣлъ развратниками, ворами, идолопоклонниками, отравителями и убійцами, такъ что благочестивому христіанину слѣдовало держаться отъ него подальше.

Картина нравственной испорченности населенія дополнялась картиною внѣшняго запустѣнія. Не смотря на направленные къ возстановленію Іерусалима заботы императора Константина и его матери, онъ все еще былъ полонъ развалинъ, и самыя стѣны его лежали во прахѣ. Въ концѣ 451 г. вспыхнулъ здѣсь мятежъ палестинскихъ отшельниковъ, под-

нявшихся съ монахомъ Θεодосіемъ во главѣ на защиту ученія монофизитовъ, и дерзкіе фанатики довершили дѣло разрушенія: они успѣли овладѣть церковью Гроба Господня, самовольно смѣстили православнаго епископа, который едва успѣлъ спастись бѣгствомъ отъ ихъ ярости, и предали огню большую часть города. Понадобилась вооруженная сила и формальная осада, чтобы сломить тираннію еретиковъ, сумѣвшихъ втеченіе двадцати мѣсяцевъ удерживать въ своихъ рукахъ власть надъ Іерусалимомъ и его святынями.

Подобно многимъ другимъ Евдокія также была увлечена ересью монофизитовъ, и не малыхъ усилій стоило св. Евѳемію, настоятелю одной изъ мѣстныхъ обителей, снова обратить императрицу на путь православія. Но, каково бы ни было участіе ея въ волненіяхъ и смутахъ, раздиравшихъ іерусалимскую церковь, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что никто больше ея не способствовалъ реставраціи разореннаго города. Она возстановила его стѣны, воздвигла великолѣпныя епископскія палаты, учредила нѣсколько страннопріимныхъ домовъ и богадѣлень, соорудила на разстояніи одного стадія отъ дамасскихъ воротъ храмъ и монастырь во имя св. первомученика Стефана, въ церкви котораго въ Константинополѣ она сама нѣкогда приняла св. крещеніе, и положила основаніе для храма во имя св. Анны. На все это затрачены были громадныя деньги, и Кедренъ (I, 590) имѣлъ основаніе примѣнить къ Евдокіи слова пятидесятаго псалма: *ἀγάθουρον κέρει ἐν τῇ εὐδοκίᾳ σου τὴν Σιών, καὶ οὐκοδωθήσεται τὰ τεῖχη Ἱερουσαλήμ* (ублажи Господи благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созддутся стѣны Іерусалимскія) ¹⁾.

Но возвратимся къ расколкамъ доминиканцевъ.

При закладкѣ стѣны, долженствовавшей отдѣлить владѣнія ордена отъ еврейскихъ боенъ съ одной стороны и пещеры Іереминъ—съ другой, рабочіе вдругъ почувствовали, что земля колеблется и осѣдаетъ подъ ихъ ногами, и ко всеобщему ужа-

¹⁾ За дѣлами благотворительности и религіозными сооруженіями, поглощавшими вниманіе Евдокіи въ послѣдніе годы ея жизни, она не забывала и литературы. Запятіе поэзію давно уже было ея любимымъ дѣломъ, и въ Іерусалимѣ императрица имѣла полную возможность отдаться этому занятію всею душою. Здѣсь, нѣ-

су одинъ изъ нихъ вдругъ провалился въ какое то таинственное подземелье. Тотчасъ же были приняты мѣры къ его освобожденію изъ подъ обвалившейся земли и мусора, и работы, произведенныя съ этою цѣлью, привлекли къ новому открытію: подъ землею былъ обнаруженъ обширный некрополь, состоявшій изъ нѣсколькихъ камеръ, большихъ и малыхъ, и имѣвшій около 16 метровъ въ длину и 10 метровъ въ ширину. Въ центрѣ некрополя находилась обширная квадратная зала вышиною метра въ четыре, сообщавшаяся съ четырьмя низенькими и тѣсными покаями, изъ которыхъ каждый предназначался для четырехъ труповъ. Эти трупы полагались на покатыя отъ изголовья къ ногамъ каменные ложа, продолбленные нѣсколько въ серединѣ и размѣщенные по тремъ стѣнамъ камеры, — по обѣ стороны отъ входа и противъ него. Одно изъ нихъ такимъ образомъ было рассчитано на двухъ человѣкъ и потому шире другихъ; притомъ, что особенно замѣчательно, изголовья этихъ *loculi bisomi* устроены были на противоположныхъ концахъ ложа, такъ что, стало быть, лица покойниковъ должны были быть обращены въ разныя стороны. Стѣны комнатъ и корридоровъ украшались простой скульптурный полустершійся отъ времени орнаментъ. Какъ въ большинствѣ извѣстныхъ намъ *ипогеевъ* (древнихъ подземелій), онѣ были высѣчены въ цѣльной скалѣ и гладко отполированы; работа эта по всей вѣроятности производилась при свѣтѣ такихъ же лампъ, какими пользовались древне-христіанскіе могильщики (*fossores*) къ римскихъ катакомбахъ ¹⁾, и кажется даже, что при раскопкахъ удалось пайти нѣсколько подобныхъ лампъ. Повсюду въ камерахъ встрѣчены груды человѣ-

роятно, возникли столь хвалимая Фотиемъ (Codd. 183, 184) ея метафразы восьми первыхъ книгъ Библии, ея переложенія пророческихъ книгъ Даміана и Захарія и три книги житія мучениковъ Кипріана и Юстинъ; здѣсь же, быть можетъ, составлены были ею и тѣ *центоны* (жизнь Спасителя, изложенная стихами Гомера) которые дошли до насъ въ одномъ эскуріальскомъ кодексѣ (107). О Евдокія см. *F. Gregorovius* «Athenais». *Geschichte einer byzantinischen Kaiserin*. 2 Aufl. (Leipz. 1882); *Güldenpenning* «Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II». (Halle, 1885).

¹⁾ См. напр. рисунокъ 7 у *фонъ-Фришса* «Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства». Часть I (М. 1872). Стр. 67.

ческихъ костей, обломки саркофаговъ, куски мозаики и т. п., но при всемъ томъ нѣтъ никакихъ надписей, которыя помогли бы опредѣлить, когда и кѣмъ устроенъ былъ этотъ ипогей. Не только нельзя сказать навѣрное, сообщался ли онъ съ другими іерусалимскими подземными кладбищами, расположенными по сосѣдству съ пещерою Іереміи, но даже и то сомнительно, принадлежалъ ли онъ христіанамъ уже съ самаго начала, или же перешелъ къ нимъ отъ евреевъ или язычниковъ ¹⁾.

Такимъ образомъ для гипотезъ всякаго рода открывается широкое поприще, и этимъ поприщемъ не преминули воспользоваться. Въ настоящее время высказано уже нѣсколько предположеній относительно времени возникновенія вновь открытаго ипогея и его первоначальнаго назначенія. Вотъ самыя главныя изъ нихъ.

1. Ипогей представляетъ семейную усыпальницу какого-либо царственнаго, княжескаго или жреческаго рода ²⁾; это, быть можетъ, гробница Иродовъ или ихъ предшественниковъ Асамонеевъ (Срв. Ioseph. Flav. Antiqu. Jud. XIV, 16, 4). Последнее тѣмъ болѣе допустимо, что мѣсто погребенія этихъ повелителей Іудеи до сихъ поръ совершенно неизвѣстно, тогда какъ фамильный склепъ Иродовъ Іосифъ Флавій приурочиваетъ совсѣмъ къ другому пункту ³⁾.

2. Ипогей есть не что иное, какъ давно уже ставшая для ученыхъ предметомъ усердныхъ поисковъ гробница осройской царицы Елены и ея сына Изата, — гробница, которую французскій археологъ де-Сольси (de-Saulcy) тщетно пытался найти къ западу отъ дороги въ Напрузъ. Какъ рассказывается у Фла-

¹⁾ Извѣстно, что у евреевъ существовали подземныя кладбища. Одно изъ нихъ, находившееся въ Римѣ подъ холмомъ Monte-Verde, видѣлъ и описал Бозіо (въ 1602 г.); два другихъ, — оба близъ алліевой дороги, — открыты и изслѣдованы въ недавнее время. Они почти что вовсе не отличаются отъ христіанскихъ катакомбъ. Къ числу подобныхъ же подземныхъ сооружений относятся и римскія колумбаріи.

²⁾ «C'était évidemment une sépulture de famille quasi-royale, sinon royale, car jamais un simple particulier n'aurait fait creuser pour lui et les siens un tombeau aussi vaste et aussi luxueux». *Revue arch.* 1886, p. 374.

³⁾ Cf. *Bell. jud.* V, III, 2: μέχρι τῶν Ἡρώδου μνημείων, ἃ προσέχει τῇ τῶν Ὀφραων ἐπικαλούμενῃ κολυμβηθρᾷ (нынѣ Birket Mamillah).

вія, Елена, сестра и жена Монобаза, бывшаго правителемъ сирійской области Адіабены или Осроэны (по лѣвому берегу Тигра), по смерти своего мужа была обращена въ іудейство нѣкіимъ Ананіею, еврейскимъ купцомъ, и предприняла путешествіе въ Іерусалимъ,—этотъ религіозный, торговый, политическій и научный центръ всего еврейскаго міра. Здѣсь въ ту пору,—а было это во времена императора Клавдія,—случился ужасный голодъ. Великодушная царица купила въ Египтѣ большую партію хлѣба, запаслась на островѣ Кипрѣ сушенымъ виноградомъ и одѣлила всѣмъ этимъ бѣдныхъ жителей города. На горѣ Акрѣ она воздвигла для себя дворецъ, и пятеро ея внуковъ воспитывались здѣсь при ней въ правилахъ іудейской вѣры. Вообще многіе члены владѣтельнаго дома осройскихъ князей имѣли свою постоянную резиденцію въ Іерусалимѣ. Въ трехъ стадіяхъ отъ городской стѣны возвышался ихъ нынѣшній фамильный мавзолей, имѣвшій форму трехъ пирамидъ. Мавзолей этотъ, въ которомъ была похоронена и сама Елена, не раздѣлилъ печальной участи Давидова города, разореннаго римлянами при Титѣ, и былъ пощаженъ побѣдителемъ, такъ что еще Евсей могъ любоваться имъ. (срв. Hist. eccl. II, 12).

Что касается отождествленія нашего ипогея съ могилою осройской повелительницы, то, не смотря на все его кажущееся правдоподобіе, одно важное обстоятельство заставило самыхъ ревностныхъ сторонниковъ такого отождествленія отказаться отъ всякой мысли объ этомъ. Дѣло въ томъ, что новыя владѣнія доминиканцевъ отстоятъ отъ дамасскихъ воротъ всего лишь на 280 метровъ, тогда какъ разстояніе памятника Елены отъ іерусалимскихъ стѣнъ Іосифъ Флавій исчисляетъ по крайней мѣрѣ въ 420 метровъ. Разница слишкомъ значительная, чтобы на нее можно было не обращать вниманія.

3. Еще менѣе вѣроятно третье возможное предположеніе,—именно, что катакомба, нынѣ открытая, представляетъ мѣсто упокоенія Александра Іаннея, извѣстнаго своею воинственностью и жестокостью правителя Іудеи ¹⁾ Де-Сольсе полагалъ,

¹⁾ Александръ Іанней былъ сыномъ Гиркана, по смерти котораго власть перешла къ Аристову, заключившему по подозрительности въ темницу всѣхъ сво-

что его могилы находилась гдѣ-нибудь по близости отъ грота Іереміи, если не въ немъ самомъ. Однако есть данныя, опровергающія и это мнѣніе и заставляющія приурочить гробницу Александра Іаннея скорѣе къ древней Везефѣ или Кенополю (Новому Городу), неподалеку отъ Антоніи.

Выходитъ, стало быть, что вопросъ остается открытымъ до тѣхъ поръ, пока новыя разслѣдованія не обнаружатъ какихъ-либо опорныхъ пунктовъ для новыхъ заключеній и предположеній. А эти разслѣдованія не заставятъ себя долго ждать: ручательствомъ служатъ та эпергія, съ которою велось дѣло раскопокъ до сихъ поръ, не смотря на частый недостатокъ рукъ и средствъ. Нужно пожелать лишь, чтобы руководители предпріятія впередъ были осмотрительнѣе въ обращеніи съ памятниками искусства, которые могутъ встрѣтиться при дальнѣйшихъ разрытіяхъ, нежели это было до сихъ поръ. Такъ при самомъ началѣ изысканій найденъ былъ великолѣпный запрестольный образъ съ изображеніемъ двѣнадцати апостоловъ. Говорятъ, что живопись была такъ хороша, краски такъ ярки и живы, какъ будто-бы образъ былъ недавно написанъ. Къ сожалѣнію неумѣлые реставраты, желая придать иконѣ ея первоначальную свѣжесть, употребили для этого какое-то ѣдкое вещество, которое уничтожило совершенно всѣ слѣды изображенія. Такимъ образомъ погибъ рѣдкій памятникъ древней иконописи, представлявшій, быть можетъ, самое цѣнное сокровище базилики Евдокіи.

А. Н. Деревницкій.

ихъ младшихъ братьевъ, въ томъ числѣ и Александра. Они были освобождены женою тирана лишь послѣ его смерти, и Іанней, какъ наиболѣе достойный ихъ всѣхъ, былъ облеченъ верховною властью.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ челоувѣческой и началѣ зла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе *).

21. Зло можно понимать метафизически, физически и нравственно. *Метафизическое зло* состоитъ въ простомъ несовершенствѣ, *физическое зло*—въ страданіи, а *нравственное*—въ грѣхѣ. Такъ какъ физическое и нравственное зло не необходимы, то достаточно, чтобы они возможны были въ силу вѣчныхъ истинъ. И такъ какъ беспредѣльная область возможныхъ истинъ содержитъ въ себѣ всѣ возможности, то слѣдуетъ признать, что существуетъ безконечное число возможныхъ міровъ, что зло втекаетъ во многіе изъ нихъ, и что даже самый лучший изъ нихъ содержитъ его въ себѣ. Въ этомъ и состоитъ опредѣленіе Божіе о допущеніи зла ¹⁾.

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1888 г. № 3.

¹⁾ Читатель видитъ, какъ справедливо замѣчаетъ Кирхманъ, что положеніе Лейбница о существованіи зла въ наилучшемъ мірѣ лишь высказано Лейбницемъ, и рѣшительно ничѣмъ не доказано. Но съ религіозной точки зрѣнія, на которой Лейбницъ стоялъ, это положеніе едвали и нуждается въ какихъ либо доказательствахъ. Для религіознаго сознанія всегда будетъ вѣрно, что Богъ не могъ творить худшаго міра, имѣя возможность сотворить лучший. Притомъ же намъ видимый міръ не исчерпываетъ собою безконечнаго акта Божественнаго міротворенія, поэтому и всѣ наши ограниченныя предположенія о лучшихъ и худшихъ мірахъ лишены всякой фактической достовѣрности.

22. Но кто-нибудь мнѣ замѣтитъ: зачѣмъ я говорю о *допущеніи*? Развѣ Богъ не творитъ зла и не желаетъ его? Здѣсь надобно объяснить, что такое это *допущеніе*, чтобы видно было, что не безъ причины употребляютъ это выраженіе. Но прежде надобно уяснить природу воли, которая имѣетъ свои степени. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что воля состоитъ въ склонности что-либо дѣлать соотвѣтственно съ мѣрою содержаемаго ею добра. Эта воля называется *предшествоющею*, когда она мыслится въ отвлеченіи и когда созерцаетъ всякое благо со стороны содержанія этого блага. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Богъ склоняется ко всякому благу, покуда оно благо, *ad perfectionem simpliciter simplicem* (къ простому совершенству, въ простомъ смыслѣ), говоря словами схоластиковъ, и склоняется именно своею предшествоющею волею. Онъ обладаетъ положительнымъ склоненіемъ къ освещенію и спасенію всѣхъ людей, къ исключенію грѣха и загражденію осужденія. Можно даже сказать, что эта воля дѣйствительна въ себѣ самой (*per se*), т. е. что дѣйствіе ея всегда проявлялось - бы, если - бы только не было какой-либо болѣе сильной причины, останавливающей это дѣйствіе; ибо воля эта не простирается до послѣднихъ усилій, *ad summum conatum* (до послѣдняго напряженія), иначе она не приминула бы проявить полное свое дѣйствіе, такъ какъ Богъ есть владыка всѣхъ вещей. Но полный и совершенный успѣхъ принадлежитъ уже *воли послѣдующей*, какъ ее обыкновенно называютъ. Эта вторая воля есть полная и въ отношеніи къ ней примѣнимо правило, по которому желаемое непременно приводятъ въ исполненіе, если только могутъ привести. Эта воля послѣдующая, окончательная и рѣшительная возникаетъ изъ борьбы всѣхъ предшествоющихъ желаній, какъ тѣхъ, которые стремятся къ добру, такъ и тѣхъ, которые отвергаютъ зло. И изъ совпаденія всѣхъ этихъ частныхъ желаній возникаетъ цѣльная воля, какъ въ механикѣ сложное движеніе возникаетъ изъ всѣхъ двигательныхъ направленій, которымъ подпадаетъ движимое тѣло, и равно удовлетворяетъ всѣмъ имъ, насколько это возможно сдѣлать для всѣхъ направленій въ одинъ разъ. Это есть какъ-бы раздѣленіе движимаго предмета между всѣ-

ми этими направленіями, какъ это я показалъ въ одномъ парижскомъ журналѣ (5 сентября 1693 г.), излагая общій законъ о составѣ движенія; и именно въ этомъ смыслѣ предшествоющую волю можно назвать въ нѣкоторомъ родѣ дѣйствующею и даже дѣйственною (осуществляющею свое желаніе).

23. Отсюда слѣдуетъ, что Богъ *предшествоющею* волею желаетъ блага, а *послѣдующею*—наилучшаго блага. Въ отношеніи къ сущности зла Богъ совершенно не желаетъ зла нравственнаго и абсолютно не желаетъ зла физическаго или страданій, поэтому то и нѣтъ безусловнаго предопредѣленія къ осужденію; да и о физическомъ злѣ можно сказать, что Богъ часто желаетъ его какъ должнаго наказанія за вину, а часто также въ видѣ средства для цѣли, т. е. для предупрежденія большихъ золъ и для достиженія наибольшихъ благъ. Наказаніе равнымъ образомъ служитъ къ улучшенію и устраненію, и зло часто ведетъ къ большому ощущенію добра и иногда также приводитъ къ большому совершенству того, кто его творитъ, какъ и посѣянное сѣмя при возрастаніи подвергается нѣкотораго рода поврежденію. Вотъ прекрасное сравненіе, которымъ пользовался самъ Іисусъ Христосъ.

24. Что же касается нравственнаго зла или грѣха, то хотя очень часто случается, что оно можетъ служить средствомъ для приобрѣтенія блага, или для прекращенія другаго зла; но это не дѣлаетъ его однакоже удовлетворительнымъ объектомъ божественной воли или законнымъ объектомъ воли тварной. Надобно, чтобы оно было допустимо или позволительно настолько, насколько признается яснымъ слѣдствіемъ непремѣннаго долга въ такомъ родѣ, что не желающій позволить кому-либо другому согрѣшить, этимъ самымъ нарушилъ-бы свой собственный долгъ; какъ это, на примѣръ, можетъ случиться, когда офицеръ, обязанный охранять важный постъ, оставляетъ его, особенно во время опасности, для прекращенія ссоры въ городѣ между двумя гарнизонными солдатами, готовыми убить другъ друга.

25. Правило, которое говоритъ: *non esse facienda mala, ut eveniant bona* (не должно совершать зла для извлеченія добра)

и которое запрещаетъ допущеніе нравственнаго зла для пріобрѣтенія физическаго блага, этимъ самымъ подтверждается и ни комъ образомъ не должно быть нарушаемо; и я показалъ его источникъ и смыслъ. Я рѣшительно не одобрилъ-бы, если-бы царица, желая спасти государство, совершила или допустила преступленіе, потому что преступленіе очевидно, а государственное зло сомнительно. Я не говорю уже о томъ, что подобное авторизированіе преступленій, если-бы было допустимо, было-бы хуже разстройства какой-либо страны, которое случается и безъ того, и быть можетъ могло-бы случиться гораздо легче при томъ средствѣ, которое избираютъ для его предупрежденія. Но въ отношеніи къ Богу нѣтъ ничего сомнительнаго. ничто не можетъ помѣшать осуществленію *правила наилучшаго*, которое не допускаетъ никакого исключенія и никакого уклоненія. И въ этомъ то смыслѣ Богъ допускаетъ грѣхъ; потому что Онъ уклонился-бы отъ должнаго, отъ того, что Онъ долженъ въ отношеніи къ своей мудрости, къ своей благодати, къ своему совершенству, если-бы не преслѣдовалъ великій результатъ всѣхъ своихъ склонностей къ благу, если-бы Онъ не избиралъ безусловно наилучшаго не смотря на обвиненіе въ злѣ, которое соединено съ высочайшею необходимостью вѣчныхъ истинъ. Отсюда надобно заключить, что Богъ въ себѣ *предварительною волею* желаетъ добра, что *послѣдующею волею* желаетъ наилучшаго, какъ цѣли, а безразличное и иногда физическое зло желаетъ, какъ средство; нравственное-же зло только допускаетъ подъ условіемъ *sine qua non* (безъ чего нельзя обойтись), или какъ гипотетическую необходимость, соединенную съ наилучшимъ. Поэтому *послѣдующая воля* Божія, имѣющая объектомъ своимъ грѣхъ, есть только попустительная. ¹⁾

¹⁾ Начиная съ § 22 и до § 25 включительно Лейбницъ развиваетъ свои понятія о *предшествующей* и *послѣдующей* волѣ Божіей. Понятія эти заимствованы имъ у схоластическихъ богослововъ и не требуютъ дальнѣйшихъ объясненій. Предшествующая воля есть та, которая движетъ и увлекаетъ собою различные мотивы, часто не согласные другъ съ другомъ; послѣдующая же воля есть рѣшеніе, возникающее изъ этого движенія волъ усиленной согласными мотивами. Но Кирхманъ замѣчаетъ, что Лейбницево сравненіе и той и другой воли въ божественномъ сознаніи съ направленною движеніемъ тѣлъ соответственно параллелограмму силъ, не выдерживаетъ критикъ; такъ какъ предшествующая воля сама есть направляющая

26. Хорошо также подумать и о томъ, что нравственное зло представляется столь великимъ только потому, что служить источникомъ физическаго зла, проявляющагося наиболѣе силь-

или увлекающая; разнообразныя же мотивы при ней оказываются лишь настолько сильными, на сколько находится въ соответствіи съ нею и, слѣдовательно, не имѣютъ никакого вліянія на видоизмѣненіе ея направленія. И однакоже всегда будетъ вѣрно, что при допущеніи различныхъ мотивовъ въ Богѣ, хотя-бы то и одинаково цѣнныхъ съ нравственной точки зрѣнія, мыслимо усиливающее и ослабляющее ихъ вліяніе на предшествующую волю. Они не могутъ видоизмѣнить ее въ общемъ направленіи, но разнообразятъ ее въ частныхъ случаяхъ, соответственно разнообразію мотивовъ.—По отношенію же къ физическому злу, Кирхманъ соглашается съ тѣмъ, что Лейбницъ говоритъ въ § 23; но отвергаетъ то, что онъ же говоритъ въ § 25. Въ этомъ послѣднемъ § Лейбницъ, какъ это очевидно, оправдываетъ допущеніе меньшаго зла для предупрежденія большаго, и оправдываетъ это не только въ отношеніи къ Богу, но и къ человѣку. Кирхманъ видитъ здѣсь противорѣчіе съ тѣмъ, что самъ же Лейбницъ утверждаетъ въ § 3, гдѣ говорится, что нравственными правилами имѣютъ безусловное значеніе какъ для Бога, такъ и для людей. Поэтому и дальнѣйшая ограничительная мысль Лейбница о томъ, что Богъ, знающій всѣ послѣдствія человѣческихъ дѣяній, можетъ допускать ихъ существованіе для измеченія изъ нихъ добра,—между тѣмъ какъ человѣкъ, не знающій всѣхъ послѣдствій своихъ дѣяній, долженъ строго держаться однихъ лишь нравственныхъ правилъ,—кажется Кирхману схоластическою уверткою. Но почему же? Самъ Кирхманъ допускаетъ же, такъ называемое, столкновеніе обязанностей (*collisio officiorum*): а это столкновеніе равно можетъ возникать при исполненіи, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ требованій нравственныхъ правилъ, какъ при физическихъ, такъ и нравственныхъ затрудненіяхъ; именно въ подобномъ столкновеніи обязанностей и очутился офицеръ, приводимый въ Лейбницею примѣръ. На этомъ же столкновеніи обязанностей и основана западная казуистика, которая въ римской церкви разработана съ особенною тщательностію, и вслѣдствіе особеннаго воззрѣнія на добрыя дѣла доведена до крайности и приобрѣла болѣе юридическій характеръ, чѣмъ моральный. Но отъ нея не свободны бывають иногда и протестантскіе моралисты (см. напр. Шпенера: «*Theologische Bedenken*»), какъ не свободенъ въ данномъ случаѣ Кирхманъ и даже Лейбницъ. Что же о ней должно сказать съ православной точки зрѣнія? Она есть совершенно ошибочное внесеніе юридическихъ политій въ нравственную область. По сколько казуистика хочетъ быть наукою, предлагающею извѣстные правила, по которымъ надобно поступать въ каждомъ данномъ частномъ случаѣ,—она не достигаетъ своей цѣли, потому что каждый частный случай по своему индивидуальному характеру никогда не повторяется, но всегда бываетъ новымъ и инымъ. Западные казуисты поставляють напр. правило, по которому, при столкновеніи обязанностей, дѣла справедливости должны быть предпочтительны дѣламъ состраданія; но евангельская притча о самарянинѣ внушаетъ намъ совершенно другое требованіе. Столько же можетъ быть ошибочнымъ и обратное правило, по которому дѣла состраданія должны быть предпочтительны дѣламъ справедливости. Должникъ, увлеченный чувствомъ состраданія и отдавший бѣдному свои деньги, можетъ оказать вели-

но среди тварей и наиболее способного причинить имъ это зло. Потому что злая воля въ своей области есть тоже, что было злое начало манихеевъ во вселенной; и разумъ, служащій образомъ божества, доставляетъ злымъ душамъ огромныя

чайшую несправедливость заимодавцу и причинить ему бѣдствія болѣе тяжкія, чѣмъ бѣдствія бѣдняка.—Говорятъ еще, что при коллизіяхъ, обязанности къ Богу должны быть предпочитаемы обязанностямъ къ людямъ, а эти послѣднія—обязанностямъ къ самому себѣ. Но Магкавей поступили совершенно нравственно, когда нарушили покой субботняго дня для того, чтобы исполнить обязанности патріотическія. Равнымъ образомъ и царь и пророкъ Давидъ поступилъ совершенно нравственно, когда съѣлъ хлѣбъ предложеніи, чтобы прекратить томившій его голодъ. При всѣхъ подобныхъ случаяхъ и сказывается необходимость не въ юридической казуистикѣ, а въ живомъ руководствѣ Церкви, для которой юридическія понятія составляютъ лишь вспомогательныя, а не главныя средства воспитанія. «Церковь, какъ справедливо говоритъ г. Ключевскій, не есть школа правовѣдѣнія и не кодификаціонная или законодательная палата». Святая Церковь должна руководствоваться въ своей жизни преимущественно духомъ свободы и христіанской любви. Ея цѣль, какъ говоритъ тотъ же писатель, состоитъ въ замѣнѣ принудительныхъ *требованийъ* права свободною *потребностію* *отъ природы* (и любви, прибавимъ мы отъ себя), и когда эта цѣль будетъ достигнута, когда эта потребность станетъ достаточно сильной и общей, тогда исчезнетъ нужда думать и о самомъ правѣ («Твор. св. Отц.» 1888 г. кн. IV, стр. 412). Съ православной точки зрѣнія поэтому при коллизіи можетъ существовать одно только правило: Никогда не должно дѣйствовать съ темнымъ и неопредѣленнымъ сознаніемъ сообразности или несообразности дѣйствій съ нашею вѣрою. Ибо все, *еже не отъ веры*, говоритъ Апостоль, *грѣхъ есть* (Рим. 14, 23). Или, какъ говоритъ тотъ же Апостоль, *всякій поступаи по удостоенію своему своею умомъ... и блаженъ кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ* (Рим. 14, 22, 23). Для христіанъ же младенчествующихъ умомъ другой апостоль указываетъ при коллизіи на непосредственное наученіе отъ Бога послѣ молитвы (Іак. 1, 5). Вообще для избѣжанія коллизіи православныя моралисты даютъ слѣдующій совѣтъ: узнавши законъ евангельскій, который весь состоитъ въ любви, построить соответственно съ этимъ знаніемъ весь порядокъ своей жизни—и вѣшной и внутренней,—по крайней мѣрѣ, въ общихъ и главныхъ ея чертахъ; и за тѣмъ править собою и своимъ дѣлами по своему плану,—не увлекаясь, насколько это возможно, ни вѣшнимъ ходомъ соприкосновенныхъ происшествій, ни внутренними движеніями своей природы. (Цисьма о христіан. жизни, ч. III, стр. 15—29).—Кирхманъ говоритъ еще, что понятіе *допущенія* (*permettre*) зла не приложимо въ отношеніи къ Богу, потому что у Бога, какъ Существа высочайшаго, *допущеніе* будто бы равносильно съ положительнымъ *дѣйствованіемъ*; по Кирхману, допущеніе въ собственномъ смыслѣ можетъ существовать только среди ограниченныхъ людей, но оно будто бы невозможно у всесильнаго Бога. Но почему же? Почему Богъ не можетъ ограничивать своего всемогущества? Вообще челоукообразныя представленія о Божествѣ должны быть сохраняемы нами, если только они не противорѣчатъ Его величію и славѣ; иначе мы должны будемъ отказаться отъ всякаго познанія Божества и власть въ агностицизмъ.

средства причинять много зла. Одинъ Калигула, или Неронъ причипили зла больше чѣмъ землетрясеніе. Злому человѣку правиться причинять страданія и разрушенія, и онъ находитъ очень много поводовъ къ этому. Но такъ какъ Богъ стремится совершить сколько возможно болѣе добра и имѣеть для этого полное знаніе и полное могущество, то невозможно, чтобы Онъ могъ допустить ошибку, вину, грѣхъ; и когда Онъ попускаетъ появляться грѣху, то и въ этомъ обнаруживается Его мудрость и Его добродѣтель ¹⁾).

27. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что надобно воздержаться отъ поставленія препятствій кому-либо совершить грѣхъ, когда мы не можемъ этого сдѣлать, не впадая въ грѣхъ сами. Но, быть можетъ, мнѣ возразить кто-нибудь, что именно самъ Богъ дѣйствуетъ и производитъ то, что есть реальное въ грѣхѣ тварей. Это возраженіе приводитъ меня къ разсмотрѣнію *физическаго содѣйствія* Божія тварямъ, послѣ того, какъ я разсмотрѣлъ *нравственное содѣйствіе*, наиболѣе затруднительное. Нѣкоторые вмѣстѣ съ знаменитымъ Дурандомъ де-Сент-Портенъ и кардиналомъ Ауреоломъ, славнымъ схоластикомъ, думали, что содѣйствіе Божіе твари (я разумѣю физическое содѣйствіе) существуетъ только общее и посредственное; и что Богъ сотворилъ только субстанціи и далъ имъ необходимыя для нихъ силы; и что послѣ этого Онъ предоставилъ имъ са-

¹⁾ Приводимый здѣсь выводъ моральнаго добра изъ физическаго зла и признаніе физическаго зла необходимою причиною моральнаго добра, по мнѣнію Кирхмана, противорѣчитъ нравственному требованію, имѣющему безусловное значеніе и обладающему, по терминологіи Канта, *категорическимъ императивомъ*. Другими словами: между физическимъ зломъ и нравственнымъ добромъ не должно существовать причинной связи, именно вслѣдствіе безусловнаго требованія нравственнаго долга. Но опытъ несомнѣнно подтверждаетъ причинную связь этихъ двухъ явленій; для того, чтобы нарушить эту связь, нужна была особенная благодатная помощь, иначе Кантовскій категорическій императивъ нравственности оказывался бы безсильнымъ предъ фактической причиною связью этихъ противоположныхъ явленій. Но можно согласиться съ Кирхманомъ, что Лейбницъ въ концѣ этого § впадаетъ въ слѣдующій логическій кругъ: «Зло не можетъ служить возраженіемъ противъ мудрости Божіей, потому что Богъ всевѣдущъ; слѣдовательно зло есть мудрое допущеніе Божіе». Дѣло только въ томъ, что Лейбницъ имѣеть дѣло съ вѣрующимъ читателемъ, для невѣрующаго же человѣка здѣсь дѣйствительно существуетъ кругъ.

нимъ уже дѣйствовать, а Самъ только сохраняетъ ихъ, безъ всякаго вспомошествованія при ихъ дѣйствіяхъ. Это мнѣніе было опровергаемо папбольшимъ чистомъ схоластическихъ богослововъ. и кажется, что оно нѣкогда было осуждено въ лицѣ Пелагія. Однако-же одинъ капуцинскій монахъ, по имени Лудовикъ Перейра де-Доль, около 1630 года, написалъ книгу для возобновленія этого мнѣнія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ свободнымъ дѣйствіямъ. Нѣкоторые новѣйшіе тоже склопняются къ этому, и г. Бернье защищаетъ его въ небольшой книжкѣ «о свободѣ и произволѣ» (*Du libre et du volontaire*). Но въ отношеніи къ Богу нельзя говорить о *сохраненіи* (творенія), не прибѣгая къ обычному воззрѣнію. Надобно также подумать и о томъ, что сохранительное дѣйствіе Божіе должно имѣть отношеніе къ тому, что сохраняется такимъ, какимъ оно есть, и въ такомъ состояніи, въ какомъ оно существуетъ; такимъ образомъ оно не можетъ быть общимъ и неопредѣленнымъ. Эти общія отвлеченія суть только абстрактныя понятія, не существующія въ дѣйствительныхъ отдѣльныхъ предметахъ, и сохраненіе человѣка прямо стоящаго отлично отъ сохраненія человѣка спящаго. Такъ не могло-бы происходить, если-бы сохраненіе состояло только въ дѣятельномъ актѣ задерживающемъ или удаляющемъ стороннюю причину, могущую разрушить то, что желаютъ сохранить, какъ это часто случается, когда люди сохраняютъ что-либо. Но кромѣ того, что мы и сами бываемъ вынуждены подкрѣплять то, что сохраняемъ, надобно знать, что сохраненіе Божіе состоитъ въ томъ непосредственномъ, непрерывномъ вліяніи, въ которомъ нуждается зависимость тварей. Эта зависимость существуетъ не только въ отношеніи къ субстанціи, но и въ отношеніи къ дѣйствію, и ее нельзя лучше объяснить себѣ, какъ сказавши вмѣстѣ со всѣми богословами и философиами, что есть непрерывное твореніе.

28. Могутъ возразить при этомъ: такъ Богъ творитъ теперь людей грѣшными, хотя первоначально создалъ человѣка невиннымъ. Но вотъ здѣсь-то, въ отношеніи къ нравственной сторонѣ возраженія, надобно отвѣтить, что Богъ, будучи высочайше премудрымъ, не можетъ отступить отъ сохраненія

извѣстныхъ законовъ и не можетъ не дѣйствовать согласно съ правилами какъ физическими, такъ и нравственными, которыя Его мудрость избрала. И таже самая причина, которая побудила Его создать человѣка невиннаго, но могущаго пасть, побуждаетъ Его продолжать твореніе человѣка падшаго, потому что Его вѣдѣніе знаетъ будущее, какъ настоящее, и Онъ не можетъ отмѣнять принятыя Имъ рѣшенія ¹⁾.

29. Что-же касается физическаго содѣйствія, то здѣсь надобно принять во вниманіе ту истину, которая произвела столько шуму среди схоластиковъ, съ тѣхъ поръ какъ была высказана св. Августиномъ,—истину о томъ, что зло состоятъ въ лишеніи (privation) существующаго, между тѣмъ какъ дѣйствіе Божіе проявляется въ положительномъ сообщеніи. Хотя этотъ отвѣтъ по возрѣнію нѣкоторыхъ людей кажется недостаточнымъ и даже химеричнымъ, но вотъ одинъ довольно подходящій примѣръ, который можетъ вывести ихъ изъ заблужденія.

30. Знаменитый Кеплеръ и послѣ него Декартъ (въ своихъ письмахъ) говорили о *природной инерціи тѣлъ*; на эту инерцію можно смотрѣть, какъ на совершенный образецъ и даже какъ на модель первоначальной ограниченности твореній, если хотимъ понять, что лишеніе служитъ формулою несовершенствъ и недостатковъ, присущихъ столько же субстанціи, какъ и ея дѣйствіямъ. Предположимъ, что теченіе одной и той-же рѣчки несетъ съ собою многія суда, различающіяся своею кладью; одни нагружены дровами, другіе камнями, одни болѣе, другія менѣе. При допущеніи этого, произойдетъ, что суда болѣе нагруженныя будутъ плыть медленнѣе, чѣмъ другія, если только предположить, что вѣтеръ, или весло, или другое какое-либо подобное средство не будетъ помогать имъ. Собственно не тяжесть служитъ причиною этого замедленія, потому что суда плывутъ

¹⁾ Приводимое здѣсь Лейбницемъ оправданіе Бога сомнительно; потому что самъ же Лейбницъ признаетъ Бога не подчиненнымъ физическимъ законамъ и смотритъ на чудо, какъ на доказательство этой неподчиненности. Здѣсь же Лейбницъ подчиняетъ Бога физическимъ законамъ своего наилучшаго міра, и слѣдовательно отвергаетъ возможность чуда: Лейбницъ избѣгаетъ этого противорѣчія, только признавши чудо необходимымъ явленіемъ въ своей предустановленной гармоніи.

внизъ, а не вверхъ, но причиною здѣсь служить, то, что увеличиваетъ тяжесть самыхъ плотныхъ тѣлъ, т. е. меньшая пористость и большая тяжесть принадлежащей имъ матеріи; потому что то, что существуетъ между порами, не получая движенія, не должно быть принимаемо въ расчетъ. Такимъ образомъ сама матерія расположена первоначально къ медленности или къ лишенію скорости; она не уменьшаетъ сама собою скорости, когда получаетъ ее, потому что это значило-бы дѣйствовать; но она умѣряетъ своею воспріимчивостію дѣйствіе давленія, когда должна получить его. И слѣдовательно, такъ какъ существуетъ больше матеріи, приведенной въ движеніе одною и тою-же двигательною силою при большемъ нагруженіи судна; то и необходимо, чтобы оно плыло медленнѣе. Опытъ съ тѣлами, приводимыми въ движеніе посредствомъ удара, показываетъ, что надобно употребить вдвое болѣе силы для сообщенія одной и той же скорости тѣлу изъ одной и той же матеріи, но вдвое большому, — что не было-бы необходимо, если бы матерія была абсолютно индифферентна къ покою и движенію и если-бы она не обладала тою природною инерціею, о которой мы сказали и которая сообщаетъ ей нѣкоторый видъ сопротивленія находится въ движеніи. Сравнимъ теперь силу, которую теченіе оказываетъ на суда и которую оно сообщаетъ имъ, съ дѣйствіемъ Божиимъ, производящимъ и сохраняющимъ все положительное въ тваряхъ, и сообщающимъ имъ совершенство, бытіе и силу; а инерцію матеріи сравнимъ, говорю я, съ природнымъ несовершенствомъ тварей, и медленность нагруженныхъ судовъ съ недостаткомъ, обнаруживающимся въ свойствахъ и дѣйствіяхъ твари: и мы найдемъ это сравненіе совершенно правильнымъ. Теченіе служитъ причиною движенія судна, но не его замедленія; Богъ есть причина совершенства въ природѣ и въ дѣйствіяхъ твари, но ограниченность тварной воспріимчивости служитъ причиною недостаточности Его дѣйствія въ нихъ. Такимъ образомъ платоникъ, св. Августинъ и схоластикъ справедливо говорили, что Богъ есть причина того реальнаго въ злѣ, что въ злѣ есть положительнаго, а не того формальнаго, что составляетъ въ немъ лишеніе; какъ можно сказать, что

теченіе служитъ матеріальною причиною замедленія, не будучи причиною въ формальномъ смыслѣ, т. е. оно есть причина скорости судна, не будучи причиною ограниченности этой скорости. И Богъ столько-же мало есть причина грѣха, какъ теченіе рѣки есть причина замедленія судна. Сила тоже въ отношеніи къ матеріи, что духъ въ отношеніи къ плоти: духъ бодръ, плоть-же немощна, и духъ дѣйствуетъ

quantum non noxia corpora tardant (на сколько вредоносныя тѣла не замедляютъ его).

31. Поэтому, между такимъ или инымъ дѣйствіемъ Божиимъ, и между такимъ или инымъ страдательнымъ состояніемъ или воспріятіемъ твари существуетъ такое-же отношеніе, какое въ обыкновенномъ теченіи вещей развивается по мѣрѣ совершенства ихъ *восприимчивости*, какъ выражаются. Когда-же говорятъ, что тварь въ своемъ бытіи и дѣйствіи зависитъ отъ Бога и что сохраненіе есть даже непрерывное твореніе, то это значитъ, что Богъ всегда даетъ и непрерывно производитъ все то, что въ ней есть положительнаго, добраго и совершеннаго, такъ какъ всякое совершенное благо сходитъ отъ Отца свѣтовъ; между тѣмъ, какъ несовершенства и недостатки дѣйствій простираются отъ природной ограниченности твари, каковую ограниченность въ самомъ началѣ бытія своего тварь должна была получить, по причинамъ идеальнымъ, ограничившимъ ее. Ибо Богъ не могъ сообщить ей всего, не сдѣлавши ее въ тоже время Богомъ; а поэтому должны существовать различныя степени совершенства вещей и различныя роды ограниченій ¹⁾.

¹⁾ Положеніи, развиваемыя Лейбницемъ въ §§ 30 и 31, не могутъ быть признаны достовѣрными съ богословской точки зрѣнія, хотя ихъ часто высказываютъ благочестивые философы, старающіеся примирить высочайшія свойства Божія съ существующимъ въ мірѣ зломъ. Кирхманъ замѣчаетъ, что мысль, признающая зло отрицаніемъ и ограниченіемъ добра, не принадлежитъ Платону; да и у Аристотеля ограниченность тварей имѣетъ другое значеніе, чѣмъ у Лейбница. Только съ развитіемъ христіанскихъ понятій о Богѣ, Его всемогуществѣ, всевѣдѣніи, творчествѣ, сохраненіи міра и всѣхъ твореній и пр., явилась потребность въ допущеніи этой мысли для оправданія Бога въ существованіи зла. Но мысль эта не выдерживаетъ строгой критики даже при томъ объясненіи, которое даетъ ей Лейбницъ. Въ самомъ дѣлѣ, его примѣръ съ нагруженными судами не удовлетворите-

32. Эти сужденія удовлетворяютъ также и нѣкоторыхъ современныхъ философовъ, которые приходятъ къ убѣжденію, что Богъ есть единственный дѣятель. Справедливо то, что Богъ есть единственное существо, котораго дѣйствіе есть чистое и не имѣетъ примѣси того, что называютъ *страданіемъ*; но это

лень; потому что движущая пхъ сила образуется двумя моментами, во-первыхъ величїною движимой массы и во-вторыхъ скоростью ея; только оба момента вмѣстѣ составляютъ реальное содержаніе, величину силы и только въ этой связи представляютъ положительное содержаніе этой силы. Поэтому прилагая движущую силу къ большей массѣ, мы заставимъ ее двигаться съ меньшей скоростью; прилагая же эту самую силу къ меньшей массѣ, получимъ большую скорость. Ошибка этого сравненія состоитъ въ томъ, что Лейбницъ признаетъ положительною стороною силы только скорость, не обращая вниманія на величину движимой массы, хотя и не представляетъ для этого никакого основанія: вслѣдствіе этого бблшая или меньшая масса не имѣетъ у него положительнаго значенія; между тѣмъ какъ она ясно сказывается при сопротивленіи. Еще яснѣе обнаруживается неудовлетворительность этого сравненія въ примѣненіи къ нравственной жизни. При грѣхѣ у челоѵка проявляется столько же *положительнаго* и *реальнаго*, какъ и при добромъ дѣлѣ. Смертоносный выстрѣлъ въ своего врага требуетъ столько же духовной и тѣлесной дѣятельности, какъ и выстрѣлъ въ дикаго звѣря, нападающаго на челоѵка; и однакоже одинъ выстрѣлъ мы признаемъ грѣхомъ, а другой—добрымъ дѣломъ. Многія преступленія требуютъ гораздо большей обдуманности, опытности, присутствія духа и пр., чѣмъ одобрительныя дѣлїя, потому что преступленія соединены бывають съ бблшими препятствїями. Между тѣмъ, обдуманность, опытность, присутствіе духа и пр. суть такого рода реальности, которыя одинаково требуются при совершеніи преступленій и добрыхъ дѣлъ. Различіе между этими расположенїями состоитъ не въ степени реальности, но въ томъ, что одни запрещены, а другїя заповѣданы, что очевидно не относится къ внутреннимъ свойствамъ поступковъ, или душевныхъ расположеній. Ложь высказывается при одной и той же памяти и при одномъ и томъ же сознаніи, какъ и истина. Даже борьба со страстями, которую причисляютъ къ добрымъ дѣйствїямъ, часто требуется при совершеніи дурныхъ поступковъ. Преступникъ для совершенія преступленія часто долженъ поборотъ въ себѣ страхъ, тоску, нѣкоторыя дурныя привычки и пр.; атаманъ разбойниковъ часто вводитъ среди своихъ подчиненныхъ болѣе строгую дисциплину, чѣмъ военачальникъ. Вообще во всемъ томъ, что существуетъ и проявляется въ нашихъ дѣлїяхъ, нѣтъ отрицанія; *нїчто* существуетъ только въ мышленіи и возникаетъ изъ сравненія отношеній; такимъ образомъ все существующее или проявляющееся имѣетъ положительный характеръ. Съ другой стороны, все положительное можетъ быть понимаемо, какъ отрицательное; надобно только принять его за отрицаніе чего либо другаго; такъ добродѣтель есть отрицаніе порока, движеніе есть отрицаніе покоя, дѣйствіе есть отрицаніе страданія и страданіе отрицаніе дѣйствія и пр.; но все эти отношенія не выражаютъ чего-то дѣйствительно существующаго, а суть только сравненія внутри мыслящаго духа. *Ничто* существуетъ только въ мышленіи, въ дѣйствительности же его нѣтъ нигдѣ.

не мѣшаетъ твари тоже быть причастной къ дѣйствіямъ, потому что *дѣйствіе* твари есть видоизмѣненіе субстанціи, естественно происходящее въ этой субстанціи и содержащее видоизмѣненіе ея не только въ совершенствахъ, сообщенныхъ Богомъ твари, но еще и въ ограниченіяхъ, принадлежащихъ твари, чтобы она могла быть тѣмъ, чѣмъ есть. Отсюда очевидно также, что существуетъ реальное различіе между субстанціею и ея видоизмѣненіями или акциденціями, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ и преимущественно покойнаго герцога Букингама, который говоритъ объ этомъ въ небольшомъ сочиненіи о религіи, напечатанномъ недавно. Такимъ образомъ зло подобно мраку, и есть не только незнаніе, но еще заблужденіе и дурное направленіе воли, формально состоящее въ извѣстнаго рода ограниченіи. Вотъ примѣръ заблужденія, которымъ мы уже пользовались. Я вижу башню, которая издали кажется мнѣ круглою, хотя она многоугольна; и если я останавливаюсь на этой мысли, то я впадаю въ ложное утвержденіе, или ложное сужденіе; но если я продолжаю изслѣдованіе, если нѣкоторое размышленіе даетъ мнѣ замѣтить, что кажущееся мнѣ обманываетъ меня, то вотъ я освобождаюсь отъ заблужденія. Остановка на одномъ мѣстѣ и нежеланіе идти далѣе, нежеланіе дополнить всего наблюденія нѣкоторыми замѣчаніями—вотъ въ чемъ состоятъ лишенія ¹⁾.

33. Также можно сказать о зломъ направленіи или о злой волѣ. Воля вообще стремится къ добру: она должна стремиться къ свойственному намъ совершенству, верховное же совершенство пребываетъ въ Богѣ. Всѣ удовольствія содержатъ въ себѣ извѣстное ощущеніе совершенства: но когда ограничиваются удовольствіями чувственными, или другими какими-

1) Обманъ чувства зрѣнія, на который Лейбницъ ссылается въ данномъ случаѣ, нельзя назвать лишеніемъ, или ограниченіемъ; потому что впечатлѣнія, доставляемыя намъ зрѣніемъ, совершенно реальны какъ по своему возникновенію въ органѣ зрѣнія, такъ и по производимому ими воспріятію. Если же дѣйствительность имъ не соответствуетъ, то это уже касается ихъ истинности, а не реальности. Поэтому тьма столько же реальна, какъ и свѣтъ; по ученію современныхъ естествоиспытателей, въ природѣ нѣтъ ни свѣта, ни тьмы, а существуетъ только движеніе, или покой атомовъ эфира.

либо, на счетъ большихъ благъ, напримѣръ здоровья, добродѣтели, единенія съ Богомъ, блаженства; то въ этомъ лишеніи стремленія къ нимъ состоитъ недостатокъ. Вообще совершенство есть позитивное, есть абсолютная реальность; недостатокъ же есть ограничительнаго рода, проистекаетъ отъ ограниченія и стремится къ новымъ лишеніямъ. Такимъ образомъ слѣдующее изрѣченіе столько же справедливо, какъ и древнее: *Bonum ex causa integra, malum ex quolibet defectu* (доброе проистекаетъ отъ дѣйствительной причины, а злое отъ какого либо недостатка), равно какъ и слѣдующее изрѣченіе: *Malum causam habet non efficientem, sed deficientem* (зло имѣетъ не довлѣющую, а недостаточествующую причину). Надѣюсь, что послѣ сказаннаго нами, можно хорошо понять смыслъ этихъ аксіомъ ¹⁾. X.

34. Физическое содѣйствіе Божіе и тварей одаренныхъ волею тоже возбуждаетъ затрудненія, касающіяся свободы. Я думаю, что наша воля изъята не только отъ принужденія, но и отъ необходимости. Уже Аристотель замѣтилъ, что въ свободѣ существуютъ двѣ вещи, именно произвольность и выборъ: и въ этомъ состоитъ наша власть надъ нашими дѣйствіями. Когда мы дѣйствуемъ свободно, то насъ не принуждаютъ, какъ это случается, когда насъ низвергаютъ въ пропасть. или когда насъ бросаютъ съ высоты внизъ; намъ не могутъ помѣшать имѣть свободный духъ, когда мы размышляемъ, какъ это случилось бы, если бы намъ дали напитокъ,

1) Лейбницъ вѣреть себѣ; онъ и страданіе выводитъ изъ ограниченія или лишенія удовольствія. Но и эта мысль не представляется особенно твердою. Всякое удовольствіе, будучи положительнымъ, есть въ тоже время для нашего мышленія и отрицательное; потому что оно не есть другое удовольствіе, съ другимъ положительнымъ содержаніемъ. Но *несуществующее* въ данный моментъ положительное удовольствіе не становится еще поэтому отрицательнымъ. При томъ же сравнивалъ одно удовольствіе съ другимъ, независимо отъ нравственной точки зрѣнія, нельзя признать одно удовольствіе ниже другаго; удовольствіе, испытываемое при путешествіи, можетъ быть равносильно съ удовольствіемъ при совершеніи военнаго похода. Отрицательное или ограничительное отношеніе между ними возникаетъ уже въ мышленіи, при нравственномъ сравненіи: и бывають случаи, когда удовольствіе отъ похода должно быть признано менѣе цѣннымъ, чѣмъ удовольствіе отъ путешествія.

который лишилъ бы насъ сужденій. Въ тысячѣ дѣйствій природы проявляется случайность, а у кого нѣтъ сужденія, когда онъ дѣйствуетъ, у того нѣтъ свободы. Если бы мы обладали сужденіемъ, не сопровождающимся никакою склонностію къ дѣйствованію, то наша душа была бы разумомъ безъ воли.

35. Не должно однакоже воображать, будто наша свобода состоитъ въ неопредѣленности или въ безразличномъ равновѣсіи (*indifférence d'équilibre*), такъ что она съ одинаковою силою должна была-бы склоняться на сторону «да» или на сторону «нѣтъ», или на многія другія стороны; если допустить существованіе многихъ другихъ сторонъ. Это равновѣсіе въ полномъ смыслѣ невозможно; потому что если-бы мы равно склонялись на сторону А, В и С; то мы не могли-бы одинаково склоняться на сторону А и на сторону не—А. Этоже равновѣсіе совершенно противорѣчитъ опыту, и когда испытываютъ себя, то найдутъ, что всегда существовала какая-либо причина или какое-либо основаніе, которыя склоняли насъ къ принятой сторонѣ, хотя часто мы и не замѣчаемъ того, что насъ склоняетъ; также точно какъ совершенно не замѣчаютъ, почему выходя чрезъ дверь, ступаютъ правою ногою прежде лѣвой, или лѣвою прежде правой.

К. Истоминъ.

(Продолженіе будетъ).

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

въ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

VII. Сократово ученіе о Богѣ ¹⁾.

УЧЕНІЕ О ТОМЪ ЖЕ СТАРШИХЪ СОКРАТИКОВЪ.

А. Еще при жизни Сократа Дельфійскій оракуль (Πιεΐα), на вопросъ одного изъ мудрецовъ того времени: «кто мудрѣе меня?» далъ такой знаменательный отвѣтъ: «мудрѣ Софокль, еще мудрѣ Еврипидъ, мудрѣйшій же изъ всѣхъ людей есть Сократъ (ἀνδρῶν δὲ πάντων Σωκράτης σοφώτατος) ²⁾. Личность Сократа и какъ человѣка, и какъ философа такъ замѣчательна, такъ оригинальна, его значеніе въ древне-греческой философіи вообще и въ раскрытіи понятія о Богѣ въ частности такъ велико ³⁾, что на немъ мы остановимся долѣе, нежели

²⁾ См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 17.

¹⁾ Кромѣ раньше означенныхъ изслѣдованій по исторіи философіи вообще и греческой въ частности и кромѣ указаннаго въ своемъ мѣстѣ изслѣдованіи *Hoffmann's Die Gottesidee des Anaxagoras des Socrates und des Platon etc.* въ настоящемъ случаѣ мы еще пользовались спеціальнымъ изслѣдованіемъ *Himmel, De theologia Socratis in Xenophontis de Socrate Commentariis tradita. Gottingae, 1839.*

²⁾ Schol. ad Aristoph. Nub. v. 144. Cont. *Diog. L.* II, 5, 37. Срав. также *Platon. Apol. Socr.* p. 21 ed. Steph., гдѣ по связи рѣчи, на основаніи дальнѣйшаго, должно предположить тоже свидѣтельство Пиеΐα.

³⁾ О значеніи Сократа въ исторіи философіи см. въ статьѣ *М. А. Оспроумова*, помѣщенной на страницахъ журн. *Вѣра и Разумъ* за 1884 г. т. II, стр. 133

сколько останавливались на предпественникахъ его. Не даромъ онъ служилъ предметомъ удивленія и благоговѣнія не только для языческихъ современниковъ и потомства, но и для христіанскихъ писателей. Извѣстны уважительные отзывы о немъ, встрѣчающіеся у нѣкоторыхъ св. отцевъ и учителей Церкви ¹⁾. Не даромъ иные изъ нихъ сравнивали его даже съ Христомъ по безвинной кончинѣ. И все это не смотря на то, что онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ сочиненій ²⁾.

Сократъ родился въ 470-мъ, а умеръ въ 399 г. до Р. Хр.; слѣдовательно почти вполне принадлежитъ V вѣку, столь знаменательному въ исторіи греческаго народа, какъ мы о томъ знаемъ изъ раньше сказаннаго ³⁾. Теперь мы добавимъ къ сказанному прежде лишь то, что это былъ вѣкъ, въ который жили и такіе философы, какъ Анаксагоръ, Демокритъ и другіе, и такіе софисты, какъ Протагоръ, Горгій, Продикъ и др., и такіе драматурги, какъ Эсхиль, Софокль, Еврипидъ и др., и такіе ораторы, какъ Исэй, Иперидъ, Исократъ и др., и такіе историки, какъ Геродотъ, Фукидидъ и т. д. Уже одинъ этотъ перечень именъ показываетъ, что въ образовательныхъ стихіяхъ для Сократа, какъ постояннаго жителя Аѳинъ,—центра тогдашняго просвѣщенія Греціи,—недостатка не было. Однако напрасно нѣкоторые позднѣйшіе греческіе писатели предполагали, въ качествѣ учителя Сократова, то Анаксагора ⁴⁾, а то Архелая. Ближайшія къ Сократу, оставившія намъ достовѣрныя свѣдѣнія о немъ лица, именно Платонъ и Ксенофонтъ, нисколько не говорятъ, чтобы у него были особен-

и дал. отд. фил. По въ этой статьѣ не сказано о значеніи Сократа въ раскрытіи понятія о Богѣ. Это значеніе показано будетъ нами.

¹⁾ Напр. св. *Иустинъ* фил. (апол. 1 гл. 46), *Климентъ* Алекс. и др.

²⁾ Когда Сократа спросили, почему онъ не излагаетъ своего ученія письменно, онъ отвѣтилъ: «потому что я вижу, что хартія гораздо дороже того, что будетъ на ней написано». См. изреченія Сократа въ жур. *Вѣра и Разумъ* 1886, II, 107 отд. фил.

³⁾ См. жур. *Вѣра и Разумъ* 1885, I, 162 и дальн. отд. фил. Срав. также сказанное нами выше въ отдѣлѣ о софистахъ.

⁴⁾ См. *Diog. L.* II, 19. Впрочемъ это предположеніе, которое и мы въ свое время поддерживали, не безъ основательно. Для сего см. *Platonis Phaedon* p. 97. Но ниже мы раскроемъ, какъ нужно понимать учительство Анаксагора въ отношеніи къ Сократу.

нымъ учителемъ кто либо изъ предшественниковъ его по философіи. Напротивъ, какъ Гераклита Аристотель называлъ самоучкою—*αὐτοδίδακτος*, такъ и Сократа Ксенофонтъ или точнѣе самъ Сократъ себя у Ксенофонта называетъ *αὐτοαρχὸς τῆς φιλοσοφίας* ¹⁾. Съ Ксенофонтомъ же согласенъ и Платонъ ²⁾. Да это же вытекаетъ и изъ усмотрѣнія свойствъ личнаго характера Сократа и его философіи, гдѣ самобытность, оригинальность гения повсюду видна. Вѣрнѣе всего, что онъ, сынъ простаго ваятеля и повивальной бабки, получивъ общее образованіе, слушалъ, когда тому благопріятствовали обстоятельства, и философовъ, и софистовъ и ораторовъ своего времени, но не примыкалъ ни къ кому изъ нихъ, какъ ученикъ. Безъ сомнѣнія, ознакомился онъ въ достаточной степени и съ натуръ-философіею и отечественною литературою того же и прежняго времени, но также безъ увлеченія какимъ либо философскимъ ученіемъ, какимъ либо родомъ литературы въ частности. Въ молодые годы особенно нравилась ему философія Анаксагора, его ученіе объ умѣ ³⁾, читалъ онъ также философское сочиненіе Гераклита ⁴⁾; велъ разсужденія съ философами элейской школы: Парменидомъ и Зенономъ ⁵⁾ и т. д. Вообще вотъ какъ онъ самъ говоритъ о себѣ въ этомъ отношеніи, по *воспоминаніямъ* Ксенофонта: «и сокровища древнихъ мудрецовъ, оставленные ими въ ихъ писаніяхъ я тщательно разбираю и прочитываю вмѣстѣ съ друзьями моими; и если что видимъ въ нихъ хорошаго, то выбираемъ и за великую считаемъ пользу, если оказываемся полезными и другъ другу» ⁶⁾. Такимъ образомъ онъ отовсюду, по возможности, черпалъ потребныя свѣдѣнія и, по особому складу своего личнаго ума и характера, перерабатывая все это собственнымъ размышленіемъ, предоставлялъ себѣ самому соглашаться или не соглашаться съ чѣмъ бы то ни было и съ кѣмъ бы

1) *Xenoph. Conviv.* 1. Подробнѣе см. apud. *Ritter-Preller*, p. 141.

2) См. ходъ рѣчи въ показанномъ мѣстѣ изъ Федона и др.

3) *Platonis, Phaedon* p. 97 sq.

4) *Diog. L.* II, 22.

5) Цитаты изъ Платона объ этомъ см. у *Ritter-Preller* p. 141 и 87.

6) *Memorab.* I, 6, 14. Cont. *Hoffmann*; cit. W. p. 13.

то ни было. Большею частію своихъ философскихъ мыслей и открытій онъ обязанъ былъ несомнѣнно собственному генію и размышленію; а методъ его философствованія уже положительно не заимствованъ имъ ни откуда или, какъ онъ самъ о себѣ въ шутку замѣчалъ, если заимствованъ, то заимствованъ отъ повивальнаго искусства его матери. Онъ рано почувствовалъ свое философское призваніе, и ни условія семейной жизни (сварливая жена—Ксанѳиппа), ни другія занятія ни разу не возобладали надъ нимъ настолько, чтобы отвлечь его хотя бы на минуту отъ служенія этому призванію. Образецъ ограниченности въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей, образецъ нравственной чистоты, гражданской честности и неподдѣльнаго благочестія, исполненный истиннаго человеколюбія, не смотря на некрасивую внѣшность пріятный собесѣдникъ въ обществѣ, тонкій и наблюдательный, обладавшій юморомъ и остроуміемъ, отличающійся невозмутимымъ спокойствіемъ души и ясностію сознанія при всевозможныхъ обстоятельствахъ жизни, Сократъ былъ предметомъ, съ одной стороны, всеобщаго вниманія и удивленія, а съ другой—восторженнаго почитанія отъ становившихся въ тѣ или другія, особенно же близкія отношенія къ нему людей разныхъ званій, состояній и характеровъ. Онъ былъ истый грекъ и аѳинянинъ, и въ тоже время обнаруживалъ въ себѣ такъ много странностей, оригинальности въ (дѣйствіяхъ, разумѣемъ, въ обращеніи и под.), не соотвѣтствовавшихъ современному аттическому вкусу, что невольно былъ предметомъ не только удивленія, но нерѣдко и насмѣшки. Углубленіе въ ходъ собственныхъ мыслей доходило у него иногда до потери ясности сознанія, и въ эти минуты не безъ основанія считалъ онъ себя находящимся подъ вліяніемъ демонической, божественной силы, генія. Къ тому же, согласно съ замѣченнымъ о его благочестіи, онъ никогда не былъ невѣрующимъ въ гражданскомъ смыслѣ. Какъ многіе изъ предшествовавшихъ и современныхъ ему философовъ, онъ допускалъ аллегорическое толкованіе мифовъ, но никогда не отвергалъ послѣднихъ ¹⁾ Его вѣра въ Бога, пре-

1) *Платона*, Федр. 229—230; Теэт. 153; Ion. 530 и др.; *Ксеноф.* Воспом. о Сокр. I, 3, 7, IV, 2, 10; Пиръ, III, 6 и др.

данность въ волю Божию и всегда обнаруживавшіяся, особенно ясно выразились во время суда надъ нимъ, повлекшаго за собою его смерть. Кромѣ обвиненія въ томъ, что будто бы онъ развращаетъ молодыхъ людей, его обвиняли главнымъ образомъ въ томъ, что «не признавая почитаемыхъ нами боговъ, онъ вводитъ новыя божества». Но чѣмъ обвинители «доказали», — спрашиваетъ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Сократа Ксенофонтъ, — что онъ не признаетъ чествуемыхъ отечествомъ боговъ? Онъ открыто и часто приносилъ жертвы и дома, и на общественныхъ алтаряхъ, не пренебрегалъ и оракулами. Впрочемъ, — замѣчаетъ къ тому Ксенофонтъ, — въ народѣ давно носилась молва, будто Сократъ поговаривалъ о себѣ, что какой то духъ (собственно *δαίμων*) открываетъ ему то и то. Поэтому, кажется, особенно и обвиняли его въ томъ, что онъ вводитъ новыя божества. Между тѣмъ Сократъ не вводилъ ничего новаго въ религію; подобно другимъ допуская искусство предсказанія, заключалъ о будущемъ по полету птицъ, по произнесеннымъ наудачу словамъ предсказателей, по необыкновеннымъ знаменіямъ въ природѣ и по жертвамъ. Но допуская это какъ онъ, такъ и другіе понимаютъ, что ни птицы, ни случайно встрѣтившіяся лица не знаютъ, что нужно и что можетъ быть полезно для обращающихся къ оракуламъ, но что чрезъ эти предметы сами боги открываютъ будущее, какъ думалъ и Сократъ» ¹⁾. «На мою вѣру имѣетъ большее право Богъ, нежели вы», — говорилъ самъ Сократъ на судѣ, обращаясь къ аѳинянамъ; «а потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать» ²⁾: такъ нераздѣльны были въ сознаніи Сократа его вѣра въ Бога и философское призваніе. Затѣмъ преданность въ волю Божию онъ выражаетъ на судѣ же, когда представляя возможность и оправданія и обвиненія своего, говоритъ: «впрочемъ пусть будетъ такъ, какъ Богу угодно: мое дѣло — повиноваться закону и оправдываться» ³⁾. И подлинно только зависть и злоба съ од-

¹⁾ Воспомин. о Сокр. I, 1, 1. 2. Переводъ *Синайскаго*, Москва, 1857.

²⁾ *Платона*, *Апол. Сокр.* стр. 29 (ed. Steph.). Переводъ проф. *Карпова*. Спб. 1863.

³⁾ Тамъ же, стр. 19; срав. 28 и др. Срав. также Кривонозъ, стр. 54.

ной и глубокое недоразумѣніе съ другой стороны могли быть и дѣйствительно были причиною осужденія его на смерть. Ибо какъ въ отношеніи къ религіи хотя сколько нибудь благовиднымъ предлогомъ къ этому осужденію было вышеупомянутое и въ сущности не противорѣчившее народной религіи признаніе особенной божественной, демонической силы, генія, такъ и въ отношеніи къ мнимому развращенію молодыхъ людей, для обвинителей Сократа, доказательствомъ послужили такіе изъ прежнихъ слушателей его, какъ развратные Алкивіадъ и Критій. Но, какъ справедливо судить объ этомъ дѣлѣ Ксенофонтъ, примѣры Алкивіада и Критія доказываютъ только то, что «какъ умѣвшіе хорошо читать стихи по размѣрамъ, безъ повторенія, забываютъ ихъ: такъ забываютъ и учительскіе уроки прежде хорошо знавшіе, а послѣ оставившіе ихъ безъ вниманія» ¹⁾. И обладавшіе злою волею Алкивіадъ и Критій, сдерживая себя и представляясь даже скромными во время слушанія уроковъ мудрости Сократа ²⁾, потомъ, конечно не по винѣ послѣдняго, оказались разнузданными, забыли уроки своего учителя, возненавидѣвъ даже его ³⁾. А уже это самое показываетъ, сколь несправедливо было помянутое обвиненіе, взведенное на Сократа на основаніи такихъ примѣровъ. «Для меня,—говоритъ ученикъ его Ксенофонтъ,—удивительно то, что нѣкоторые повѣрили, будто Сократъ развращаетъ молодыхъ людей, тотъ Сократъ, который, кромѣ сказаннаго выше къ его чести, болѣе всѣхъ воздерживался и отъ удовлетворенія любострастію и объяденію, который былъ терпѣливѣе всѣхъ въ перенесеніи и холода и зноя и всякихъ трудовъ, который такъ приучилъ себя къ умѣренности, что, при весьма ограниченномъ состояніи, совершенно безропотно довольствовался тѣмъ, что имѣлъ. Какимъ же образомъ онъ, самъ будучи такового поведенія, могъ сдѣлать другихъ или безбожниками, или нарушителями законовъ, или роскошными, или невоздержными въ дѣлахъ любострастія, или изнѣженными и

1) Воспомин. о Сокр. I, 2, 21. Переводъ *Синайскаго*.

2) Тамъ же, нѣсколько выше.

3) Тамъ же.

лѣнвыми? Между тѣмъ онъ еще отучилъ очень многихъ отъ этихъ пороковъ и заставилъ любить одну добродѣтель, утѣшая своихъ слушателей тою надеждою, что они, если понаблюдуть за самими собою, сдѣлаются мужами честными и добрыми. Онъ никогда не хотѣлъ нарочито учить этому, а своимъ открытымъ поведеніемъ заставлялъ своихъ слушателей надѣяться, что и они, если будутъ подражать ему, сдѣлаются таковыми же, какъ онъ» ¹⁾. И однако такой человѣкъ, по рѣшенію суда, долженъ былъ принять ядъ, чтобы такимъ образомъ покончить съ жизнію, служившею на пользу многимъ. Что же было глубочайшею, истинною причиною такого прискорбнаго обстоятельства? Въ сущности «обвиненіе Сократа составляетъ попытку демократической реакціи насильственно вернуть старое время» ²⁾. Итакъ Сократъ, собственно говоря, пострадалъ за то, въ пользу чего, какъ мы помнимъ, ратовали и софисты. Но все дѣло въ томъ, что софисты дѣйствовали при этомъ, употребляя прежнее сравненіе, какъ юноши, а Сократъ, какъ мужъ. Въ этомъ вся разница и значенія Сократа въ исторіи Греціи, по сравненію съ значеніемъ его предшественниковъ вообще и софистовъ въ частности.

Обратимся теперь къ философіи Сократа и ея значенію въ исторіи греческой философіи. «Сократъ первый низвелъ философію съ неба на землю», говоритъ о нашемъ философѣ Цицеронъ ³⁾.

Что это значить? Доселѣ господствовала, какъ мы видѣли выше, философія природы. Міръ, вселенная съ небомъ, украшеннымъ солнцемъ, луною и звѣздами, составляли любимые предметы размысленія начинавшаго философствовать ума; вопросы о нихъ, ихъ началѣ, жизни, измѣненіяхъ, движеніи и т. д. были жизненными вопросами философіи, благодаря тому сдѣлавшей значительные успѣхи и въ астрономіи. Такъ было съ іонійскими фізіологами; такъ было и съ другими философами

1) Восп. о Сокр. I, 2, 1 и дал. Переводъ *Синайского*.

2) *Целлера*, Очеркъ исторіи греч. философіи. Переводъ *Некрасова*, стр. 93. Спб. 1886.

3) *Tuscul. disp. V, 4, 10.*

до софистовъ. Въ тоже время и по связи съ тѣмъ, какъ мы говорили тогда-же, вся философія до-сократовская была философіею представленія. Единое и многое ἐνχαί πολλά), части и цѣлое, пространство и время, представляющія собой условія и содержаніе мышленія на этой степени, составляли главное, чѣмъ ограничивалась эта философія. И самое мышленіе, будучи несомнительно философскимъ, поскольку имѣло цѣлю разрѣшеніе вышесказанныхъ вопросовъ, вращалось главнымъ образомъ въ сферѣ ассоціаціи представленій, а не строго логической послѣдовательности мысли. Оттого-то даже и Анаксагоръ не могъ себѣ представить ума иначе, какъ только состоящимъ изъ частицъ, хотя и легкихъ тѣломъ —), и элейцы представляли свое единое въ видѣ сфероса, не говоря о другихъ философахъ—иллозистахъ. Но такъ какъ сколько головъ, столько и умовъ, такъ какъ все многообразіе философскихъ представленій о мірѣ, о природѣ, вызванное различіемъ точекъ отправленія въ мышленіи объ этомъ, различіемъ способовъ объясненія всего этого и т. д., необходимо должно было имѣть и ко времени Сократа дѣйствительно стало имѣть послѣдствіемъ своимъ, доколѣ ограничивалось именно степенію представленія, непримиримыя противорѣчія: то, по естественному стремленію человѣческаго духа къ единству сознанія, за этимъ должны были послѣдовать попытки къ примиренію противорѣчій. Аѳины, ставшія къ тому времени во главѣ греческаго просвѣщенія, представляли самую удобную для того почву. Первую попытку примиренія сдѣлали софисты; но они, какъ мы видѣли выше, только признали именно то, что «сколько головъ, столько и умовъ», что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей»; они ограничились отрицательною лишь стороною въ дѣлѣ примиренія,—указаніемъ самыхъ противорѣчій и лишь легкимъ намекомъ на то, что въ *человѣкѣ* именно, а не въ самой природѣ должно искать разрѣшенія всѣхъ прежнихъ недоумѣній, разнорѣчій, настоящаго примиренія всѣхъ доселѣ возникшихъ противорѣчій. Началовождемъ полнаго примиренія съ этой точки зрѣнія, основоположителемъ *антропологи-*

1) Zeller, I, 809.

ческаго направленія аттическаго періода исторіи греческой философіи, основателемъ философіи *понятія* (а уже не представленія) явился послѣдній и лучший изъ софистовъ V вѣка Сократъ, который не даромъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ софисту Продику ¹⁾, уже извѣстному намъ отчасти, хотя совершенно самостоятельно пошелъ въ своемъ собственномъ философствованіи на пути отпавленія отъ вышеозначенной точки. Какъ въ жизни Сократъ нерѣдко углублялся въ свой духовный міръ, не замѣчая внѣшняго, такъ и въ философіи своей онъ прежде всего требовалъ самоуглубленія, самоиспытанія, самопознанія, строгаго изслѣдованія о томъ, соотвѣтствуютъ-ли наши познанія о предметахъ общихъ о нихъ понятіямъ, самой идеѣ знанія. И хотя это самопознаніе въ итогѣ пришло лишь къ печальному результату, выразившемуся въ извѣстномъ изреченіи Сократа: «я знаю только то, что ничего не знаю»; однако, въ противоположность софистамъ, которые, исходя изъ подобнаго-же начала, въ концѣ концовъ приходили къ отрицанію достовѣрности нашихъ познаній и возможности истиннаго знанія, въ душѣ Сократа жила глубокая вѣра въ возможность знанія и убѣжденіе въ его необходимости. Изъ сознанія своего незнанія у него вытекало тѣмъ болѣе усиленное исканіе знанія. Не находя въ себѣ знанія, философъ обращается къ другимъ и у нихъ допытывается искомаго знанія: отсюда діалогическая форма, эротематическій способъ, діалектическій методъ изложенія мыслей и изслѣдованія предмета у Сократа и нѣкоторыхъ изъ учениковъ его.

Съ теоретическою стороною философія Сократа въ тѣсной связи стояла и практическая сторона его философіи. Даже болѣе того, эта послѣдняя сторона стояла въ прямой зависимости отъ первой. Въ противоположность натуръ-философамъ архаическаго періода Сократъ хотѣлъ ограничиться лишь одними иѳическими изслѣдованіями, нравственными вопросами, какъ ближе всего касавшимися жизненныхъ интересовъ чело-вѣка; но болѣе углубляясь въ эти изслѣдованія, глубже и глуб-

¹⁾ См. *Ritter-Preller* p. 141, гдѣ можно видѣть и цитаты на это изъ Платоновыхъ діалоговъ.

же вникая въ сущность этихъ вопросовъ, онъ невольно приходилъ къ мысли, что и въ нравственной области на первомъ планѣ должно быть знаніе. Нельзя быть храбрымъ, не зная, какъ относиться къ опасностямъ; нельзя поступать справедливо безъ знанія о томъ, что справедливо и что не справедливо; нельзя быть благочестивымъ, не зная, что справедливо относительно боговъ и т. д. Такимъ образомъ всякая добродѣтель въ концѣ концовъ возводится къ знанію или мудрости, какъ къ своему корню. Но что такое именно есть самое добро, (благо), это у Сократа не разъясняется точно и опредѣленно, судя по тому, какъ излагаютъ его ученіе Платонъ и Ксенофонтъ. У послѣдняго въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаетъ перѣдко евдемонистическое начало нравственныхъ требованій, хотя съ другой стороны, какъ у него, такъ и у Платона, нравственные требованія Сократа отзываются даже строгимъ аскетизмомъ. Отсюда разнообразіе въ направленіяхъ школъ Сократиковъ, преслѣдовавшихъ главнымъ образомъ нравственное ученіе (Киропейская, циническая).

Сколь велико значеніе Сократа въ области гносеологической и нравственной, столь-же велико оно и въ области собственно религіозно-философской и частнѣе,—въ раскрытіи понятія о Богѣ. Глубокая вѣра въ Божество, непоколебимая увѣренность въ бытіи Божіемъ, беззавѣтная преданность въ волю Божію наполняли душу великаго философа, какъ мы отчасти уже и видѣли выше «И вся его мораль не можетъ обойтись безъ этой точки опоры уже потому, что ограничиваясь исключительно ээикой, онъ не имѣетъ средства разъяснить естественную необходимость той связи между поступками и ихъ послѣдствіями, на которой основываются нравственные законы, и поэтому эти законы являются для него согласно съ обычнымъ взглядомъ «неписанными постановленіями боговъ» (Метог. IV, 4, 19) ¹⁾. «Кто лучше и благоговѣннѣе можетъ почитать боговъ,—говоритъ Сократъ,—какъ не тотъ, кто поступаетъ по ихъ велѣнію? При всемъ томъ не должно пренебрегать ничѣмъ, что можно дѣлать въ честь ихъ. Пренебрегающій этимъ

¹⁾ Целлера, «Очеркъ ист. греч. филос. стр. 90—91. Слб. 1886.

явно презираетъ боговъ. А ничѣмъ не пренебрегающій въ богочтеніи смѣло можетъ ожидать отъ нихъ величайшихъ благъ. Ибо здравомыслящій можетъ-ли надѣяться получить большія блага отъ кого-нибудь другаго, кромѣ того, кто имѣетъ силу благодѣтельствовать больше всѣхъ? а этого достигнуть нельзя иначе, какъ благоугождая имѣющему такую силу; благоугождать-же богамъ можемъ только чрезъ выполненіе ихъ повелѣній. Сократъ, добавляетъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* о немъ Ксенофонтъ, — говоря и самъ выполняя это, дѣлалъ и своихъ учениковъ очень набожными и очень скромными» ¹⁾. Однако и «на простой вѣрѣ не могъ успокоиться мыслитель, первымъ принципомъ котораго было все изслѣдовать: онъ долженъ былъ дать себѣ отчетъ объ основаніяхъ этой вѣры; и пытаясь сдѣлать это, онъ, не смотря на свое принципиальное нерасположеніе ко всякому чисто теоретическому умозрѣнію, почти противъ воли стаповится основателемъ нѣкотораго міровоззрѣнія и теологіи, которая оказывала значительное вліяніе до настоящаго времени. ²⁾. Въ чемъ-же состоятъ основные пункты богословія Сократа, особенно въ отношеніи къ раскрытію идеи Божества?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы считаемъ нужнымъ. въ виду вышесказаннаго о томъ, что Сократъ не оставилъ послѣ себя сочиненій, сказать нѣсколько словъ объ источникахъ. изъ коихъ почерпаются (и мы будемъ почерпать) свѣдѣнія объ ученіи Сократа. Таковыми источниками служатъ издавна главнымъ образомъ сочиненія учениковъ Сократовыхъ: Платона и Ксенофонта, а также и сочиненія ученика Платона Аристотеля. Но такъ какъ Платонъ по большей части влагаетъ въ уста Сократа свои собственныя мысли и рѣчи; такъ какъ, за тѣмъ, Ксенофонтъ, не будучи спеціально философомъ (онъ скорѣе историкъ), не былъ, повидимому, въ состояніи вѣрно передать ученіе Сократа, сообщенія же Аристотеля основываются на этихъ двухъ источникахъ: то пред-

¹⁾ Воспом. о Сократѣ, IV, 3, въ перев. Сивайскаго, стр. 354, 355. Москва 1857.

²⁾ Цезлеръ, «Очеркъ ист. гр. фл.» стр. 91.

ставляется сомнительнымъ, имѣемъ-ли мы въ поименованныхъ источникахъ надежныхъ свидѣтелей подлиннаго ученія Сократа. Въ виду такого положенія дѣла многіе ученые рѣшаются довѣрять болѣе—одни,—Платону, заподозривая въ такомъ случаѣ достовѣрность сообщеній Ксенофонта, каковы: *Диссенз* и *Шлейермахеръ*, другіе,—Ксенофонту (см. напр. у *Гоббмана*, стр. 14). Потому, если въ рѣшеніи поставленнаго вопроса мы выберемъ золотую середину, то болѣе приблизимся къ истинѣ, нежели въ противномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что діалоги Платона, написанные послѣднимъ значительное время спустя послѣ смерти Сократа, дѣйствительно представляютъ въ себѣ болѣе идеализованный образъ Сократа и его ученія, тогда какъ діалоги, написанные или при жизни или же вскорѣ послѣ смерти Сократа, подъ живымъ впечатлѣніемъ бесѣды его, представляютъ личность и ученіе послѣдняго болѣе соответствующими исторической дѣйствительности. Таковы въ особенности діалоги: *Евтифронъ*, *Апология Сократа*, *Критонъ*, *Федонъ*, отчасти также *Лизій*, *Хармитъ*, *Ииръ* и нѣк. др. Да и въ позднѣйшихъ діалогахъ нерѣдко со всею ясностію можно отличать историческое изображеніе Сократа отъ идеальнаго; ибо въ противномъ случаѣ Платонъ заставляеть не Сократа, а уже другія лица выражать мнѣнія, Сократу не принадлежація (какъ напр. Тимея въ діалогъ того же имени). А между тѣмъ большая часть изъ вышепоименованныхъ діалоговъ весьма сходны съ Ксенофоновыми *Воспоминаніями* о Сократѣ, написанными также подъ живымъ впечатлѣніемъ бесѣды Сократа, особенно же *Критонъ*. Это обстоятельство, въ связи съ откровенностію сообщеній Ксенофонта, ручается, въ свою очередь, за достовѣрность таковыхъ сообщеній и говоритъ въ пользу исторической истины изображенія лица и ученія Сократа у Ксенофонта. Поэтому, вслѣдъ за такими авторитетами учености и специалистами дѣла, какъ *Целлеръ* ¹⁾, *Гоббманъ* ²⁾ и др. мы полагаемъ, что должно пользоваться и Платономъ и Ксенофонтомъ, для изображенія ученія Сократа, и даже болѣе Ксе-

¹⁾ Gesch. d. gr. philos. II, 84, 77. 3 Aufl. Lpz. 1875.

²⁾ Ueber die Gottesidee d. Anaxag. d. Sokr. etc. p. 14.

нофонтомъ, какъ болѣе объективно представляющимъ Сократа, нежели идеалистомъ Платономъ, при чемъ Ксенофонтомъ провѣрять Платона, а не наоборотъ ¹⁾. Аристотель же, какъ ближайшій по времени и гениальный историкъ философіи, не смотря на краткость его сообщеній о Сократѣ, могъ бы давать мѣру для правильности сужденія того и другаго изъ учениковъ Сократовыхъ о Сократѣ ²⁾. Съ такими предварительными соображеніями мы приступаемъ теперь къ самому изложенію Сократова ученія о Богѣ.

1. *Доказательства бытія Божія.* Истина бытія Божія для Сократа, какъ и для всѣхъ здравомыслящихъ и въ то же время вѣрующихъ людей, была выше всякаго сомнѣнія: это доказывалось всею его жизнію, его ученіемъ и наконецъ мученическою смертію его. Но какъ философъ, и самъ не желавшій оставаться на степени простой лишь увѣренности въ этой истинѣ, а стремившійся обосновать ее въ своемъ сознаніи путемъ логическихъ соображеній, и другихъ, колебавшихся въ признаніи ея, желавшій утвердить въ той же истинѣ, онъ употреблялъ усилія къ утвержденію ея и на разумныхъ основаніяхъ. Сократу первому принадлежитъ честь болѣе полной и правильной постановки такъ называемыхъ доказательствъ бытія Божія. Эти доказательства мы находимъ главнымъ образомъ въ 4 гл. I-й книги Ксенофоновыхъ «Воспоминаній о Сократѣ». Здѣсь философъ представляется бесѣдующимъ съ Аристодимомъ, пренебрежительно отзывавшимся о богахъ, осмѣивавшимъ тѣхъ, которые приносили имъ жертвы и внимали оракуламъ, и презиравшимъ ихъ. Сократъ, вопреки и въ наставленіе ему, доказываетъ существованіе боговъ, необходимость чествованія ихъ и пользу обращенія къ оракуламъ. «Скажу,—говоритъ Ксенофонтъ о Сократѣ,—то, что однажды слышалъ я отъ него, когда онъ разговаривалъ (*διαλεγόμενου*) о Богѣ (*περὶ τοῦ θεοῦ*) съ Аристодимомъ, по прозванію Малымъ», и далѣе передаетъ самую бесѣду Сократа, начинаю-

¹⁾ См. вышеупомянутую статью М. А. Остроумова въ жур. *Вѣра и Разумъ* 1884, II, 135 примѣч. 1. Отд. Филос. Срав. *Rechenberg*, cit. W. s. 45 и др.

²⁾ См. тамъ же. Срав. *Hoffmann's* cit. W. s. 14.

щуюся, по обычаю послѣдняго, издалека. Именно Сократъ говоритъ: «скажи мнѣ, Аристодимъ: есть-ли между людьми такіе, мудрости коихъ ты удивляешься? *Аристодимъ*: есть. *Сократъ*: скажи же, кто именно? *Аристодимъ*: Въ сочиненіи эпоса больше всего удивляюсь Гомеру, Меланиппиду за диѳирамбы, Софоклу за трагедіи, Поликлиту въ ваяніи, Зевксису въ живописи. *Сократъ*: Какіе, по твоему мнѣнію, художники заслуживаютъ больше удивленія, тѣ-ли, кои дѣлаютъ бездушныхъ и не могущихъ двигаться идоловъ, или тѣ, кои изображаютъ одушевленныхъ и могущихъ дѣйствовать животныхъ? *Аристодимъ*: Больше тѣ, кои изображаютъ животныхъ, если только это дѣлается не по какому нибудь безпричинному случаю, а съ намѣреніемъ. *Сократъ*: Изъ тѣхъ произведеній, о которыхъ неизвѣстно, для чего они сдѣланы, и о которыхъ извѣстно, что они сдѣланы для пользы, которыя—дѣло случая и которыя—опредѣленнаго намѣренія? *Аристодимъ*: Произведенія, сдѣланныя для пользы, слѣдуетъ приписать извѣстному намѣренію. *Сократъ*: Какъ тебѣ кажется, сотворившій изначала человѣка (ὁ ἐξ ἀρχῆς ποιῶν ἀνθρώπους) не для пользы ли его далъ ему органы чувствъ,—глаза, чтобы видѣть предметы видимые,—уши, чтобы слышать слышимое? Какая бы намъ была польза въ благовопіяхъ, если бы не дано было ноздрей? Какъ бы стали чувствовать и сладость и пріятность, и вообще все пріятное, входящее въ уста, если бы не данъ былъ намъ языкъ, разпознаватель этого? Сверхъ того, не есть-ли дѣло промысла (προνοίας) то, что Богъ, зная слабость глазъ нашихъ, оградилъ ихъ, какъ дверьми, вѣками, которыя, когда нужно смотрѣть, отворяются, а во время сна опять сжимаются; чтобы вѣтеръ не вредилъ глазамъ, Богъ выростилъ рѣсицы, сквозь кои, какъ сквозь рѣшето, пробиваются глаза наши, а верхъ глазъ покрылъ бровями, какъ карнизомъ, чтобы могущій итти съ головы потъ не причинилъ вреда самымъ глазамъ; онъ сдѣлалъ, чтобы уши принимали всѣ звуки и сами никогда не наполнялись; передніе зубы далъ всѣмъ животнымъ, чтобы раздроблять пищу, а задніе для пережевыванія того, что примутъ отъ переднихъ; ротъ, которымъ животныя принимаютъ пищу и питье, помѣстилъ близь глазъ и нозд-

рей, а изходы неприятнаго для глазъ и для обонянiя удалилъ и помѣстилъ отъ этихъ чувствъ, какъ можно, дальше. Можешь ли сомнѣваться, что все это, такъ прозорливо сдѣланное, есть дѣло слѣпаго случая, а не ума? *Аристодимъ*: Никакъ; разсматривая это должнымъ образомъ, я совершенно убѣждаюсь въ томъ, что все это дѣло мудраго и животолюбиваго творца (*σοφῶς τῆος δημιουργοῦ καὶ φιλοζώου*). *Сократъ*: Человѣку врождено расположенiе къ дѣторожденiю, въ особенности матерямъ расположенность къ воспитанiю дѣтей, взрослымъ чрезвычайная любовь къ жизни и ужасное нехотѣнiе умирать. Откуда это? *Аристодимъ*: Конечно и все это произведено искусствомъ создавшаго всѣхъ животныхъ, по предварительному плану, какъ бы по предварительному совѣщанiю съ кѣмъ-то. *Сократъ*: Думаешь ли ты, что и въ тебѣ есть умъ? Спрашивай меня; я буду отвѣчать. А въ другихъ предметахъ развѣ нѣтъ нигдѣ слѣдовъ ума, особенно если обратить вниманiе на то, что отъ огромной массы земли и въ твоемъ тѣлѣ есть ея частичка и отъ обширныхъ водныхъ пространствъ въ твоемъ тѣлѣ есть часть влаги и отъ прочихъ великихъ стпхiй небольшая часть взята для составленiя твоего тѣла? А умъ, который нигдѣ не является въ видѣ недѣлимаго (*individuum*), какимъ образомъ удалось тебѣ какъ бы словить? Думаешь ли, что эти огромныя творенiя, отъ множества своего безпредѣльныя, какою нибудь личною глупостью такъ отлично сгармонированы? *Аристодимъ*: Да: потому, что не вижу творцевъ ихъ, какъ виновниковъ вещей изъ обыкновеннаго быта. *Сократъ*: Ты не видишь своей души, которая управляетъ твоимъ тѣломъ; поэтому можно сказать тебѣ, что ты дѣлаешь все по случаю, а не по предварительному разсужденiю ума. *Аристодимъ*: Почтенный Сократъ! И я не презираю боговъ, но, кажется, для нихъ очень низко нуждаться въ моемъ чествованiи. *Сократъ*: Чѣмъ большее имѣютъ боги попеченiе о тебѣ, тѣмъ большаго достойны чествованiя. *Аристодимъ*: Будь увѣренъ, что я, если боги въ самомъ дѣлѣ такъ заботятся о людяхъ, никогда не забуду чествовать ихъ. *Сократъ*: Развѣ ты думаешь, что они не имѣютъ попеченiя о человѣкѣ, когда они изъ всѣхъ животныхъ одного человѣка сотворили въ прямомъ положенiи, которое положенiе даетъ памъ

способность и дальше видѣть, и лучше разсматривать высокіе предметы и избѣгать многихъ злоключеній (когда снабдили голову глазами, ушами и ртомъ); когда прочимъ животнымъ, какъ бы уже пресмыкающимся, дали только ноги, чтобъ могли ходить на нихъ, а человѣка одарили и руками, конми люди дѣлаютъ весьма многое, чѣмъ человѣкъ такъ же счастливѣе ихъ; когда человѣку дали и языкъ съ лучшими свойствами, чѣмъ прочимъ животнымъ; языкъ нашъ, имѣя способность поворачиваться во рту такъ или иначе и прикасаться рта въ томъ или другомъ мѣстѣ, произноситъ членораздѣльные звуки, которыми мы сообщаемъ другъ другу то, что мыслимъ и чего хотимъ? Не долженъ ли ты считать особеннымъ Божиимъ промысломъ и того, что боги обнаруженіе склонности къ дѣторожденію у прочихъ животныхъ ограничили извѣстнымъ временемъ года, т. е. весною, а человѣку предоставили это на всякое время до самой старости? Богу недостаточнымъ показалось позаботиться объ одномъ нашемъ тѣлѣ, но (что важнѣе всего) онъ одарилъ человѣка и могучею душою. Ибо какого другаго животного душа больше всего сознаетъ бытіе боговъ, сотворившихъ столь великіе и прекрасные предметы? Какое другое племя чувствуетъ боговъ такъ, какъ человѣкъ? Чья душа способнѣе человѣческой предотвращать или голодъ, или жажду, или холодъ, или зной, или помогать больнымъ, или учить упражнять тѣлесныя силы, или пріобрѣтать и обрабатывать что нибудь при указаніи науки и сохранять въ памяти то, что слышимъ, или видимъ, или изучаемъ? Не видишь ли ты, что люди между прочими животными живутъ какъ боги, по природѣ своей превосходя ихъ и тѣломъ и душою? Ибо имѣющій тѣло воловьё, а душу человѣческую, не можетъ сдѣлать того, что захотѣлъ бы: такъ и животныя, и имѣя руки, но не имѣя человѣческой души, не могли бы пріобрѣтать ничего другаго, кромѣ приличнаго своей природѣ. А ты, получивъ душу и тѣло несравненно высшаго достоинства, развѣ не сознаешь, что боги промышляютъ и о тебѣ? Или нужно, чтобы они сотворили для тебя еще что нибудь другое, чтобы увѣрять тебя, что они заботятся и о тебѣ? ¹⁾ Подоб-

¹⁾ *Ксеноф.* Воспом. о Сокр. I, 4 перев. *Стайскаго*, стр. 59—68 указ. изд.

нымъ же образомъ въ другое время, по сообщенію того же Ксенофонта, слышавшаго самую бесѣду Сократа, послѣдній разсуждалъ и съ Евондимомъ о томъ, «какъ боги попечительно устроили все, что нужно для человѣка» ¹⁾. Какъ изъ приведенной бесѣды съ Аристодимомъ, такъ и изъ этой бесѣды съ Евондимомъ ясно, что Сократъ полагалъ прочныя основанія для нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, доказательствъ бытія Божія, и именно, во-первыхъ, *космологическаго*, во-вторыхъ,—и болѣе всего, *телеологическаго* и наконецъ, отчасти также *психологическаго*. Ибо утверждая, что люди, животныя и весь міръ, премудро сотворенныя, необходимо предполагаютъ для себя премудраго Творца, какъ своего первовиновника, Сократъ тѣмъ самымъ доказываетъ бытіе Его; а такъ какъ здѣсь же этотъ Творецъ называется и Богомъ, то доказательство это пріобрѣтаетъ значеніе именно космологическаго доказательства бытія Божія. Но еще яснѣе въ этомъ же отрывкѣ видны слѣды телеологическаго доказательства бытія Божія, исходящаго, какъ извѣстно, отъ мысли о цѣлесообразности міроустройства, а особенно жизни органической. Первые слѣды этого доказательства мы видѣли уже у Анаксагора; у Сократа же оно раскрывается еще обстоятельнѣе, какъ можно было видѣть изъ вышеприведеннаго отрывка. Поэтому уже древніе обращали вниманіе на это, какъ и на первое, доказательство, именно какъ на доказательство въ пользу истины бытія Божія. Такъ напр. *Секстъ Эмпирикъ* въ своемъ сочиненіи «Противъ физиковъ», приведши то и другое доказательства Сократа по Ксенофонту, каковыя доказательства прямо и называетъ при этомъ λόγον εἰς τὸ εἶναι θεός, въ концѣ концовъ дѣлаетъ такое заключеніе на основаніи этихъ доказательствъ: οὗτος δὲ ἐστὶ θεός· εἰσὶν ἄρα θεοί ²⁾. Но кромѣ космологическаго и телеологическаго или физико-теологическаго, у Сократа видны слѣды и психологическаго доказательства бытія Божія. Иначе и быть не могло. Философъ, первымъ и ближайшимъ

¹⁾ Тамъ же IV, 3, стр. 344 и дал. того же изд.

²⁾ Adv. physicos, IX, 92 sqq. pagg. 577—580. T. II. Lipsiae, 1841.

предметомъ своихъ изслѣдованій поставившій человѣка и его познавательную способность, по преимуществу долженъ былъ остановиться на этомъ доказательствѣ. Оно является у него въ двухъ видахъ: какъ психологическое собственно или *пневматологическое* и какъ *этико-теологическое* или *нравственное*¹⁾. Первое отъ понятія ума человѣческаго восходитъ къ понятію ума высочайшаго. какъ бы нѣкоторою частію коего является умъ человѣческій, имѣющій поэтому и самую идею Божества. Такое доказательство можно находить въ томъ же вышеприведенномъ отрывкѣ изъ Воспоминаній Ксенофонта о Сократѣ. Что же касается до этико-теологическаго доказательства, то оно основывается на Сократовомъ понятіи о тождествѣ знанія и добродѣтели, уже извѣстномъ намъ изъ предшествующаго. Сущность этого доказательства состоитъ въ умозаключеніи отъ факта добродѣтели и знанія (въ видѣ ли стремленія къ той и другому или въ видѣ обладанія тою и другимъ въ извѣстной мѣрѣ) въ человѣкѣ къ абсолютному Виновнику и Обладателю блага и знанія — Богу. Нѣкоторыя черты этого доказательства можно также находить въ приведенномъ отрывкѣ изъ I книги Воспоминаній Ксенофонта о Сократѣ, особенно же въ концѣ этого отрывка. Кроме того тоже доказательство проводится въ указанномъ тогда же мѣстѣ изъ IV книги того же сочиненія Ксенофонта, а равно и изъ VII, 22—32 гл. сочиненія его же подъ заглавіемъ: *Oikonomikos logos*. Съ нѣкоторыми подробностями этого доказательства мы еще встрѣтимся впоследствии. Нѣтъ сомнѣнія, что для полной, научной постановки доказательствъ бытія Божія у Сократа, какъ передаетъ его ученіе Ксенофонтъ, еще много недостаетъ; эти доказательства не настолько крѣпки, чтобы не допускали возраженій: однако насколько несомнѣнно то, что Сократъ самъ старался выставить ихъ въ противѣсъ софистическому отрицанію бытія Божія, настолько же безспорно и то, что какъ первый дѣйствительный опытъ въ этомъ родѣ, приводившій, какъ мы могли видѣть уже и изъ

1) Срав. *Hoffmann cit. W. S. 17. Cont. Hummel, p. 6—7.*

приведеннаго отрывка, слушателей бесѣдъ Сократовыхъ и къ убѣжденію въ бытіи Божіемъ, эти доказательства заслуживаютъ полнаго вниманія и уваженія, а самъ философъ—справедливаго удивленія.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Января № 1. 1889 года.

Содержаніе. Царскій Колоколъ.—Постановленія съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго жескаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887/88 учебный годъ (продолженіе).—Списокъ лицъ свѣтскаго званія Харьковской епархіи, награжденных за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству благословеніемъ Св. Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ЦАРСКІЙ КОЛОКОЛЬ.

Въ началѣ декабря прошедшаго года Преосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, представлено было Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, — съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія, — предположеніе духовенства Харьковской епархіи по поводу событія 17-го октября прошедшаго года слѣдующаго содержанія:

«Въ настоящее время всѣхъ русскихъ людей занимаетъ мысль о томъ, какъ бы по возможности наилучшимъ образомъ почтить и увѣковѣчить память о чудесномъ спасеніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Его Августѣйшаго Семейства отъ смертной опасности при крушеніи желѣзно-дорожнаго поѣзда 17 октября сего года. Въ этой заботѣ духовенство Харьковской епархіи, въ которой совершилось это чудное событіе, пришло къ слѣдующей мысли.

«Отлить изъ чистаго серебра колоколъ не менѣе десяти пудовъ вѣсомъ съ названіемъ его «Царскимъ Колоколомъ» и съ изображеніемъ на немъ портретовъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и всѣхъ Членовъ Августѣйшаго Семейства. На колоколѣ сдѣлать надпись: «Сей серебрянный колоколъ сооруженъ въ 1889 году усердіемъ духовенства Харьковской епархіи въ память чудес-

наго спасенія 17 октября 1888 года отъ смертной опасности, при крушеніи близъ города Харькова желѣзно-дорожнаго поѣзда, — ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Великихъ Князей Георгія и Михаила Александровичей и Великихъ Княженъ Ксении и Ольги Александровнъ.

«Повѣсить этотъ колоколъ на особомъ крошштейнѣ на достаточной высотѣ подъ навѣсомъ на наружной стѣнѣ колокольни Харьковскаго Каѳедральнаго собора, обращенной на западъ къ линіи Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги.

«Ежедневно въ первомъ часу пополудни, т. е. въ самое время совершенія чуда спасенія Русскаго Царя со всѣмъ Его Семействомъ производить мѣрный звонъ въ этотъ колоколъ въ продолженіи пяти минутъ, (не производя въ него звона ни въ какое другое время) въ напомниманіе народу о явленной ему милости Божіей, съ тѣмъ, чтобы каждый русскій человѣкъ, слышавшій этотъ звонъ, перекрестился въ чувствѣ благодарности къ Богу, съ молитвою о Божіемъ покровительствѣ Царствующему Дому.

«А чтобы этотъ звонъ, долженствующій напоминать грядущимъ поколѣніямъ о милости Божіей, явленной Россіи въ наше время, не прекращался и не былъ оставляемъ ни на одинъ день, составить капиталъ въ 2 т. рублей, хранить его при Каѳедральномъ соборѣ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ него выдаваемы были въ вознагражденіе за трудъ псаломнику, сторожу, или другому благонадежному лицу, на которое возложена будетъ обязанность производить означенный звонъ.

«Церковный колоколъ для русскаго народа имѣеть великое значеніе: онъ *благовѣстникъ*, возвѣщающій часы молитвы и богослуженія. Пусть же этотъ, нарочито устроенный изъ благороднаго металла, колоколъ въ урочный часъ изо дня въ день и изъ года въ годъ призываетъ народъ вознести благодарную мысль къ Богу, благодарящему Царямъ нашимъ и Отечеству нашему. И дѣти, спрашивая, что это за необычный звонъ, будутъ знать его причину и значеніе и въ свое время передадутъ повѣсть о чудномъ событіи, о которомъ онъ напоминаетъ, послѣдующимъ родамъ.

«Безъ сомнѣнія, и всѣмъ лицамъ другихъ сословій, которыя пожелаютъ принять участіе въ этомъ предпріятіи духовенства, не можетъ быть отказываемо въ принятіи приношеній. Въ случаѣ значительности этихъ приношеній, въ надписи на колоколѣ будетъ

сдѣлано добавленіе послѣ словъ «усердіемъ духовенства»: *и другихъ сословіи Харьковской губерніи*.

Въ отвѣтъ на это представленіе Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго, Синода К. П. Побѣдоносцевъ, въ отношеніи отъ 5-го января сего года за № 90 сообщилъ Преосвященному Амвросію, что «о предположеніи духовенства Харьковской епархіи отлить изъ чистаго серебра и повѣсить на наружной стѣнѣ колокольни Харьковскаго Каѳедральнаго собора колоколь, въ память событія 17-го октября, а равно и о сообщенныхъ Преосвященнымъ дополнительныхъ по сему предмету свѣдѣніяхъ было имъ, Г. Оберъ-Прокуроромъ, всеноданнѣйше доложено ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивѣйше одобрявъ такую мысль Харьковскаго духовенства, изволилъ выразить сердечную благодарность за оную. При семъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было замѣтить, что на предположенномъ къ сооруженію колоколѣ, вмѣсто портретовъ Особъ Августѣйшей Семьи, лучше было бы сдѣлать шифры ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ».

Сообщая о семъ Всемилостивѣйшемъ соизволеніи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА во всеобщее свѣдѣніе, Комитетъ, учрежденный для исполненія означеннаго предположенія, честь имѣетъ сообщить, что приношенія на сооруженіе «Царскаго Колокола» принимаются въ Комитетѣ при домѣ Харьковскаго Архіепископа и у всѣхъ приходскихъ священниковъ. При семъ Комитетъ находитъ не лишнимъ присовокупить, что въ числѣ приношеній могутъ быть доставляемы и вещи изъ чистаго серебра, вышедшія изъ употребленія.

Постановленія съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа.

Уполномоченные Харьковскаго училищнаго съѣзда, собравшись 14 октября сего 1888 г., въ числѣ 13, въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ и, по молитвѣ, избравъ посредствомъ закрытой боллотировки, предсѣдателемъ съѣзда священника Михаила Михайловскаго и дѣлопроизводителемъ священника Василія Степурскаго,

1. Разсматривали смѣту прихода и расхода, составленную училищнымъ Правленіемъ по содержанію училища въ 1889 году, при чемъ оказалось, что на приходъ должно поступить 20049 руб. 5 к., а расходъ исчисленъ въ 22883 р. 45 к., такъ что расходъ превышаетъ приходъ на 2834 р. 40 к. Съѣздъ нашелъ возможнымъ со-

кратить смѣту расхода по нѣкоторымъ статьямъ на 2834 р. 40 к., а именно: въ ст. III на содержаніе канцеляріи училищнаго Правленія—оставить ту же самую сумму, которая расходуется и въ текущемъ году—455 р. (вмѣсто проектируемой—480 р.); по ст. VII—вмѣсто проектируемыхъ 6750 р. израсходованную въ прошломъ году сумму—5604 руб.; по ст. VIII—на отопленіе не 3417 руб., а 3000 р. (на текущій годъ было опредѣлено только 2533 р.); городскіе налоги и государственные сборы съ помѣщенія, занимаемаго свѣчною лавкою, въ количествѣ 62 р. 94 к. отнести на средства свѣчнаго завода; на побѣлку (вмѣсто покраски) главнаго училищнаго зданія снаружи ассигновать вмѣсто 200 р., какъ значится въ смѣтѣ, 100 р.; 1000 р. покрыть изъ взноса на пищу своекоштными воспитанниками по 10 р. отъ cadaго; 83 р. 46 к. покрыть процентами съ капитала, составляемаго на 40-ю бесплатную стипендію имени Преосвященныхъ Аполлоса и Павла. Что же касается расхода—162 р. 22 к. по уплатѣ % на капиталъ Преосвященныхъ Аполлоса и Павла, въ количествѣ 2584 р. 49 к. и 2703 р. 78 к., находящійся въ строительныхъ суммахъ, то назначеніе ихъ найдено возможнымъ измѣнить такимъ образомъ: 2540 р. 62 к., имѣющіеся нынѣ въ наличности на уплату долговъ, употребить на погашеніе взятаго въ заемъ капитала Преосвященныхъ Аполлоса и Павла въ количествѣ 2584 р. 49 к. и 2703 р. 78 к., къ которому прибавить и начисленные по смѣтѣ проценты на него, въ количествѣ 162 р. 22 к., съ тѣмъ 1) чтобы по утвержденіи сего журнала Правленіе училища на 2000 р. купило соответствующее количество облигацій 1-го восточнаго займа, а на остальную 1000 р. таковыя же облигація были куплены не позже января 1889 года; 2) чтобы съ будущаго учебнаго года уже была открыта стипендія Преосвященныхъ Аполлоса и Павла и 3) чтобы въ будущую смѣту проценты отъ прибрѣтенныхъ облигацій были вносимы на приходъ по содержанію стипендіата. Принимая въ соображеніе все вышензложенное, постановили: смѣту прихода и расхода, составленную Правленіемъ училища на содержаніе училища въ 1889 году принять, а Правленію училища руководствоваться оной согласно указаніямъ и поправкамъ, сдѣланнымъ съѣздомъ по вышеозначеннымъ статьямъ расхода. Резолюція Его Высокопреосвященства на журналѣ о семъ послѣдовала таковая: «ноября 1 утверждается».

2. Слушали журналъ временно ревизіоннаго комитета о провѣркѣ имъ отчета по приходу и расходу суммъ Харьковскаго духовнаго училища за 1887 годъ и объ освидѣтельствваніи имъ наличныхъ

училищныхъ суммъ; постановили: отчетъ Харьковскаго духовнаго училища по содержанію училища въ 1887 г. признать правильнымъ и передать оный въ Правленіе Харьковскаго духовнаго училища для храненія. За симъ уполномоченными съѣзда избрапы были посредствомъ закрытой боллогировки члены временно-ревизіоннаго комитета для документальной повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1888 г. и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1889 году. На журналѣ съѣзда по этимъ двумъ предметамъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: «ноября 1, утверждается». Въ ревизіонную комиссію назначаются священники Рудинскій, Лихницкій и Балановскій».

3. Разсматривали отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по постройкѣ училищной церкви Харьковскаго духовнаго училища, изъ котораго видно, что израсходовано на означенную работу 9632 р. 9 к.; по разсмотрѣніи отчета уполномоченные съѣзда въ полномъ составѣ осматривали училищную церковь и нашли въ ней всѣ произведенныя работы въ великолѣпномъ видѣ, а потому постановили: отчетъ по постройкѣ училищной церкви признать правильнымъ, а Правленію училища выразить искреннюю благодарность. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: «ноября 1 утверждается».

4. Уполномоченные съѣзда, выслушавъ заявленіе члена Правленія отъ духовенства, священника Филиппа Соболева, о полезной и усердной службѣ эконома училища, діакона Афанасія Толмачева, постановили: эконому училища, діакону Афанасію Толмачеву, объявить благодарность за полезную и усердную службу по экономіи училища, въ лицѣ съѣзда отъ всего духовенства училищнаго округа, и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о внесеніи оной благодарности въ его послужной списокъ. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: «ноября 1 утверждается».

5. Слушали докладъ ревизіонной комиссіи по повѣркѣ вѣнчиковыхъ вѣдомостей Харьковскаго училищнаго округа, изъ котораго видно, что вѣнчиковая операція по церквамъ округа велась вездѣ согласно постановленіямъ съѣзда. Недопомокъ никакихъ не оказалось; всей суммы отъ продажи вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы поступило 3595 р. 36 к., противъ числа умершихъ даже болѣе на 67 р. 55 к. Постановили: докладъ ревизіонной комиссіи принять къ свѣдѣнію. На семъ журналѣ резолюція Его

Высокопреосвященства послѣдовала такая: «ноября 1 утверждается».

6. За окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда, постановили: засѣданія съѣзда закрыть; временемъ же для будущаго съѣзда въ 1889 году назначить 19 сентября.—На семь журналь послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: «ноября 1 утверждается».

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ.

(Продолженіе *).

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Въ отчетномъ году ученіе послѣ лѣтнихъ каникулъ началось 17 августа и окончилось 16 апрѣля. Всѣхъ учебныхъ дней въ году, если исключить Рождественскіе праздники, масляницу, двукратное говѣніе воспитанницъ (съ 18 по 21 ноября и съ 7 по 13 марта), а также всѣ воскресные и праздничные дни,—было 162.

По случаю распространенной между воспитанницами въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ кори, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, по докладу начальницы училища, разрѣшено было произвести годичныя испытанія воспитанницамъ приготовительнаго класса до страстной седмицы, чтобы возможно было имъ уже не возвращаться въ училище послѣ Пасхи. Вслѣдствіе этого ученіе въ приготовительномъ классѣ закончилось 2 апрѣля, а письменный и устные экзамены произведены съ 4 по 16 апрѣля. Въ остальныхъ классахъ письменныя испытанія произведены 11 апрѣля; устные-же экзамены начались 4 мая и производились посредствомъ комиссій, изъ которыхъ каждую составляли: предсѣдатель—одинъ изъ членовъ Совѣта, преподаватель даннаго предмета и ассистентъ—преподаватель того-же предмета или сроднаго. Окончились устные экзамены 6 іюня, а 9 происходилъ торжественный актъ.

Дополнительные экзамены и переэкзаменовки произведены 9, 10 и 11 августа.

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебнаго года состояло воспитанницъ: въ приготовительномъ классѣ 50, въ I классѣ 51, во II классѣ 44, въ III классѣ

*) См. ж. «ВѢРА И РАЗУМЪ» 1888 г. № 24.

51, въ IV классѣ 56, въ V классѣ 47, въ VI классѣ 25; итого 324 воспитанницы.

Среди учебнаго года вышло изъ приготовительнаго класса 2, изъ II класса 2, изъ III класса 1, изъ IV класса 6; итого 11 воспитанницъ.

Среди учебнаго года поступили вновь 3 воспитанницы въ приготовительный классъ и 2 воспитанницы во II классъ; итого 5 воспитанницъ.

Оставалось по спискамъ во времени экзаменовъ: въ приготовительномъ классѣ 51 воспитанница, въ I—51, во II—44, въ III—50, въ IV—50, въ V—47, въ VI—25; итого 318 воспитанницъ.

Держали годовой экзаменъ: въ приготовительномъ классѣ 51 воспитанница, въ I—51, во II—42, въ III—49, въ IV—48, въ V—45 и въ VI—24; итого 310 воспитанницъ.

Не держали экзамена: во II классѣ 2 воспитанницы, въ III—1, въ IV—2, V—2 и въ VI—1 воспитанница; итого 8 воспитанницъ. Всѣ восемь по болѣзни.

Переведены въ слѣдующіе классы: изъ приготовительнаго въ I классъ 47 воспитанницъ; изъ I во II классъ 45, изъ II въ III классъ 38, изъ III въ IV классъ 46, изъ IV въ V классъ 47, изъ V въ VI классъ 37 воспитанницъ; итого 260 воспитанницъ. Въ томъ числѣ 4 воспитанницы (двѣ II класса, одна III и одна IV переведены безъ экзамена, по резолюціи Его Высокопреосвященства).

Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ: въ приготовительномъ классѣ 4 воспитанницы, въ I—6, во II—5, въ III—3, въ IV—3, въ V—8; итого 29 воспитанницъ. Изъ нихъ 26 оставлены по малоуспѣшности, 2 по просьбамъ родителей и 1 какъ не явившаяся къ экзамену.

Окончило курсъ съ аттестатами 24 воспитанницы. Кромѣ того, одной воспитанницѣ VI класса, не державшей экзамена по болѣзни, предоставлено, экзаменоваться послѣ каникулъ.

Уволены изъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ: изъ II класса 1 воспитанница, по просьбѣ родителей, изъ III—1 по малоуспѣшности, какъ пробывшая уже два года въ этомъ классѣ, изъ V—2 воспитанницы—тоже по малоуспѣшности; итого 4 воспитанницы.

Такимъ образомъ къ началу 1888—89 учебнаго года въ училищѣ числилось 289 воспитанницъ. Въ августѣ 1888 года принято вновь 48 дѣвицъ,—46 въ приготовительный классъ и 2 въ III. Вслѣдствіе этого 1888—89 учебный годъ начался при 337 воспитанницахъ, изъ коихъ въ приготовительномъ классѣ было 50 воспитанницъ, въ I—53, во II—50, въ III—43, въ IV—49, въ V—55 и въ VI—37.

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

1) Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей: а) число и про-

центное отношеніе воспитанницъ каждаго класса получившихъ баллы 5, 4, 3 и 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ и б) средній баллъ каждаго класса по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ. Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя держали экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Приготовительный классъ (51 воспитанница).

Баллъ 5	получили	17	воспитанницъ,	или	$33^{17}/51^0/0$
« 4	«	16	«	«	$31^{19}/51^0/0$
« 3	«	17	«	«	$33^{17}/51^0/0$
« 2	«	1	«	«	$1^{49}/51^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	3,96

I классъ (51 воспитанница).

Баллъ 5	получили	13	воспитанницъ,	или	$25^{25}/51^0/0$
« 4	«	18	«	«	$35^{15}/51^0/0$
« 3	«	20	«	«	$39^{11}/51^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	3,86

II классъ (42 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	15	воспитанницъ,	или	$35^{30}/42^0/0$
« 4	«	16	«	«	$38^4/42^0/0$
« 3	«	11	«	«	$26^8/42^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	4,09

III классъ (49 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	14	воспитанницъ,	или	$28^{28}/49^0/0$
« 4	«	32	«	«	$65^{15}/49^0/0$
« 3	«	3	«	«	$6^6/49^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	4,22

IV класса (48 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	13	воспитанницъ,	или	$27^4/48^0/0$
« 4	«	26	«	«	$54^8/48^0/0$
« 3	«	9	«	«	$18^{36}/48^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	4,08

V классъ (45 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	6	воспитанницъ,	или	$13^{15}/45^0/0$
« 4	«	19	«	«	$42^{10}/45^0/0$
« 3	«	20	«	«	$44^{20}/45^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	3,68

VI классъ (24 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	14	воспитанницъ,	или	$58^8/24^0/0$
« 4	«	10	«	«	$41^{16}/24^0/0$
Средній баллъ	всего класса	«	«	«	4,58.

2) *Въ поведеніи воспитанницъ* въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ, сколько нибудь выдающихся, проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніяхъ; поэтому всѣ воспитанницы, за исключеніемъ одной, получившей по поведенію баллъ 4 (очень хорошо), отмѣчены балломъ 5 (отлично).

3) *Состояніе здоровья воспитанницъ*, сравнительно съ прошлымъ годомъ, въ отчетномъ году было менѣе удовлетворительно. Случаевъ заболѣванія было 236, что, при 324 воспитанницахъ, состоявшихъ въ училищѣ въ началѣ года, составляетъ около 73⁰/₀ (въ 18⁸⁶/₈₇ году было 152 случая заболѣванія, или немного болѣе 46⁰/₀). Большая часть больныхъ страдала легкими формами болѣзней, именно: заушницей (50 случаевъ), лихорадкою (42 случая), жабой (37 случаевъ). Случаевъ заболѣванія тяжелыми формами болѣзней было 7, именно: 3 случая воспаленія подреберной плевы, 2 случая воспаленія легкихъ, 1 случай воспаленія колѣннаго сустава и 1 случай кровохарканія. Страдавшихъ заразными болѣзнями было 43, именно: 34 корью, 6 скарлатиною, 2 тифомъ и 1 дифтеритомъ. Умерло въ теченіе года 2 воспитанницы, — 1 отъ дифтерита и 1 отъ злокачественнаго воспаленія колѣннаго сустава.

3) *Число уроковъ пропущенныхъ* въ отчетномъ году преподавателями училища, было слѣдующее:

Законоучителемъ въ IV, V и VI классахъ, священникомъ *Н. Онিকেвичемъ* (10 въ недѣлю уроковъ) не пропущено ни одного урока. Помощникомъ законоучителя въ приготовительномъ, I, II и III классахъ, священникомъ *Г. Волобуевымъ* (15 въ недѣлю уроковъ) пропущено 6 уроковъ, по обязанностямъ священника. Преподавателемъ русскаго языка въ I классѣ, *С. В. Булаковымъ* (4 въ недѣлю урока) пропущено 17 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка во II, III и VI классахъ, *М. В. Добронравовымъ*, (12 въ недѣлю уроковъ) пропущено 8 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка въ IV и V классахъ, *Н. В. Гогинымъ* (6 въ недѣлю уроковъ) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ ариѳметики, геометріи, физики и космографіи въ IV, V и VI классахъ, *Я. М. Колосовскимъ* (14 въ недѣлю уроковъ) пропущено 3 урока по болѣзни. Учительницею ариѳметики въ I, II и III классахъ, *О. К. Рудинскою* (12 въ недѣлю уроковъ) пропущено 8 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ, *А. Ѳ. Вертеловскимъ* (9 въ недѣлю уроковъ) пропущено 4 урока, по болѣзни. Преподавателемъ географіи въ IV, V и VI классахъ, священникомъ *А. Балаповскимъ* (8 въ недѣлю уроковъ) пропущено 9 уроковъ, по обязанностямъ священника. Учительницею географіи во II и III классахъ, *Л. Е. Дьяковою* (4 въ недѣлю урока) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ дидактики въ V и VI классахъ, *Н. Н. Стреховымъ* (3 въ недѣлю урока) пропущено 15 уроковъ, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія въ I, II, III, IV, V и VI классахъ, священникомъ *С. Петровскимъ* (12 въ недѣлю уроковъ) пропущено 19

уроковъ, по обязанностямъ священника. Учителемъ чистописанія, въ I, II, III и IV классахъ и рисованія во всѣхъ классахъ. *Д. О. Ланевскимъ* (12 въ недѣлю уроковъ) пропущено 5 уроковъ, по причинѣ назначенія въ окружной судъ экспертомъ. Учительницею русскаго языка, арифметики, церковнаго пѣнія и чистописанія въ приготовительномъ классѣ, *М. Д. Покидайловою* (15 въ недѣлю уроковъ) пропущенъ 1 урокъ, по болѣзни. Учительницею французскаго языка въ I, II, III, IV, V и VI классахъ, *Е. Н. Гейнцъ* (12 въ недѣлю уроковъ) пропущено 2 урока, по обязанностямъ начальницы училища.

и) Мѣры, принятыя и проэктированныя, къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

Въ отчетномъ году приняты вновь и проэктированы слѣдующія мѣры къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

1) 10-го мая 1888 года заслушанъ, переданный Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ Совѣтъ училища для надлежащаго исполненія, указъ Св. Синода отъ 1 апрѣля того-же года за № 4-мъ, въ коемъ дается знать о Высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, чтобы въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства введено было обученіе воспитанницъ шитью и починкѣ церковныхъ облаченій. Во исполненіе Высочайшей воли Ея Императорскаго Величества, Совѣтъ училища, доложивъ Его Высокопреосвященству, что какъ устройство всѣхъ новыхъ, такъ и починка всѣхъ старыхъ церковныхъ облаченій и одеждъ для домовою церкви Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища (за исключеніемъ пожертвованныхъ готовыми) всегда производилась воспитанницами этого училища подъ непосредственнымъ руководствомъ начальницы училища и учительницъ рукодѣлія, постановилъ: съ начала 1888—89 учебнаго года обратить особенное вниманіе на пріученіе воспитанницъ къ шитью и починкѣ церковныхъ вещей, для чего назначить въ двухъ старшихъ классахъ, V и VI, по одному часу въ недѣлю, а въ случаѣ нужды, обращать на этотъ предметъ и другіе часы, опредѣленные на уроки рукодѣлія; за недостаткомъ-же работъ для своей церкви, принимать, по мѣрѣ возможности, работы и для другихъ церквей, безъ всякаго однако-же вознагражденія : а трудъ, дабы этотъ урокъ рукодѣлія, кромѣ пріученія воспитанницъ къ шитью и починкѣ церковныхъ облаченій, могъ имѣть для нихъ и воспитательное значеніе въ смыслѣ служенія православной Церкви отъ трудовъ своихъ.

2) До отчетнаго года церковно-славянскій языкъ преподавался въ IV и V классахъ законоучителемъ этихъ классовъ, для чего удѣлялись часы и даже минуты, когда это оказывалось возможнымъ, отъ положенныхъ уставомъ трехъ недѣльныхъ уроковъ Закона Божія въ каждомъ изъ этихъ классовъ и отмытки, полученные воспитанницами по славянскому языку, причислялись къ общему баллу по Закону Божію. Опытъ показалъ, что такая постанов-

ка дѣла очень неудобна во многихъ отношеніяхъ: она лишала занятія славянскимъ языкомъ надлежащей систематичности и настойчивости, дѣлая ихъ часто, по необходимости, случайными и отрывочными; отнимала много времени отъ занятій собственно Закономъ Божиимъ, причиняя довольно значительный ущербъ симъ послѣднимъ, въ особенности въ IV классѣ, гдѣ курсъ Закона Божія очень труденъ для дѣтей какъ самъ по себѣ (1-я часть катихизиса и объясненіе литургіи), такъ и потому, что, при изученіи его, воспитанницамъ этого класса въ первый разъ приходилось пріучаться къ строгому логическому мышленію и къ точному богословскому языку; наконецъ, при различіи способностей, требующихся для усвоенія катихизиса и объясненія богослуженія съ одной стороны, и славянской грамматики съ другой, часто липала воспитанницѣмъ бодрости и увѣренности въ занятіяхъ, такъ какъ слабые отвѣты по славянской грамматикѣ вели къ уменьшенію общаго балла по Закону Божию вообще. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, Совѣтъ училища журнальнымъ постановленіемъ своимъ отъ 30 августа 1887 года, по докладу инспектора классовъ, опредѣлилъ отдѣлнить преподаваніе славянскаго языка отъ преподаванія Закона Божія, назначивъ для него по одному часовому уроку въ недѣлю, съ отдѣльнымъ выставленіемъ балловъ какъ частныхъ, такъ и двухмѣсячныхъ, годовыхъ, экзаменскихъ и общихъ выводовъ. Въ V классѣ, въ виду сравнительной легкости курса Закона Божія, Совѣтъ рѣшилъ отдѣлнить для славянскаго языка одинъ изъ трехъ недѣльныхъ уроковъ Закона Божія, а въ IV классѣ, по причинѣ трудности курса Закона Божія въ этомъ классѣ, для славянскаго языка назначилъ новый урокъ, сверхъ трехъ уроковъ Закона Божія. Постановленіе это 3 сентября того же года утверждено Его Высокопреосвященствомъ и затѣмъ приведено въ исполненіе. Произведенные предъ каникулами годовые экзамены вполне оправдали цѣлесообразность новой постановки преподаванія церковно-славянскаго языка: воспитанницы IV класса, начавши дѣло по новому, оказались усвоившими курсъ Закона Божія и славянскаго языка очень хорошо и почти всѣ давали по обоимъ предметамъ очень удовлетворительные отвѣты.

3) Въмѣстѣ съ полнымъ преобразованіемъ состоявшей издавна при училищѣ педагогической школы въ одноклассную церковно-приходскую, произведена въ отчетномъ году и новая постановка практическихъ занятій воспитанницъ училища въ этой школѣ по элементарному преподаванію, согласно опубликованнымъ Св. Синодомъ въ разосланныхъ въ духовно-учебныя заведенія брошюрахъ руководственнымъ указаніямъ и опытамъ. Подробно эта новая постановка занятій воспитанницъ въ школѣ объяснена въ помѣщенномъ ниже отчетѣ объ училищной церковно-приходской школѣ.

4) 2 іюня 1888 года училищный врачъ М. М. Севастіановичъ заявилъ совѣту, что нѣкоторыя воспитанницы училища, (въ числѣ 8) одержимы золотухою въ значительной степени развитія и для поправленія своего здоровья крайне нуждаются въ леченіи Сла-

вянскими минеральными водами. Вслѣдствіе этого заявленія врача, Совѣтъ училища отиравилъ въ Славянскъ на всѣ каникулы 8 больныхъ золотухою воспитанницъ, подъ надзоромъ одной изъ учительницъ руководѣлія въ училищѣ, при чемъ епархіальныхъ пансіонерокъ опредѣлилъ содержать въ Славянскѣ на счетъ суммы, ассигнованной смѣтою на содержаніе училищной больницы и процентовъ съ особаго капитала въ 5,000 руб., завѣщаннаго однимъ изъ благотворителей на нужды училища и воспитанницъ, не предусмотрѣнныя смѣтою, а своекоштныхъ воспитанницъ — на средства родителей, съ согласія сихъ послѣднихъ. Благодаря вниманію и сочувствію къ училищу Его Превосходительства, Г. Начальника Харьковской губерніи А. И. Петрова, исходатайствовавшаго для командированныхъ больныхъ даровой проѣздъ по желѣзной дорогѣ до г. Славянска и обратно и сбавку половины платы за пользованіе ваннами, и любезности врача Славянскихъ минеральныхъ водъ, Г. Санжаревскаго, все лѣто бесплатно пользовавшаго ихъ, — израсходовано на каждую больную всего только около 33 руб., а между тѣмъ больныя отъ леченія водами получили весьма значительную пользу.

5) Въ отчетномъ году, наконецъ, положено начало важному для училища и епархіи дѣлу устройства въ училищѣ параллельныхъ классовъ: изысканы средства для постройки зданія этихъ классовъ, составлены планъ и смѣта. Если Св. Синоду угодно будетъ уважить ходатайство о дозволеніи устроить параллельныя отдѣленія во всѣхъ классахъ училища, посланное въ Св. Синодъ 20 сентября прошлаго 1888 года Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, то къ постройкѣ зданія будетъ приступлено весною 1889 года и не позже, какъ чрезъ три года, I параллельный классъ будетъ открытъ, а затѣмъ, ежегодно по одному, будутъ открыты и остальные.

(Продолженіе будетъ).

СПИСОКЪ

лицамъ свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 4—8-го ноября 1888 года за № 2432, прелодано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ.

Старостѣ Николаевской церкви города Купянска, мѣщанину Петру *Перфильеву*; графу Антонію *Апраксину* и графинѣ Маріи *Апраксиной*; крестьянцу Евграфу *Казбану*; вдовѣ Сумскаго купца Евдокіи *Богатыревой*; Харьковскимъ купцамъ: Алексѣю *Шапошикову* и Ивану *Куликову*; потомственному почетному гражданину Василю *Пашенку-Трянкину*; Елабужскимъ купеческимъ братьямъ *Стахьевымъ*; полковнику

Михаилу *Андрузскому*; Харьковскому купцу Ивану *Огареву* и вдовѣ Сумскаго купца Маріи *Чижиной*.

Безъ грамотъ: Дѣйствиельному статскому совѣтнику Андрею *Дмитріеву*; вдовѣ священника Татьянѣ *Мишулиной*; крестьянину Иларіону *Мартынову*; коллежскому ассесору Владиміру *Щелкову*; женѣ коллежскаго секретаря *Кривошеевой*; Харьковскому купцу Андрею *Жмудскому*; дворянкѣ Варварѣ *Рязановой*; Харьковскимъ купцамъ: Григорію *Боچارову*, Николаю *Михайлову*, Тимоѳею *Кульшиину*, Иларіону *Муравьеву*, Ивану *Шаховскому*, Василю *Птичкину*, Алексѣю *Мурзину* и Григорію *Боچارову*; мѣщанину Никифору *Иванову*; крестьянину Семену *Сърикову*; вдовѣ титулярнаго совѣтника Софіи *Малиновской*; Хорошевскаго жепскаго монастыря монахинѣ *Митрофаніи*.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Ахтырской Успенской церкви Кириллъ *Чебановъ* волею Божіею умеръ.

— На мѣсто умершаго священника *Чебанова* къ Ахтырской Успенской церкви перемѣщенъ священникъ Рождество-Богородичной церкви с. Пушкирнаго, Ахтырскаго уѣзда, Герасимъ *Новомірскій*, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ священникомъ окончившій курсъ Донской духовной семинаріи Ѳеодоръ *Приходьковъ*.

— Священнику Николаевской церкви города Купянска Михаилу *Сильванскому* разрѣшено носить черную скуфію при исправленіи требъ виѣ церкви.

— Священнику Радковскихъ-Песокъ, Купянскаго уѣзда, Іакову *Ковалеву* разрѣшено носить черную скуфію при исправленіи требъ виѣ церкви.

— Опредѣленъ священникомъ къ Константино-Еленовской церкви слоб. Малой-Даниловки, Харьковскаго уѣзда, діаконъ Аѳанасій *Толмачевъ*, рукоположенный во священника 25 декабря.

— Учитель сельскаго народнаго училища Венедиктъ *Чиртинъ* опредѣленъ діакономъ въ слоб. Кругляковку, Купянскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Арсеній *Червонецкій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Вознесенской церкви слоб. Большой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Николаевской церкви хут. Козачка, Харьковскаго уѣзда, Евфимій *Бородаевскій* утвержденъ въ должности псаломщика.

— Сынъ псаломщика Гавріилъ *Торанскій* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Константино-Еленовской церкви слоб. Малой-Даниловки, Харьковскаго уѣзда.

— Діаконскій сынъ Ѳеодоръ *Бацмановъ* опредѣленъ на праздное псаломщицкое мѣсто къ Покровской церкви села Глазуновки, Зміевского уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Харьковской Христорождественской церкви купецъ Леоптій Яковлевичъ *Поповъ*; къ Митрофаніевской церкви с. Волчьяго Яра, Зміевского уѣзда, купецъ Алексѣй *Оболенцовъ*; къ церкви села Бороваго, того-же уѣзда, крестьянинъ Косьма *Семеновъ*; къ Николаевской церкви с. Мѣловой, того-же уѣзда, крестьянинъ Тихонъ *Масаловъ*; къ Николаевской церкви слоб. Высокополя, Валковского уѣзда, отставной генераль-маіоръ Стефанъ Михайловичъ *Денъковский* и къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Ракитнаго, Валковского уѣзда, отставной фельдфебель Иванъ *Левченко*.

— Возстановленъ самостоятельный причтъ при Константино-Елсеновской церкви слоб. Малой-Даниловки, Харьковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Къ вопросу о церковно-приходскихъ попечительствахъ. — Историко-статистическій комитетъ въ Могилевѣ. — Епархіальная школа живописи. — Рѣшенія двухъ сѣздовъ духовенства. — Сооруженіе православныхъ храмовъ и часовни въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ нерусскимъ и неправославнымъ населеніемъ. — Статистическія свѣдѣнія по духовному вѣдомству. — Пожертвованіе въ Кіевскій церковно-археологическій музей. — Присоединеніе къ православной Церкви цѣлаго общества старообрядцевъ. — Отношеніе шутцистовъ къ св. Писанію. — Проектъ новаго положенія объ учительскихъ семинаріяхъ. — Къ вопросу о надѣленіи народныхъ школъ землею. — Новый способъ искорененія нищенства. — Картина Каразина. — Поучительный примѣръ трезвости. — Замѣчательная кончина крестьянина. — Плаваніе экземпляра Новаго завіта. — Медицинскіе совѣты. — Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа, произведенный 2 января 1889 года.

— За послѣднее время сильно выдвинулись у насъ вопросы церковно-просвѣтительной и благотворительной дѣятельности. Въмѣстѣ съ этимъ и жизнь, и печать настойчиво требуютъ, чтобы въ осуществленіи этихъ вопросовъ приняло ближайшее непосредственное и посредственное участіе и духовенство. При этомъ главнымъ образомъ указывается на то, что духовенство должно озаботиться обязательно повсемѣстнымъ устройствомъ приходскихъ попечительствъ, стать во главѣ ихъ и своею личною энергіею возбудить вниманіе и сочувствіе общества къ тѣмъ высокимъ задачамъ, которыя имѣютъ эти учрежденія. Недавно въ «Недѣлѣ» помѣщена была статья подъ заглавіемъ: «чѣмъ можетъ быть приходское попечительство», въ которой сообщалось, что открытое 16 лѣтъ тому назадъ церковно-приходское попечительство при фарфоровомъ заводѣ (около Петербурга) успѣло собрать за это время, благодаря энергіи нѣкоторыхъ лицъ, до 200 тысячъ рублей, изъ которыхъ большую часть израсходовано на разныя мѣстныя просвѣтительныя потребности. «Моск. Церк. Вѣд.» высказываютъ, что для привлеченія всеобщихъ симпатій къ этимъ учрежденіямъ необходимо ре-

организовать ихъ въ томъ смыслѣ, что если не сократить теперешнія многоразличныя задачи ихъ, то по крайней мѣрѣ перенести центръ тяжести исключительно на приходскую благотворительность. Приходскимъ попечительствамъ приходится, говоритъ московская газета, одновременно заботиться теперь о благосостояніи церкви и причта, развитіи просвѣщенія и удовлетвореніи крайнихъ нуждъ прихожанъ. Совмѣщеніе столь трудныхъ цѣлей въ учрежденіяхъ, не обеспеченныхъ никакими готовыми средствами, едва ли можетъ благопріятно отзываться на самомъ возникновеніи ихъ. Къ тому же, продолжаетъ газета, украшеніе храмовъ и устройство церковныхъ домовъ производятся спеціально изъ церковныхъ суммъ, да во многихъ мѣстахъ есть и благолѣпные храмы и церковные дома, но нѣтъ приходоу, въ которыхъ бы не было безпріютныхъ вдовъ, сиротъ, стариковъ и калѣкъ, неспособныхъ къ труду и едва поддерживающихъ свое существованіе частною милостынею. Если направить дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ на удовлетвореніе именно этихъ приходскихъ нуждъ, то несомнѣнно, что повсемѣстное учрежденіе попечительствъ вызоветъ къ себѣ болѣе теплое, чѣмъ теперь, сочувствіе всего общества и тогда не могли бы имѣть мѣста нерѣдко встрѣчающіеся въ современной практикѣ случаи разнаго рода нареканій и пререканій между священниками и попечителями. («Церк. Вѣстн.»).

— Преосвященный могилевскій епископъ Сергій донесъ св. Синоду объ открытіи имъ въ гор. Могилевѣ историко-статистическаго комитета для изученія старины и религіозно-нравственной жизни могилевскаго края по мѣстнымъ архивамъ и актамъ. Преосв. Сергій предполагаетъ разослать по епархіи особые листы съ вопросными пунктами о времени строенія церкви, составѣ прихожанъ, количествѣ деревень, съ объясненіемъ ихъ названій, особенностей и обычаевъ.

— Въ «Новостяхъ» пишутъ, что преосвященный вятскій и слободскій, епископъ Сергій, проектируетъ устройство въ Вяткѣ епархіальной школы церковной живописи, въ которую могли-бы поступать юноши, которые, не окончивъ по разнымъ причинамъ курса въ семинаріяхъ или духовныхъ училищахъ, остаются безъ всякаго дѣла. Въ этой же школѣ, по мысли преосвященнаго Сергія, могутъ изучать дѣло иконописанія и церковной живописи и сельскіе учителя, имѣющіе въ своемъ распоряженіи въ году до пяти свободныхъ мѣсяцевъ.

Институтъ епархіальныхъ миссіонероу больше и больше рас-

пространяется. Послѣдній съѣздъ полтавскаго епархіальнаго духовенства, согласно указу епархіальнаго епископа, разсуждалъ, между прочимъ, о необходимости имѣть на первый разъ хотя одного миссіонера противъ штунды, появляющейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и этой епархіи, и выразилъ желаніе имѣть такого миссіонера, при чемъ просилъ всѣхъ оо. сослужителей о содѣйствіи миссіонеру всѣми способами.

Ради также миссіонерскихъ интересовъ, послѣднему орловскому съѣзду духовенства епархіальнымъ епископомъ было предложено обратить вниманіе на состояніе прихода села Ломовца, кромскаго уѣзда, гдѣ находится гнѣздо раскола и гдѣ потребны хорошіе борцы противъ раскола. Принимая во вниманіе, что съ принятіемъ Св. Синодомъ содержанія двухъ параллельныхъ отдѣленій при III и IV классахъ орловской семинаріи на средства Св. Синода, епарх. духовенство освобождается отъ взносовъ болѣе чѣмъ въ 3,000 рублей, епископъ просилъ духовенство удѣлить изъ этихъ денегъ до 960 рублей ежегодно на дополнительное содержаніе причта ломовецкаго прихода съ тѣмъ, чтобы въ числѣ членовъ причта находился священникъ съ высшимъ образованіемъ и псаломщикъ съ среднимъ, назначивъ изъ этой суммы 720 руб. священнику и 240 рублей псаломщику, въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ, съ обязательствомъ священника законоучительствовать, а псаломщика учительствовать въ приходской школѣ. Съѣздъ постановилъ: для привлеченія и удержанія въ средѣ членовъ ломовецкаго прихода причта изъ лицъ способныхъ бороться съ зломъ старообрядческаго сектантства и въ ознаменованіе 900-лѣтняго юбилейнаго торжества крещенія Руси, принять сумму 960 руб. на содержаніе причта ломовецкаго прихода и вносить такую ежегодно, начиная съ 1889 г.

Съ глубокою радостью и благодарностью услышало прибалтійское православное общество вѣсть, что ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было пожертвовать изъ собственныхъ средствъ значительную сумму на сооруженіе православнаго храма въ Митавѣ, гдѣ до сихъ поръ была лишь единственная убогая православная церковь. Событіе это, по отзыву «Рижскаго Вѣстн.», имѣетъ важное значеніе не только для Митавы, но и для всего края, какъ новое свидѣтельство попеченій Царя объ укрѣпленіи православной Церкви на этой окраинѣ.

Въ Ревелѣ 14 ноября происходило торжество освященія православной часовни. Какъ видно изъ «Рижск. Епарх. Вѣд.», православная ревельская община, съ каждымъ годомъ возрастающая въ

своемъ числѣ, давно была озабочена выборомъ мѣста въ городѣ для совершенія торжественнаго обряда водоосвященія въ положенные для того Церковію дни, и этой нуждѣ теперь удовлетворено. Часовня построена усердіемъ христіолюбивыхъ дателей, по ичину начальника губерніи; стоимость ея восходитъ до 11 тыс. рублей. Торжество ея освященія также признается знаменательнымъ событіемъ въ жизни прибалтійской окраины.

Недавно также совершено освященіе церквей въ плоцкой гимназіи, на Новой землѣ и въ меннонитскомъ селеніи Гальбштадтѣ, бердянскаго уѣзда. Послѣдняя церковь, по телеграммѣ изъ Токмака, построена для православныхъ русскихъ рабочихъ. При церкви построена школа и причтовый домъ. Купецъ П. П. Рыжовъ, пожертвовавшій на это до 30 тыс. руб., снабдилъ церковь утварью. («Церк. Вѣстн.»).

— Въ «Правит. Вѣстн.» началось печатаніе извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора св. Синода за 1886 г., изъ котораго видно, что въ концѣ 1886 года въ предѣлахъ имперіи состояло 62 епархіи, которыми управляли: 3 митрополита, 16 архіепископовъ и 43 епископа. Викаріевъ при епархіальныхъ пресвященныхъ было 33. Сверхъ указаннаго числа особъ архіерейскаго сана, состояли на покоѣ 1 архіепископъ и 8 епископовъ. Духовныхъ консисторій было 56; епархіальныхъ канцелярій въ грузинскомъ экзархатѣ 5; духовныхъ правленій 4: финляндское въ гор. Выборгѣ, холмское, въ гор. Холмѣ, Люблинской губерніи, читинское въ гор. Читѣ, Забайкальской области, мѣстопробыванія перваго викарія пркутской епархіи, епископа селенгинскаго, и аляскинское, завѣдующее дѣлами алеутской епархіи, въ гор. Санъ-Франциско.

— Въ церковно-археологическій музей при кievской духовной академіи Е. П. Демидовою княгинею Санъ-Донато, по сообщенію «Кiev. С.», передана коллекція деревянныхъ иконъ и крестовъ, металлическихъ складней, образковъ, крестиковъ и медальоновъ, всего свыше 200 номеровъ. Между ними древнѣйшіе складные мѣдные крестики могутъ быть отнесены къ XII вѣку. Между крестами находится тотъ крестъ, которымъ преп. Сергій Радонежскій благословилъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго на войну съ Мамаемъ, приведшую переломъ въ русской исторіи.

— Въ «Правит. Вѣстникѣ» сообщены свѣдѣнія о весьма замѣчательномъ присоединеніи нынѣшнимъ лѣтомъ цѣлаго общества старообрядцевъ — безпоповцевъ, съ ихъ наставникомъ Акундиновымъ

во главѣ, въ православной Церкви на правахъ единовѣрія, имѣвшемъ мѣсто въ Вилькомирскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи. Присоединившіеся къ православію старообрядцы принадлежали къ федосѣевской сектѣ и имѣли въ Лазарцахъ свой молитвенный домъ, гдѣ отправлялъ службы Акундиновъ. Послѣдній, еще будучи пѣвчимъ въ виленской старообрядческой молельнѣ, обратилъ на себя вниманіе строгихъ ревнителей раскола своею приверженностью къ службѣ и кротостью нрава, и въ 1879 г. лазаревцы избрали его своимъ наставникомъ. Выражая высокопреосвященному Алексію, архіепископу литовскому и виленскому, свое желаніе принять православіе, лазарцевцы, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили разрѣшенія построить въ Лазарцахъ православную единовѣрческую церковь и во священника къ этой церкви рукоположить Акундинова, «по довольномъ испытаніи и наученіи его». Ихъ просьба была уважена. Теперь въ Лазарцахъ при содѣйствіи гражданской и церковной власти, а также и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ Лазарцахъ построена церковь, и 16 мнувшаго октября освящена во имя св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра высокопреосвященнѣйшимъ Алексіемъ, архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ, при полной торжественности и благолѣпнн архіерейскаю служенія, привлечшаго множество народа. Такимъ образомъ изъ новообращенныхъ составлялся цѣлый приходъ.

— Комисаровскій миссіонерскій комитетъ обнаружилъ удивительно свободное отношеніе комисаровскихъ штундистовъ къ св. Писанію. Въ протоколъ этого комитета 1 ноября занесено, между прочимъ, слѣдующее: въ виду того обстоятельства, что въ предшествующее собраніе комитета нѣкоторые изъ штундистовъ заявили, что они признаютъ не все то, что написано въ свящ. Писаніи, обязательнымъ для исполненія и нужнымъ для спасенія души, члены комитета нашли нужнымъ вести бесѣду о боговдохновенности свящ. Писанія, а потому на основаніи слова Божія объяснили, что слово Божіе, заключенное въ книгахъ ветхаго и новаго завѣтовъ, не есть произведеніе обыкновеннаго ума человѣческаго, а написано по непосредственному воздѣйствію на пишущаго всесвятаго Духа Божія. Послѣ этого объясненія предложили штундистамъ отвѣтить, какъ они думаютъ? «Мы при томъ не были и не знаемъ, какъ оно писалось», отвѣтили штундисты.» Съ подобными сектантами вести бесѣду не легко.

— Въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія выработаны проектъ новаго положенія объ учительскихъ семинаріяхъ, въ силу котораго

при каждой семинаріи, между прочимъ, предполагено имѣть общежитіе. Въ виду этого попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ предложили находящимся въ ихъ округахъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ устроить такія общежитія при земскихъ и др. учительскихъ семинаріяхъ, предупреждая, что иначе самыя семинаріи будутъ закрыты. Съ своей стороны, земскія и др. учрежденія обратились въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о томъ, чтобы расходъ на устройство общежитія былъ принятъ на казенный счетъ, прося въ противномъ случаѣ оставить семинаріи въ ихъ настоящемъ видѣ. Въ отвѣтъ на означенныя ходатайства, министерство народнаго просвѣщенія, какъ передаетъ таже газета, уведомило заинтересованныя земства, что до утвержденія проекта въ законодательномъ порядкѣ не представляется пока достаточныхъ основаній къ возбужденію вопросовъ ни о закрытіи существующихъ учительскихъ семинарій, въ случаѣ неотысканія мѣстныхъ средствъ на устройство при нихъ общежитія, ни о принятіи расхода по такому устройству на счетъ казны.

— Въ «Сарат. Губ. Вѣд.» помѣщенъ слѣд. циркуляръ саратовскаго губернатора волостнымъ правленіямъ (отъ 23 декабря 1888 года): «Во время объѣзда моего по губерніи я во многихъ селахъ, осматривая училища, указывалъ на необходимость надѣленія школъ землею, а затѣмъ въ письменныхъ указаніяхъ—я выяснилъ всю полезность этого дѣла. Въ нѣкоторыхъ селахъ, по моимъ совѣтамъ, школы уже надѣлены землею, такъ напримѣръ въ Баландѣ (стараніемъ учителей), въ Шихинахъ г. Роландомъ, управляющимъ имѣнія, въ д. Александровской (Зимовѣ) и т. д.

«На школьной землѣ возможны практическія занятія дѣтей подъ руководствомъ учителя по полеводству, садоводству, огородничеству. Такія занятія вносятъ разнообразіе въ школьную жизнь; чередуя школьное обученіе въ душныхъ классахъ съ работой на чистомъ воздухѣ, дѣти, набирая силы, пріобрѣтаютъ и охоту къ продолженію ученія. Кромѣ того, работы по полеводству, садоводству и огородничеству подъ руководствомъ учителя въ состояніи дать крестьянскимъ дѣтямъ новыя, полезныя для ихъ будущей жизни знанія.

«Наше сельское хозяйство потому дурно идетъ, что наши земледѣльцы ведутъ его до сихъ поръ такъ, какъ оно велось на Руси при дѣдахъ и прадѣдахъ. Всѣ народы опередили насъ въ земледѣльской работѣ и вездѣ эта послѣдняя совершается усиленнымъ, чѣмъ у насъ. Что съ молодю заложено, то и прочно. Хотя бы дѣти ваши пріучались къ новымъ пріемамъ и способамъ вести хозяйст-

во. Этому можетъ научить ихъ сельскій учитель, которому образованіе даетъ возможность знать многое изъ сельско-хозяйственной науки. Надо только отвести каждой школѣ хотя какой-нибудь клочекъ земли—по возможности примыкающій къ школѣ.

Желая знать, гдѣ и какъ приняты мои указанія, предписываю донести прямо мнѣ о состоявшихся приговорахъ о надѣленіи школъ землею, о количествѣ отведенной земли, о тѣхъ предположеніяхъ, какія сдѣланы для пользованія этой землею въ интересахъ, указанныхъ выше, и о томъ, что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи».

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатана слѣдующая замѣтка касательно нищества.

Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ издавна ведется дѣятельная борьба съ нищенствомъ. Для искорененія попрошайничества, возведеннаго на степень постоянного занятія, вырабатывались различныя мѣропріятія, но ихъ осуществленіе затягивалось различными препятствіями и, главнымъ образомъ, недостаточностью средствъ; публика, особенно же торгово-промышленные классы, считаютъ своею какъ бы нравственною обязанностью раздавать милостыню просящимъ «Христа ради» и тѣмъ, вмѣсто дѣйствительной помощи нуждающимся только усиливаютъ ремесленное нищенство. Въ настоящее время, благодаря почину комитета призрѣнія нищихъ, вопросъ объ искорененіи нищества въ Петербургѣ значительно подвинутъ впередъ. Въ средѣ членовъ комитета, какъ сообщается въ газетѣ «Новости», возникла мысль, по примѣру Варшавы, Пскова, Риги, Ревеля и многихъ городовъ западной Европы, дать возможность населенію Петербурга замѣнить раздачу милостыни какими либо взносами въ извѣстное учрежденіе, призрѣвающее истинную бѣдность; такая замѣна не только дастъ публикѣ нравственное удовлетвореніе въ исполненіи долга по общественному призрѣнію, но косвенно наложитъ вопрещеніе подавать просящимъ милостыню. Въ запискѣ, составленной и поданной въ комитетъ призрѣнія нищихъ членами онаго: барономъ Буксевденомъ, Гвоздаво-Голенко, Гроздовымъ, княземъ Гагаринымъ, Вуичемъ и Соколовымъ, говорится: «желающіе замѣнить безработную подачу милостыни въ лавкахъ, магазинахъ и частныхъ домахъ пріобрѣтаютъ за годовой взносъ не менѣе 10 руб. въ кассу комитета по призрѣнію нищихъ мѣдныя дощечки съ надписью: «нищенствовать запрещается закономъ», съ печатью комитета и его адресомъ. Каждый, кто тягочится найзольвимъ попрошайничествомъ нищихъ и кто желаетъ содѣйствовать искорененію нищества, охотно пріѣдетъ

такую дощечку въ наружномъ дверямъ своей лавки или квартиры, предупреждая этимъ напрасныя просьбы нищихъ; послѣдніе скоро узнаютъ, что «тутъ не подаютъ, а платятъ въ комитетъ». Отъ такой мѣры можно ожидать: 1) сокращенія подачи нищимъ милостыни, главнымъ образомъ, поддерживающей выгодное ремесло нищенства, и 2) увеличенія средствъ комитета, потребныхъ для устройства и содержанія проектированнаго «дома труда».

С.-Петербургскій градоначальникъ, на заключеніе котораго былъ переданъ настоящій вопросъ, высказалъ, что, «вполнѣ раздѣляя мнѣніе о пользѣ и цѣлесообразности предлагаемой мѣры, онъ, съ своей стороны, готовъ оказать возможное содѣйствіе къ наиболѣе обширному ея примѣненію въ Петербургѣ».

Предположеніе комитета и записка вышеупомянутыхъ лицъ были представлены начальникомъ главнаго тюремнаго управленія на усмотрѣніе г. президента комитета, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшившаго примѣненіе задуманной мѣры. Согласно сему на этихъ дняхъ комитетъ заготовилъ уже первую партію дощечекъ и обратился къ градоначальнику со слѣдующимъ ходатайствомъ: «Обсуждая способы къ наиболѣе широкому распространенію дощечекъ въ столицѣ, среди торговопромышленнаго сословія, наиболѣе страдающаго отъ нищенства, комитетъ нашель, что содѣйствіе полиціи представляется существенно необходимымъ, о чемъ и ходатайствовалъ передъ градоначальникомъ». Въ отвѣтъ на это ходатайство, С.-Петербургскій градоначальникъ увѣдомилъ, что ожидаемая отъ вводимой мѣры польза будетъ тѣмъ больше, чѣмъ сознательнѣе и охотнѣе будетъ она примѣняться тѣми, кого она, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду—лицами торговаго и промышленнаго сословія. Съ этой точки зрѣнія, и объявленіе объ этой мѣрѣ, и первыя попытки приведенія ея въ дѣйствіе черезъ полицію едва-ли представляются желательными. Вмѣстительству полиціи, какъ бы оно ни было осторожно и осмотрительно, можетъ быть придано значеніе понудительности, и вмѣсто сочувствія оно можетъ возбудить недовѣріе. Поэтому казалось бы полезнымъ, чтобы починъ объявленія объ этой мѣрѣ исходилъ отъ комитета. Комитетъ могъ бы объявить о дощечкахъ, съ разъясненіемъ ихъ цѣли и значенія, въ газетахъ: напечатать и разослать объявленія при наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ; обратиться въ купеческую управу, управленія обществъ торговцевъ гостинаго двора, александровскаго и др. рынковъ и черезъ нихъ распространить продажу дощечекъ. Наконецъ, при посредствѣ купеческой управы могли бы быть при-

глашены состоятельные члены купеческаго сословія, которые приняли бы на себя продажу дощечекъ во всѣхъ торговыхъ помѣщеніяхъ. Всѣ эти указанія градоначальника приводятся нынѣ въ исполненіе. (М. Ц. В.).

— «Нов.» сообщаютъ, что картина «Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г.», написанная Н. Н. Карзинымъ и имѣющая быть изданной П. А. Разживинымъ, разрѣшена къ изданію министромъ Императорскаго Двора, графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Вслѣдствіе сдѣланныхъ указаній, картина въ настоящее время исправляется. Моментъ катастрофы для картины избранъ художникомъ очень удачно: грохотъ разрушенія едва смолкъ, по гребню откоса нагромождены обломки несоверканыхъ вагоновъ; густое облако пара еще окутываетъ покачнувшіеся паровозы; въ эту минуту Государь Императоръ движеніемъ руки указываетъ мѣсто, куда должны быть отнесены убитые. Возлѣ Его Величества, склонившись надъ искалѣченнымъ несчастнымъ лейбъ-казакомъ, старается уловить въ немъ малѣйшіе признаки жизни Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. За Ними видны фигуры г.-а. Ванновскаго и г.-а. Черевина, а выше на полотнѣ дороги выдѣляется фигура министра Императорскаго Двора, руководящаго работами по раскопкѣ. Высокотрогательный моментъ представляетъ другая группа. Здѣсь, на обломкѣ, между ранеными, изображена сидящая Государыня Императрица. Ея Величество заботливо слѣдитъ за перевязкою. Лейбъ-медикъ Гиршъ занятъ своимъ дѣломъ, около него Великій Князь Георгій Александровичъ. Далѣе у холма—печальный рядъ сложенныхъ тѣлъ пострадавшихъ и возлѣ нихъ часовой. Правѣе сквозь дождевую мглу, вьется пламя костра и сквозь дымъ выдѣляются фигуры г.-а. Рихтера, гофмаршала князя Оболенскаго и сопровождавшихъ Ея Величество дамъ. По скатамъ откоса солдаты носятъ раненыхъ. Издали, бѣгомъ, приближаются къ роковому мѣсту новыя группы. Надъ нимъ нависли дождевыя тучи.

— Изъ Уманскаго уѣзда «Кіев. Слову» пишутъ: Недавно въ с. Т. два крестьянина, сельскіе богачи, давніе закадычные пріатели, справляли знатную ирушку вслѣдствіе особыхъ причинъ. Семь лѣтъ тому назадъ, два молодыхъ домохозяина, Трофимъ и Стефанъ, зареклись въ ротъ не брать хмѣльнаго, въ чемъ дали другъ другу письменное обязательство при множествѣ свидѣтелей, въ числѣ которыхъ былъ и мѣстный священникъ. Такое обязательство дали они потому, что прежде сильно пьянствовали, пропили все свое добро, безобразничали и дошли почти до раззоренія. Вотъ однажды, семь

лѣтъ тому назадъ, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ, они увидѣли, что дѣло плохо, нельзя жить такъ дальше, и порѣшили на слѣдующемъ: они обязались не пить и заключили такое условіе: если кто-либо изъ нихъ будетъ уличенъ въ томъ, что былъ пьянъ, то другому, соблюдающему клятву, онъ долженъ дать пару лошадей съ возомъ, съ упряжкой, цѣнностью въ сто рублей. Кромѣ того родители этихъ молодыхъ хозяевъ обѣщались, если они выдержатъ клятву—не будутъ пить воды въ продолженіе 7 лѣтъ, дать каждый своему сыну по истеченіи 7 лѣтъ по сто рублей деньгами и по парѣ воловъ. Данное обѣщаніе дѣти сдержали, и родители ихъ—сѣдые старики—на радостяхъ задали на свой счетъ пирушку своимъ исправившимся дѣтямъ. Вся родня и того и другого изъ покаявшихся провела три дня. Пріятели снова дали другъ другу слово не пьянствовать. Этотъ фактъ любознательнѣе тѣмъ, что названные крестьяне, отказавшись отъ пьянства, такъ поправили свои дѣла, что одинъ изъ нихъ по ремеслу кузнецъ, въ этомъ году купилъ 20 десятинъ земли, а другой, занимавшійся пивовареніемъ, отлично отстроилъ домъ и всѣ хозяйственныя службы. Крестьяне смотрятъ на нихъ и приговариваютъ: «не пей нашъ братъ воды годикъ-другой—хозяйномъ стацетъ».

— Д-ръ Эбаръ въ Нимѣ (Франція) уже нѣсколько лѣтъ сряду очень успѣшно лѣчитъ ревматизмъ посредствомъ утюга и уксуса, средствъ, которыя имѣются въ каждомъ домѣ. Раскалываютъ утюгъ такъ, что капля уксуса, на него брошенная, превращается въ паръ, затѣмъ закрываютъ его въ кусокъ шерстяной матеріи, пропитанной предварительно уксусомъ, и прикладываютъ къ больному мѣсту. Это средство можно употреблять два-три раза въ день. Обыкновенно боль исчезаетъ чрезъ 24 час. и исцѣленіе бываетъ самое радикальное.

— Французскій журналъ «Hygiène pratique», между прочимъ, напоминаетъ, что въ каждомъ домашнемъ обиходѣ имѣются средства, свойства которыхъ большинству малоизвѣстны. Поваренная соль, напримѣръ, имѣющаяся въ каждомъ хозяйствѣ, дѣйствуетъ благотворно во многихъ желудочныхъ болѣзняхъ. Полчайной ложки соли, растворенной въ стаканѣ холодной воды, оказываетъ хорошее дѣйствіе на разстроенные желудки и можетъ рекомендоваться страдающимъ диспепсіей. Ежедневные приемы передъ завтракомъ небольшого количества соли въ рюмѣ воды составляютъ хорошее средство противъ запоровъ. Въ особенности полезна соль при воспаленіяхъ горла и рта, также она укрѣпляетъ десны. Въ количествѣ двухъ или четырехъ ложекъ въ стаканѣ теплой воды поваренная

соль успѣшно замѣняетъ рвотное; при отравленіяхъ также соль часто бываетъ весьма полезнымъ противоядіемъ (напр., при отравленіи адскимъ камнемъ и т. д.). Соль полезна также противъ укусовъ животныхъ и насѣкомыхъ и въ особенности цѣлебна при болѣзняхъ десенъ. Не менѣе благотворны во многихъ отношеніяхъ и свойства горчицы, которую французскій медицинскій журналъ совѣтуетъ имѣть въ достаточномъ запасѣ въ каждомъ домѣ. Двѣ или три ложки сухой горчицы, разведенной въ кружку воды, производятъ дѣйствіе рвотнаго. Кому неизвѣстны—говорить «Hygiène pratique» —благодѣтельные свойства горчишниковъ при разныхъ заболѣваніяхъ? Никакое домашнее средство не унимаетъ такъ быстро желудочныя боли, какъ горчичникъ. Горчица не менѣе полезна и при дѣтскихъ болѣзняхъ, особенно при крупѣ. Въ послѣднемъ случаѣ всего лучше прикладывать ее къ нижней части шеи заболѣващаго ребенка. Наконецъ, горчица употребленная при ножныхъ ваннахъ, способствуетъ оживленію кровообращенія и довольно скоро унимаетъ головныя боли.

— На станціи между с. Бачатомъ и г. Кузнецкомъ (въ дер. Папковой), хозяйка земской квартиры Клавдія Петровна рассказала о своемъ покойномъ мужѣ Иванѣ Петровичѣ слѣдующее: жизнь свою Иванъ Петровичъ проводилъ въ супружескомъ согласіи и трудолюбіи, отца своего, жившаго у него, почиталъ; дочь младшую обучилъ грамотѣ; празднишки чтилъ; пьянству и праздности не предавался.—Во всемъ домѣ у нихъ довольство; пконъ много и предъ каждой видна свѣча. О смерти своей Иванъ предугадывалъ заранѣе; въ настоящемъ году одинъ изъ насъ умереть, «сердце мое чувствуетъ», говорилъ онъ женѣ. Затѣмъ и словами и поступками своими онъ сталъ предугадывать на близость своей смерти, обладая полнымъ здоровьемъ. Занимаясь изготовленіемъ гробовъ, по мѣстному обычаю,—изъ цѣльныхъ деревьевъ, онъ въ великій постъ привезъ пять сутунковъ для своей семьи. Изъ назначеннаго для себя онъ началъ выдѣлывать гробъ прежде другихъ, предрекая о близкой своей смерти. Забывъ это съ безпокойствомъ, жена сказала свекору, чтобы онъ уговорилъ Ивана—оставить такую работу. Сынъ безпрекословно послушался отца. На Насхѣ, или нѣсколько ранѣе, почувствовавъ легкую боль въ себѣ, Иванъ сказалъ: «вотъ и смерть моя приходитъ: пошлите поскорѣе за священникомъ.» По приѣздѣ священника, онъ пожелалъ не только исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ, но и пособороваться. Послѣ сего, день-ото-дня онъ сталъ слабѣть, хотя ни въ чемъ особенной боли не чувство-

валъ. Среди пасхальной недѣли слегъ и приглашалъ знакомыхъ и родныхъ прощаться. Жень-же сказала: «я умру въ субботу; вамъ придется дѣлать мнѣ гробъ въ воскресенье, — зачѣмъ вы мнѣ помѣшали изготовить его заранѣе? Вы въ воскресенье не дѣлайте его, а отложите до понедѣльника; я — ничего, полежу, Богъ дастъ». Родные, признавъ эти слова больного признакомъ потери имъ сознанія, вслухъ выразили это свое сомнѣніе; но онъ, улыбувшись, сказалъ: «ахъ, Боже мой! вы думаете, что я безъ памяти? нѣтъ, все помню и опять повторяю: не дѣлайте гроба въ воскресенье.» Обѣщаніе дано и болящій успокоился. Въ субботу онъ сталъ чувствовать приближеніе къ смерти и велѣлъ зажечь свѣчи предъ иконами, а въ руку свѣчи не взялъ — велѣлъ погродить. Но чрезъ нѣкоторое время, попросилъ подать ему свѣчу, поспѣшно подозвалъ жену свою и, дунувъ въ нее, спросилъ: «слышишь-ли отъ меня запахъ смертной гнилости?» Отвѣтъ отрицательный. На вопросъ жены, какъ поминать его, что раздать изъ имущества на поминовеніе души его? Мужъ въ непостыдномъ упованіи, въ часъ исхода ему дарованный, могъ дерзновенно сказать: «какъ хотите, такъ и поминайте; я же, слава Богу, запасъ себѣ.» Вслѣдъ затѣмъ онъ мирно скончался. Гробъ ему сдѣланъ былъ въ понедѣльникъ. Отъ тѣла его и на третій день запаха тлѣнія не было. Припоминаемъ слова одного святаго мужа, нагляднымъ объясненіемъ и доказательствомъ справедливости коихъ служить приведенный сей часъ рассказъ: «Изъ землешцевъ есть многу спасающихся, говорить преподобный; это тѣ, которые въ простотѣ и незлобіи проводятъ жизнь свою. Души ихъ сіяютъ великимъ свѣтомъ праведниковъ. Я видѣлъ ихъ, когда они приходили въ городъ приобщаться св. Таинъ». («Могил. Еп. Вѣд.»).

— Одинъ японецъ изъ города Іеддо, занимавшій высокое положеніе въ государствѣ, отличавшійся большою ученостью, отлично воспитанный, разъ вышелъ погулять на берегъ моря. Незадолго предъ тѣмъ изъ гавани отплыли англійскіе и американскіе корабли. На мѣстѣ стоянки ихъ вельможа увидѣлъ плавающимъ какой-то предметъ и приказалъ своему провожатому достать ему оный изъ воды. Эта была книга. Взявши ее въ руки японецъ увидѣлъ, что книга та напечатана на иностранномъ языкѣ и читать ея онъ не можетъ. Отъ голландскихъ купцовъ узналъ онъ, что это Новый Заветъ на англійскомъ языкѣ и что массы людей вѣрятъ въ него какъ въ слово Божіе. При дальнѣйшихъ разспросахъ японецъ узналъ, что книга эта переведена на китайскій языкъ и можетъ быть

куплена въ Шанхаѣ. Онъ написалъ туда и книгу выслалъ. Тогда въ обществѣ 5—6 друзей сталъ онъ время отъ времени ее почитывать и знакомиться, что это такое за слово Божіе. Въ душу читавшихъ палъ свѣтъ. Слово Христово такъ тронуло вельможу, какъ не трогало до того времени никакое другое слово. Самъ онъ выражался о своемъ чтеніи такъ: «Никогда прежде не видалъ я такой личности и не слыхалъ ничего подобнаго, не читывалъ ничего въ томъ родѣ и не мечталъ о подобныхъ вещахъ; никогда не представлялъ себѣ возможности подобныхъ рѣчей и дѣлъ.» Чтеніе библіи продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, услышавши, что въ городъ Нагасаки пріѣхалъ одинъ христіанскій миссіонеръ, японецъ нашъ пригласилъ его къ себѣ, бесѣдовалъ съ нимъ и на всѣ свои вопросы получилъ удовлетворительные отвѣты. Такъ случилось, что знаменитый японскій чиновникъ и двое изъ его друзей безъ всякаго посторонняго вліянія увѣровали въ Того, о Комъ говоритъ Писаніе. Когда-же они обратились къ миссіонеру съ просьбою о крещеніи, тотъ нашелъ ихъ къ принятію крещенія совершенно подготовленными. Это были первые японцы, увѣровавшіе во Христа. («Воскр. День», № 40).

ОБЩЕСТВО «ВѢЛАГО КРЕСТА».

Послѣ послѣдней турецкой кампаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства Общество «попеченія о нуждающихся семействахъ вдовъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ *мировое время*», имѣющее знакъ «Вѣлаго Креста», и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: войны, пострадавшіе во время кампаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ Правительственнымъ учрежденіемъ, какъ Комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе и помощь. Въ совершеннономъ положеніи обрѣтаются войны, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ будущность ихъ не на столько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчій, болѣзней, такъ что въ общемъ, бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи, остающіяся въ дерев-

няхъ въ случаѣ смерти отцевъ на службѣ, лишаются земли, за неизмѣнимъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ, требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ не выслуживающій никакой пенсін, по спеціальному образованію не подготовленный къ другому рода дѣятельности, большею частію находится въ критическомъ положеніи; при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи, указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ «Вѣрный Крестъ», который бы заботился о войнахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

На сколько важны цѣли общества, на столько задача его обширна. Оно должно непрерывно дѣйствовать и 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоюга пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человекъ, (Выборгская Сторона, Нижегородская ул. д. № 27); 2) учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ прежній Александровскій Корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемые съ 5-ти лѣтняго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Не рѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за не вынутіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ «Вѣлаго Креста» и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдавать пенсін лицамъ, подлежащимъ покровительству общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, общество въ состояніи удѣлить на пенсін всего только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экшпровки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназін и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся

теперь средствамъ, общество ассигнуеть на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, общество озабочено не только увеличеніемъ неприкосновеннаго капитала, состоящаго теперь изъ 45000 рублей, но и приобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства Г-на Военнаго Министра, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести «Бѣлый Крестъ» на должную высоту.

Предсѣдательницею общества состоитъ вдова генераль-адъютанта графиня Е. А. Орлова-Денисова, товарищъ предсѣдателя генераль-лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями генераль-лейтенантъ В. А. Родіоновъ и правленіе общества образуется изъ 12 лицъ: попечительницы пріюта, жены генераль-лейтенанта Е. Ф. Тучковой, генераль-лейтенанта Н. Е. Штадене, полковника Ѳ. Ф. Дубиса-Крачака, подполковника Ф. Н. Курнѣва, жена Свиты Его Величества генераль-маіора М. И. Аргамаровой, секретаря общества гвардіи штабсъ-капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, коллежскаго совѣтника А. П. Минюшскаго, коллежскаго совѣтника Е. М. Андреева, инженеръ, технолога Ф. А. Фридендера и коллежскаго совѣтника В. И. Черепнина. Митрополиты: С.-Петербургскій и Московскій, Г. Военный Министръ и другія высшія лица состоятъ почетными членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ, генераль-маіоръ Н. В. Апрѣлевъ.

Правленіе общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона, по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ члены «Бѣлаго Креста».

**Въ произведенный 2-го января сего 1889 года тиражъ выигрышей
1-го внутренняго съ выигрышами займа.**

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.									
12119	14	200000	6663	2	8000	2898	15	1000	15812	32	1000
10499	7	75000	10475	6	8000	11894	25	1000	839	32	1000
16397	7	40000	15456	18	5000	14744	7	1000	9742	26	1000
10757	15	25000	16412	49	5000	8023	2	1000	15650	21	1000
4192	33	10000	10758	5	5000	13777	5	1000	4842	4	1000
16232	25	10000	3948	14	5000	5869	31	1000	7638	19	1000
5811	47	10000	7943	14	5000	9208	1	1000	9326	28	1000
2260	46	8000	12303	33	5000	12943	20	1000	14918	28	1000
10653	1	8000	9035	41	5000	14689	17	1000	18933	25	1000
3328	38	8000	1091	4	5000	2748	17	1000	5193	30	1000

Выигрыши въ пятьсотъ рублей пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.										
4273	1	6282	6	9586	14	15910	20	5300	27	15587	31
6043	1	6618	6	10222	14	17429	20	7857	27	11216	32
8782	1	8798	6	11215	14	6649	21	8221	27	12281	32
14307	1	11301	6	11252	14	12239	21	9461	27	13410	33
15924	1	11573	6	18955	14	2175	22	9780	27	17101	33
7755	2	602	7	19719	14	7360	22	11783	27	819	34
9615	2	4162	7	268	15	13137	22	18187	27	5545	34
19889	2	15734	7	612	15	12	23	4258	28	7363	34
969	3	10876	8	622	15	2923	23	5409	28	11887	34
2044	3	16723	8	1529	15	6872	23	5652	28	18548	34
6440	3	4791	9	2457	15	17521	23	6507	28	6271	35
9289	3	8006	9	8976	15	18694	23	9561	28	6393	35
11416	3	16783	9	10322	15	1584	24	14151	28	8597	35
12820	3	19478	9	15031	15	4790	24	18629	28	10399	35
12884	3	1204	10	317	16	5809	24	19724	28	14040	35
1330	4	2928	10	5282	16	14259	24	14656	29	9664	36
1839	4	6518	10	8584	16	15536	24	14857	29	19219	36
4337	4	8508	10	9027	16	16186	24	14913	29	10579	37
8513	4	9096	10	17354	16	16219	24	58	30	15738	37
14111	4	16773	10	19	17	5744	25	798	30	17589	37
14737	4	19781	10	14492	17	6102	25	1424	30	7339	38
16526	4	1390	11	16681	17	7345	25	6298	30	8976	38
19114	4	7848	11	17338	17	11255	25	6589	30	9425	38
19172	4	8769	11	19979	17	16165	25	8190	30	11643	38
1367	5	18687	11	608	18	213	26	12291	30	10358	38
1747	5	19048	11	5192	18	3765	26	14537	30	18681	38
8151	5	737	12	7560	18	6382	26	14658	30	2350	39
14538	5	3980	12	18300	18	10365	26	14687	30	6183	39
14710	5	5908	12	2895	19	14117	26	17103	30	9452	39
15422	5	13407	12	3709	19	14264	26	17712	30	11469	39
13810	5	16426	12	19520	19	16758	26	2263	31	13280	39
1199	6	1372	13	4191	20	19726	26	3568	31	19548	39
1922	6	7762	13	7279	20	1681	27	5753	31	381	40
3902	6	13634	13	8986	20	1809	27	15266	31	3517	40
4321	6	18707	13	9630	20	2426	27	15312	31	5489	40

№№ серій.	№№ билет.										
8267	40	12941	42	14479	44	3610	47	10172	48	4912	50
12822	40	16165	42	16607	44	9940	47	10745	48	6054	50
4858	41	845	43	16648	44	12556	47	10963	48	6788	50
5374	41	958	43	9900	45	13619	47	13143	48	7471	50
10004	41	18353	43	18773	46	13362	47	13166	48	6695	50
14149	41	19207	43	719	47	19771	47	15813	48	11741	50
19812	41	1711	44	1962	47	4368	48	18058	49	14349	50
2546	42	12376	44	2252	47	5249	48	4871	50	16955	50
4916	42	12415	44								

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1889 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ поименія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 2 января 1889 года.

15502	18440	485	2392	219	17942	11878	7718	14884	14289	9725	11355
2909	3999	4445	18312	52	19455	4958	9242	16909	9752	6521	4607
17055	18460	6799	9871	11963	5624	1358	18875	11176	7992	13124	8392
8439	998	11297	3649	13555	15357	9366	4395	8183	13048	6608	11725
10330	1916	6594	15449	18271	16815	15394	4544	11987	14527	3559	
11138	4266	605	19556	1581	3124	2432	7404	3200	2250	14399	
17202	1270	14122	1954	4295	11698	16337	19369	7511	4767	19905	
8632	1497	139	13600	4525	14475	9656	16113	11233	11758	17778	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1889 г. въ Государственномъ Банкъ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВѢСТНИКЪ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА,

состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, будетъ выходить, какъ всегда, еженедѣльно по Воскресеньямъ и состоять изъ разнообразныхъ статей какъ политическихъ, такъ и литературныхъ общаго содержанія свѣтскихъ и духовныхъ. Въ статьяхъ будутъ помѣщаться соответствующіе рисунки. Въ газетѣ будутъ слѣдующіе отдѣлы: 1. Свѣдѣнія Общества Краснаго Креста; 2. Политическія извѣстія объ иностранныхъ дѣлахъ; 3. Внутреннія извѣстія; 4. Изъ жизни духовенства; 5. Научныя свѣдѣнія; 6. Хозяйственныя свѣдѣнія; 7. Повѣсти и рассказы; 8. Смѣсь.

Кромѣ еженедѣльной газеты, будетъ выходить особое ПРИЛОЖЕНІЕ еженѣдно отдѣльными книжками, въ которыхъ будутъ помѣщаться романы, повѣсти и рассказы.

Для подписчиковъ съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ будетъ выдана въ средній годъ

Б Е З П Л А Т Н А Я П Р Е М І Я .

состоящая изъ большой хромолитографической картины, одной изъ тѣхъ, копій съ которыхъ разрѣшено ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ снять съ картинъ, на-

ходищихся въ Зимнемъ дворцѣ. Къ картинамъ будетъ приложенъ пояснительный текстъ; величина-же картины будетъ 16 вершк. длины и 12 вышины=192 кв. вер.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Газета безъ приложенія 2 руб. 75 к., съ приложеніемъ 6 руб. 50 коп. Адресъ: Петербургъ, Картографическое заведеніе г. Ильина. Въ редакцію «ВѢСТНИКЪ КРАСНАГО КРЕСТА.»

Тамъ-же въ редакціи «Вѣстника Краснаго Креста» можно получать слѣдующія изданія: 1) *Житія святыхъ*: 12 книжекъ, по числу мѣсяцевъ въ году. Одобрено Святѣйшимъ Синодомъ для духовно-учебныхъ заведеній и приходскихъ церквей. Цѣна 4 р. съ перес. 2) *Война 1877—78 годовъ въ Европейской Турціи*. Съ картою, планами и множествомъ рисунковъ. Составлена для всякаго понятнымъ и интереснымъ образомъ. Ц. 6 р. съ перес. 3) *Война въ Азіатской Турціи*. Также съ планами и рисунками. Ц. 4 р. 50 к. съ перес. 4) *Сочиненія А. Пушкина*. Два тома. Ц. 1 р. съ перес. Подробный каталогъ всѣхъ изданій «Вѣстника Краснаго Креста» печатается въ самомъ Вѣстникѣ и, кромѣ того, высылается всѣмъ желающимъ ВБЗПЛАТНО. Подписчики на газету съ Приложеніемъ, при выпискѣ книгъ, пользуются уступкою 20% съ цѣны безъ пересылки. Тою-же уступкою пользуются: *духовенство, земство, сельскія общества и учебныя заведенія оспехъ родовъ и наименованій, какъ-то: земскія, городскія и церковно-приходскія школы.*

БОЕВЫЯ КАРТИНЫ РУССКАГО НАРОДА.

Въ послѣднее время явилось въ продажѣ множество картинъ, сдѣланныхъ красками. Къ сожалѣнію, между ними ни одной, которая бы, по содержанію своему, взятому изъ дѣйствительной русской жизни, воспроизводила сюжеты, вполне достойные произведенія, и которыя были бы поучительны для русскаго человѣка, на какой бы степени образованія и умственнаго развитія онъ ни стоялъ: А между тѣмъ русская исторія записала на своихъ страницахъ множество доблестей русскаго народа, проявленныхъ на поприщахъ гражданскомъ, военномъ и духовномъ. Козьма Мининъ, воодушевившій народъ для спасенія отечества; Иванъ Суваринъ, жертвующій жизнью для спасенія своего Царя; священникъ, готовый взлетѣть на воздухъ и въ тоже время съ крестомъ въ рукѣ благословляющій взрывъ; наконецъ всякій военный отъ генерала до послѣдняго солдата оставили по себѣ слѣды русской славы и обезсмертили свои имена. Но наглядныхъ изображеній всѣхъ этихъ подвиговъ не имѣется для русскаго общества, и только въ Царскихъ чертогахъ есть картины, на которыхъ эти подвиги изображены по заказу Русскихъ Государей русскими и иностранными художниками.

Въ видахъ возможности познакомить русское общество съ содержаніемъ картинъ, изображающихъ доблести русскаго народа и его арміи, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоудно было разрѣшить снятъ красками копии съ этихъ картинъ и издать ихъ въ свѣтъ.

Подобныя картины, вполне художественно исполненныя, наглядно представляющія геройскіе подвиги русскаго народа и его арміи, одинаково пригодны для стѣнъ гостинныхъ и казармъ, а также и школы всѣхъ родовъ и наименованій.

Означенныя картины будутъ выходить выпусками отъ 4 до 5 картинъ въ каждомъ выпускѣ, величина картины 26 вершковъ длины и 12 вершковъ вышины; при картинѣ будетъ пояснительный текстъ.

Подписная цѣна на 1-й выпускъ 6 руб.; съ перес. 7 рублей. Въ отдѣльной продажѣ, если останутся экземпляры отъ подписки, цѣна каждой картины 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 рубля.

Первый выпускъ уже вышелъ и разсылается подписавшимся.

Подписка принимается въ картографическомъ заведеніи г. Ильина. Уголь Екатерингофскаго просп. и Большой Мастерской, д. № 11—43. Въ редакціи Вѣстника Краснаго Креста.

Въ Харьковскую епархіальную книжную лавку

(что въ колокольнѣ Кафедральнаго Собора *)

ВНОВЬ ПОСУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Священника Попова: Пагубныя слѣдствія самовольнаго брака—2 к. Наказанное кощунство—2 к. Наказанное пристрастіе къ животнымъ—2 к. Вразумленіе Божіе въ зломѣ умыслѣ дѣтубійства—2 к.; *Діакона Успенскаго:* Мысли и чувства при видѣ кладбища—10 к. Памятованіе о страданіяхъ Спасителя—5 к. Наши тайныя грѣхы—2 к. Противъ распутства выпѣлпей молодежи—7 к.; *Пуцковича:* Настольная книга для семьи и школы — Жизнь Іисуса Христа Спасителя міра, цѣна 1 руб. Библейскіе рассказы: Іудпѣъ—8 к. Сотвореніе міра и всемірный потопъ (съ 10-ю рис.)—10 к. Іосифъ Прекрасный (съ 6-ю рис.)—10 к. Самсонъ сильный (съ 5-ю рис.)—7 к. Пророкъ Моисей (съ 10-ю рис.)—12 коп. Соломонъ мудрый (съ 3-ми рис.)—8 к. Пророкъ Даніилъ (съ 6-ю рис.)—10 к. Праотцы патріархи: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ (съ 10-ю рис., 10 коп. Многострадальный Іовъ—8 коп. Руфь—7 к. Товитъ—7 к. Святые пророки: Ілія, Елисей, Іона—12 к. Эсфирь—8 к. Іисусъ Навянъ—8 коп.; *Протоіеря Печаяви:* Многочадіе и безчадіе—6 коп. Свекрови и невістки—4 к. Старость—6 к. Пасынки и падчерицы—4 к. О богослуженіи—8 к. О христіанскихъ именахъ—7 к. О вечерняхъ и балахъ—5 к. Пастырскій голосъ—5 к. Дружба—6 к. О путешествіяхъ—6 к. Гордость—5 к. Сиротство—5 к. Краткія изреченія—8 к. Духовное завѣщаніе—5 к. Убогіе—6 к. Лица безбрачныя—4 к. Злоупотребленіе словами—7 к. Доброе имя—3 к. Грѣхи чувствъ—6 к.

*) Иногородные адресуютъ свои требованія въ Харьковскій Епархіальный книжный Комитетъ, прилагая пересылочныхъ на каждый рубль 10 коп.

Открыта подписка на 1889 г. на издаваемые при Св. Синодѣ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

«Церковныя Вѣдомости», издаваемые при Святѣйшемъ Синодѣ, имѣютъ выходить въ 1889 году (2 годъ изданія) по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ въ объемѣ 2--3 печатныхъ листовъ ежедневно. Программа ихъ: I. Узаконенія и распоряженія по духовному вѣдомству, узаконенія и распоряженія по другимъ вѣдомствамъ, имѣющія отношеніе къ церквамъ и причтамъ. II. Прибавленія къ «Вѣдомостямъ»: наиболѣе замѣчательныя слова и рѣчи, статьи научно-богословскаго содержанія, изложенныя просто и общепонятно, разъясненіе узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, о церковной жизни Россіи, православнаго Востока и инославнаго Запада, отзывы о книгахъ духовнаго содержанія, извѣстія и замѣтки и т. под. «Церковныя Вѣдомости» — органъ Святѣйшаго Синода, изданіе обязательное для церковныхъ причтовъ и учрежденій духовнаго вѣдомства. Цѣна «Церковныхъ Вѣдомостей» съ доставкой и пересылкою ТРИ РУБЛЯ. Иногородные частные подписчики адресуютъ свои требованія на «Церковныя Вѣдомости» въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ. Отъ частныхъ же лицъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ редакціи (Конногвардейскій бульваръ, д. № 5, кв. 7) отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ вечера ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней. Кромѣ конторы редакціи, отъ частныхъ лицъ подписка на «Церковныя Вѣдомости» принимается въ С.-Петербургѣ — въ Синодальной книжной лавкѣ и у книгопродавцевъ Тузова, Мартынова, Луковникова и Карбасникова, въ Москвѣ — въ Синодальной книжной лавкѣ и у книгопродавцевъ Думлова, торгующаго подъ фирмою наследниковъ братьевъ Салаевыхъ и Сытина, въ Кіевѣ — у Оглобина, въ Казани — у Дубровина. Частныя объявленія, соотвѣтствующія назначенію изданія, принимаются съ платою по 30 коп. за мѣсто, занимаемое строкою пята въ одинъ столбецъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Въ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоірей Іоаннъ Иратировъ.